ISSN 2308-152X (Print)
ISSN 2313-6197 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Golden Horde Review

2019

Том 7, № 1
Vol. 7, no. 1

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2019. Том 7, № 1

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2019, vol. 7, no. 1

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2019

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Emerging Sources Citation Index (ESCI) на платформе Web of Science Core Collection, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.02 – Domestic history (historical studies), 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media
The journal was founded:	ПН № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
ISSN	2013
Publication frequency:	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Founder and publisher:	4 times a year
	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences”
	(420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index П7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Сергей Павлович Карпов, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Владимир Александрович Иванов, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Аширбек Курбанович Муминов, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почкаев Роман Юлианович, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Борис Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Асанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гадельзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Галимов Тэймур Рустэмвич**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Vice-president of AS RT, Academician of AS RT (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics», (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Boris V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts editor's: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfetdinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Teymur R. Galimov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Aleksandar Uzelac. Cumans in the Latin Empire of Constantinople	8
Александр Николов. Татары в византийских хрониках «Chronica Breviora»: реальность и стереотипы	22
Кулешов Ю.А. Боевые цепи в комплексе вооружения Золотой Орды	37
Майоров А.А. Роль Золотой Орды в формировании структур управления на севере Черниговского княжества второй половины XIII в.	55
Воротынцев Л.В. «Татарский» торговый путь («Via Tatarica») в системе международной торговли XIII–XV вв.	77
Викторин В.М., Васильев Д.В., Идрисов Э.Ш., Имашева М.М. Село Татарская Башмаковка – археология и этнография. К истории золотоордынского наследия в Нижнем Поволжье	90
Хироюки Нагаминэ. Еще раз о сочинении Кадыр-Али-бека («Джами ат-таварих / Сборник летописей»)	115
Маслюженко Д.Н. Процесс исламизации населения Юга Западной Сибири в XIII–XVI вв.	131
Чернышов С.А. Иван Грозный – потомок Чингиз-хана или Августа: легитимизация верховной власти Московского царства в коммуникационных практиках XV–XVI вв.	159
Гибадуллин И.Р., Сайфетдинова Э.Г. Махмуд ал-Булгари. Нахдж ал-Фарадис (глава III, раздел 1)	175
Рустемов О. Рецензия на книгу: Królikowska-Jedlińska N. Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683)	185

Хроника

Гиниятуллина Л.С. Круглый стол «История Золотой Орды и татарских ханств в трудах Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми» (Казань, 21 февраля 2019 г.)	193
---	-----

CONTENTS

Articles

Uzelac A. Cumans in the Latin Empire of Constantinople	8
Nikolov A. Tatars in the Byzantine Chronicles – “Chronica Breviora”: Reality and Stereotypes	22
Kuleshov Yu.A. Combat Flails in the Armament of the Golden Horde	37
Mayorov A.A. The Influence of the Golden Horde on the Formation of Administrative Structures in the North of the Chernigov Principality during the second half of the 13 th century	55
Vorotyntsev L.V. The “Tatar” Trade Route (“Via Tatarica”) in the International Trade System of the 13 th –15 th centuries	77
Viktorin V.M., Vasil'ev D.V., Idrisov E.Sh., Imasheva M.M. The Village of Tatarskaya Bashmakovka – Archaeology and Ethnography. The History of the Golden Horde Heritage in the Lower Volga Region	90
Nagamine H. Rethinking Qādir ‘Alī Beg’s Historiography (<i>Jāmi‘ al-Tavārīkh</i>)	115
Maslyuzhenko D.N. The Islamization Process of the Population of the South of Western Siberia in the 13 th –16 th centuries	131
Chernyshov S.A. Ivan the Terrible – Chinggis Khan’s or Augustus’s Descendant: Legitimization of the Supreme Authority of the Moscow Tsardom in Communication Practices of the 15 th –16 th centuries	159
Gibadullin I.R., Sayfetdinova E.G. Mahmud al-Bulgari. Nahj al-Faradis (Ch. III, sect. 1)	175
Rustemov O.D. Book Review: Królikowska-Jedlinska N. Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683)	185

Chronicle

Giniyatullina L.S. The Round Table “The History of the Golden Horde and the Tatar Khanates in the Writings of Ötemish Hajji and Abdulgaffar Kyrymi” (Kazan, February 21, 2019)	193
---	-----

СТАТЬИ

УДК 94(397.4:38)"12"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.8-21

CUMANS IN THE LATIN EMPIRE OF CONSTANTINOPLE

*Aleksandar Uzelac**Institute of History
Belgrade, Serbia**aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

Abstract: *Research objectives:* An analysis of the background, circumstances and factors that led to the conclusion of the alliance between the Cuman fugitives from the Pontic Steppes and the Latin Empire of Constantinople, as well as its dissolution. Attention is also cast on some chronological issues and the participation of the Cumans in Frankish military campaigns.

Research materials: Contemporary sources in which this episode is detailed, among them the most important being the works of Byzantine historian George Akropolites, French chronicler Alberic (Aubry) de Trois-Fontaines and another French author, Jean de Joinville, biographer of the French King Louis IX (1226–1270).

Results and novelty of the study: The alliance concluded in Constantinople in the fall of 1239 between the Cumans and the Franks was without precedent in the western world. Together with the Cumans, the Frankish knights participated in a ceremony, performed according to nomadic customs. The ‘blood brotherhood’ was concluded between the two parties, and the alliance was consequently strengthened through the marital ties. Unlike Hungary, where the attempts to integrate the Cumans ended in failure due to the strong cultural and social differences between the newcomers and the local population, as well as internal instability, the Frankish elite in Constantinople was unanimous in their decision to compromise with the nomads, and there was no opposition to such an alliance. However, despite the fact that the Cumans were accepted in an exceptionally friendly manner, were held in high regard by the Frankish leadership and were allowed to retain their customs, the alliance did not last for long and was destined to be a failure. This was due to the complex internal and external factors such as lack of resources for the sustenance of the immigrants, the Mongol threat that loomed over the Latin Empire, and the untimely death of the Cuman leader Iona in 1241, whose personal authority was a guarantee of the alliance.

Keywords: Cumans, Latin Empire, Iona, Saronius, Baldwin II, Mongol invasion, nomadic integration

For citation: Uzelac A. Cumans in the Latin Empire of Constantinople. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 8–21. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.8-21

On the eve of the Mongol invasion of central and southeast Europe an intriguing alliance was concluded between the Cumans and the Latin Empire. Considering its importance, it is no surprise that the ‘Cuman episode’ in Constantinople attracted considerable attention of the contemporaries. Among them were Byzan-

tine historian George Akropolites (1220–1282), French chronicler Alberic (Aubry) de Trois-Fontaines (the name refers to the abbey of Trois-Fontaines near Châlons-sur-Marne where Alberic was the monk in the first half of the thirteenth century), and another Frenchman, Jean de Joinville (1224–1317), the celebrated biographer of King Louis IX (1226–1270). Furthermore, the Cuman stay in the Latin Empire is a topic not unknown in the historiography of the Medieval Balkans, or among the scholars dealing with the nomadic world. However, in modern historiography the attention was more frequently cast to some peculiarities recorded in the sources than to the political and social aspects of the alliance, or its consequences. Therefore, in this article, the attempt is made to reconstruct this episode in details, but also to assess its importance from the point of view of the contacts between the Christian Europe and medieval nomads, and from the perspective of nomadic integrations in the sedentary world.

The events dealt with in this text took place in 1239–1242 (more about the chronology will be said below), but in order to understand the nature of the contacts between the Cumans and the Latin Empire it is necessary to go back several decades earlier, to the time of the Fourth Crusade. As it is well known, in 1204 Constantinople was captured by the army, composed mostly of French Crusaders, diverted from its course towards Palestine. The downfall of the Byzantine Empire and the establishment of the Frankish rule in Constantinople left a tremendous impact on the Christian world, and drastically changed the political chart of the Medieval Balkans. Byzantium was no more; on its ruins the Crusader states were formed: Latin empire in Constantinople and its satellites in Thessalonica, Athens and Achaia. Simultaneously, on the western and eastern fringes of the Greek lands, Despotate of Epiros and Empire of Nicaea arose as serious contestants of the ‘Frankokratia’ and successors of the Byzantine imperial idea. The following decades were marked by continuous struggles and clashes in the region, in which participants were not only the Crusader states and Greek political entities, but also the so-called Second Bulgarian Empire of the Assenid dynasty. Led by its energetic and capable ruler Kaloyan (1197–1207), it was Bulgaria that emerged as the most important factor in the European southeast after the Fourth Crusade, albeit for a short time. Its regional political and military dominance owed much to the ability of Assenids to acquire the military aid of the Cuman groups to the north of the Danube. Kaloyan was married to a Cuman princess [10, p. 140–141; 12, p. 24; 32, p. 12–13; 37, p. 88], and through diplomatic means he managed to secure loyal support of the Cumans in his wars against the Frankish Crusaders.

Hostilities between the Bulgarians and the Franks were present from the very beginnings of the Latin Empire. In the spring of 1205, Kaloyan launched a campaign against Frankish strongholds in Thrace. The Bulgarian army was strengthened by a Cuman auxiliary corps, numbering some 10,000–14,000 men [29, p. 92; 31, p. 32–33]¹. On April 14, Kaloyan’s forces inflicted a heavy defeat to the Franks in a pitched battle near the city of Adrianople. Both Greek and Frankish contemporaries agree

¹ The higher figure of 14,000, provided by trustworthy Frankish knight and historian Geoffroi de Villehardouin (ca. 1150–1215), is the one generally accepted in modern scholarship. Although the number may seem exaggerated, there is no basis to reject it. Namely, it is worthy of note that at the end of the twelfth century in Bulgaria was permanently stationed Cuman corps, numbering some 10,300 men; its presence and strength is recorded in a contemporary inscription from Preslav [42, p. 168].

that the Cuman role in the battle was crucial [10, p. 139–140; 12, p. 21–22; 29, p. 94]. The Franks, who had no previous experience in dealing with the nomads and their military tactics, greatly underestimated their adversaries. Their army regarded “the Cumans dressed in skins” more like “a band of children”, than a serious threat, wrote an eyewitness of the events, Robert de Clari from Picardy [25, p. 84]. In a feigned retreat, the Cuman light cavalry lured the Frankish knights led by count Louis of Blois into an ambush. As a result, the majority of their army was either slain or captured. Louis of Blois lost his life, while Latin emperor Baldwin I of Flanders (1204–1205) was wounded and fell into the Bulgarian hands. Not long after, he was executed in the Bulgarian capital of Tarnovo under spurious circumstances; allegedly, it was because Kaloyan unexpectedly found out that his Cuman wife fell in love with the noble captive [1, p. 885; 31, p. 33–34; 32, p. 13–14].

As the war continued, the Franks suffered another heavy defeat at the hands of mixed Bulgarian and Cuman army in the Battle of Rousion (modern Ruskoj) in the winter of 1206. The Cuman detachment again played a pivotal role in Kaloyan’s stratagem aimed to divide and split the forces of heavily armored knights led by Thierry de Termonde. The catastrophe at Rousion was, according to the words of Frankish knight Geoffroi de Villehardouin, comparable to the one suffered just a year earlier near Adrianople [29, p. 107–108; 31, p. 34–35]. Not surprisingly, as the Bulgarians and the Cumans proved to be much stronger opponents than one might have expected, the attitude towards them drastically changed. At that time, they were already perceived as the strongest and most ferocious enemies of the Western Christianity, “even worse than Saracens”, as Baldwin’s brother and his successor on the throne in Constantinople, Henry of Flanders (1206–1216) himself emphasized in the same year [18, p. 528].

Although the Kaloyan’s armies seemed invincible, the course of events was abruptly changed in 1207, when the Bulgarian ruler besieged Thessalonica. During the siege he was treacherously murdered by certain Monastres, possibly a Cuman nobleman from the ranks of his army [24, p. 61–65]². Kaloyan’s demise signaled the end of the threat and opened a new era of coexistence between the Latin Empire and its northern neighbor. In the following years, Henry of Flanders reached a diplomatic agreement with Kaloyan’s successor Boril (1207–1218), which served as a foundation of the Frankish temporary dominance in the Balkans.

The role of the Cumans in the Balkans greatly diminished after Kaloyan’s death³. The Franks learned from the bitter previous experience about their military potential, warfare and strategy. Nonetheless, at that time no one could have thought that some three decades later, these nomads would become the much-needed and desired allies, and that the very existence of the Latin Empire of Constantinople would be gambled into an alliance with Cuman fugitives from the Pontic steppes.

² Kaloyan’s death was attributed to divine intervention and actions of St. Demetrius, protector of the city, “who pierced him through his body with a lance and slew him” [25, p. 85].

³ There is one exceptionally vague reference about the conflict between the Franks and the Cumans, recorded by bishop of Tournai Phillipe Mouskes in his Rhymed Chronicle, and referring to the events around the year of 1224. Nonetheless, it seems that the name ‘Coumain’ in his text is not related to the Cumans, but to ‘Comnenus’, i.e. the Emperor of Nicaea [5, p. 408, vv. 23155–23180; 45, pp. 368–369, n. 63; cf. 27, p. 196].

In the late thirties, the political chart of the European southeast looked completely different than at the beginning of the century. Frankish possessions in Asia Minor were lost after their defeat at the hands of Nicaean forces in the Battle of Poimanenon (early 1224) [45, p. 300–301], and in the same year the city of Thessalonica fell in the hands of the Epirotes. The glorious days of Henry of Flanders were long gone, and the Latin Empire was reduced to its possessions in Thrace.

The Epirote threat was eventually removed; their dreams for the imperial succession were shattered by Kaloyan's nephew John Assen II (1218–1241) at the battle of Klokotnitsa, a tributary of the Maritsa river, in 1230. In this battle, a small band of Cumans also participated as faithful Assenid allies [10, p. 178; 12, p. 41]. The decline of Epiros, was, however, exploited by the Empire of Nicaea, which gradually began to gain the foothold on the European soil. In 1235, the worst Frankish nightmares were materialized: John Assen II and Nicaean Emperor John III Doukas Vatatzes (1222–1254) concluded an agreement, crowned with dynastic marriage and directed against the Franks [7, p. 136–138; 27, p. 216–219]. Faced with this coalition, numerically inferior Franks managed to defeat the adversaries in some smaller skirmishes, and with the help of Venetian fleet to defend Constantinople, attacked by the forces of the two Orthodox powers. The alliance between Nicaea and Bulgaria was broken not long after these events, but even so, after their joint offensive, the possessions of the Latin Empire in Thrace were greatly reduced to several cities in the vicinity of Constantinople, and the position of the Franks became as precarious as never before.

In 1238, the regency of the Latin Empire passed into the hands of experienced Narjot de Toucy [26, p. 182]. At that time, young emperor Baldwin II of Courtenay (1227–1261) was in France, in an attempt to summon help for the recovery of the lost Frankish possessions. After difficult negotiations with Venice and the French king, he was eventually able to muster a formidable army, allegedly numbering 30,000 men and 700 mounted knights. As its leader, he returned to Constantinople via Hungary and Bulgaria in late summer or early autumn of 1239 [1, p. 946–947; 13, p. 136, n. 18; 26, p. 181–182; 28, III, p. 517–518; 27, p. 222–223]. Soon upon his return, another allies unexpectedly appeared on the horizon. It was the Cumans from the Pontic steppes, who were fleeing from the Mongol invasion, and to whom we now have to turn our attention.

* * *

The echoes of the Mongol campaigns reached southeast Europe some time earlier. In 1237, the Chinggisid armies undertook operations against Cuman/Qipchaq groups in the Middle Volga basin. The unstoppable Mongol storm caused several waves of Cuman mass migrations to the west. Their movement towards the borders of the Kingdom of Hungary is attested in a letter of Dominican traveler to the East friar Julian that reached Europe in the early 1238 [17, p. 378, 387], and probably in the same year, a large group of the fugitives appeared on the left bank of the Lower Danube. According to the Byzantine contemporary historian George Akropolites, “the Scythian (=Cuman) race, all those who had escaped the sword of the Tatars who had overrun them, crossed the Ister (=Danube) on skin bags and passed over the Haimos (=Balkan Mountains) together with children and

wives”⁴. Their onslaught was so ferocious that even Bulgarian emperor John Assen II, despite his earlier good relations with the Cumans, was unable to pacify them. The only thing he could do was to allow them the passage further south, to the Thrace, where the newcomers made the region in the upper course of Maritsa river “their grazing grounds”. According to Akropolites, the Cumans plundered everything in their way and in a short time stripped the local inhabitants bare of their possessions, turning the region into the “proverbial Scythian desert” [10, p. 199–200; 12, p. 53–54; 46, p. 63–64].

In the words of Akropolites, the ‘Scythians’, numbered “many thousands”. Later Byzantine historian Nikephoros Gregoras (ca. 1295–1360) assessed their strength at 10,000, and this figure is usually accepted by the contemporary historians [2, p. 81; 30, p. 36–37; 39, p. 302]. The number however, implies nothing else then ‘multitude’. No other source provides even the slightest indication about the strength of this Cuman band, but considering the usual exaggeration of the nomadic numbers in Byzantine sources, it may be suggested that, together with their families, they hardly numbered more than several thousand people. Nonetheless, they were formidable enough to shake the stability, and even the very foundations, of the Christian states in the European southeast⁵.

As Akropolites further relates, “the Latin race, which always nurtures a passionate hatred for us, and was even worse disposed because of the recent attack on them by the emperor John (Vatatzes) and (Bulgarian ruler) Assen and because of the loss of their lands and fortresses, was looking for the opportune moment to attack us. First, they won over Assen, concluding a peace treaty with him. Then, along with him, they drew to themselves the Scythians, barbarian men, vagrants and intruders, and made them accomplices in their deeds, with some small favors but larger promises” [10, p. 200; 12, p. 54–55]. There is no information about the date of these contacts, but it is evident that they took place after Baldwin II returned from the West in the fall of 1239. Namely, the emperor was present in person when the Franko-Cuman alliance was concluded. Thus, the event may be dated at the end of the same year, and such datation is circumstantially confirmed by Alberic de Trois-Fontaines, who mentions that it took place ‘paucos annos’ before 1241 [1, p. 949].

The leadership of the Latin Empire was quick to realize the military potential of the newcomers. Moreover, the Cuman arrival raised the hopes of the Franks in an unprecedented manner. Alberic de Trois-Fontaines recorded a contemporary prophecy that was circulating in the Church circles in the West, and whose origin

⁴ Similarly to other Byzantine writers of the era, Akropolites constantly employs the archaic term ‘Scythians’ for Cumans [cf. 36, p. 90–92].

⁵ Besides Akropolites, the tragic destiny of Cumans and their migrations was remembered in some Slavic apocryphal writings, composed in the mid-thirteenth century [33, p. 161–166; 44, p. 58]. It is also recorded in the Mamluk tradition, by Ibn Tagrıberdî (ca. 1410–1470), who described in detail the misfortunes of the Cuman fugitives in Bulgaria, among them the future Mamluk sultan Baibars al-Bunduqdari [22, p. 387, 398–400; 41, p. 542]. Possibly, the information provided by Ibn Tagrıberdî may be related to a different group of Cumans, and not to the ones who descended to Thrace. In addition, celebrated geographer Ibn Sa’id al-Maghribi, also briefly mentioned the Cuman flight to the ‘Land of Constantinople’ [21, p. 34], but, neither Slavic apocrypha, nor Arabic sources, do not give any details about the contacts between the Cumans and the Franks.

must have been in Constantinople: "The king will execute unjust enemies, but not through friends" (*Rex inimicos perdet iniquos non per amicos*). As he further explained: "There was a belief that the arrival of the Cumans announced this prophecy and that the King of Heaven would destroy the enemies of the Constantinopolitan Empire – Vatatzes and Assen – not through friends, but through the Cumans, the heathens, who were not the friends of the Christ" [1, p. 949].

The ceremony that followed the conclusion of the alliance was described in detail by another Frenchman, Jean de Joinville. He relied on the information provided to him in person a decade later by Phillipe de Toucy, son of Narjot, at the time when they met in Cyprus, during the preparations of the Crusade of the French king Louis IX (Joinville mentioned Narjot de Toucy as the informant, but it is an obvious mistake, for he was not among the living at that time). According to his words: "The Emperor of Constantinople with the other rich men in that city, were leagued at that time with a folk called Cumans ('people que l'on appelloit Commaïns'), that they might have their help against Vatatzes, who at that time was Emperor of the Greeks. And in order that the alliance might be faithfully observed, the Emperor and the rich men with him had to bleed themselves and put some of their blood into a great silver goblet. And the King of the Cumans ('li roys des Commaïns') and the rich men with him did the same and mingled their blood with the blood of our people, and tempered it with wine and water, and drank of it, and our people likewise, and then they said that they were 'blood-brothers'". The ceremony also included a peculiar sacrifice: "they drove a dog between our people and theirs, and they, and our people too, hacked the dog in pieces with their swords; and said, so might they be cut in pieces if they failed one another" [20, p. 270; 29, p. 260].

The establishment of the sworn 'brotherhood by blood' between the nomads and the Franks had no precedent in the earlier similar contacts. The ceremony was evidently performed in accordance with the Cuman wishes, but the conclusion of the agreement did not finish there. According to Alberic de Trois-Fontaines, two Cuman leaders, whom he calls 'kings' (*reges*), named Iona and Saronius, gave their daughters in marriage to the dignitaries of the Latin Empire. Bailiff Narjot de Toucy married a daughter of the older and more respected Cuman chief Iona (*'Filiam vero regis Ione, qui videbatur esse maior in regibus Cumanorum, duxerat domnus Nargoldus balivus'*). The Cuman princess was baptized and after Narjot died in 1241, she became a nun. Two daughters of Saronius were also baptized in Constantinople, and were married to William (Guillaume), son of constable Geoffroy de Merry, and Emperor's cousin Baldwin of Hainaut respectively (*'Saronius insuper traditor quidam duas habebat filias baptizatas in Constantino-poli, quarum unam duxit Guillelmus conestabuli filius, alteram Balduinus de Haynaco'*) [1, p. 950]. Alberic mentions these marriages sub anno 1241, which some scholars accept as the date of their conclusion [cf. 39, p. 303], but it is evident from the text that in this instance he referred to earlier events. It is, therefore, logical to assume that the ceremony performed in 'the Cuman manner', described by Joinville, and the marriages between the Cuman princesses and Frankish nobles, were nothing else than just two different parts of the same agreement, concluded in the fall of 1239, as we have seen. These marital ties were well-known in the West. They are reflected in the fourteenth century French continuation of 'The History'

of William of Tyre, where a marriage of a Frankish noble named Anseau and a daughter of a Cuman chief is mentioned [16, col. 1010]⁶.

The help from the West, simultaneous improvement of the relations with Bulgaria, as well as the alliance with the Cumans, gave the Franks an opportunity to even the odds with their most serious adversary – the Empire of Nicaea. In the summer of 1240, a campaign for the recovery of their lost possessions in Thrace was launched [7, p. 149–150; 10, p. 205, n. 9; 13, p. 130; cf. 27, p. 223]. Main operations were carried around the strategic fortress of Tzouroulos (modern Çorlu). According to Akropolites, “the superiority of the Latin force and the infinite number of Scythians, and the quantity and strength of the siege towers” had forced the Nicaean commander Petralyphas to surrender the town. “Thus, the Latins subdued Tzouroulos and carried off as captives to the city of Constantine the Romans in it” [10, p. 203; 12, p. 58–59]. The hopes of the Franks were high, and Emperor Baldwin II enthusiastically informed his cousin, English king Henry III (1216–1272) of the success and capture of a “very important fortress” (*maximam civitatem*), together with surrounding lands [28, IV, p. 54–55].

The Cumans were thus successfully put into action. In the beginning of 1241, the Franks achieved another victory, when allied Venetian fleet managed to defeat Nicaean ships in the vicinity of the capital [13, p. 131]. Nonetheless the operations abruptly stopped, under spurious circumstances, and in the same year the Latin Empire concluded two-year truce with Nicaea [1, p. 950]. It can be surmised that it was due to the events taking place outside the Balkans. The Mongol operations against Hungary commenced in the spring of 1241, not coincidentally immediately before the establishment of the armistice. The news about their advance probably led to the temporary halt of the hostilities in Thrace, and caused a strong sense of anxiety, not only among the Franks, but also among the Cumans, who soon renounced their loyalty to Constantinople.

The only notices about the Cuman leaders are provided by the Latin sources. Joinville spoke about a single Cuman ‘king’, while Alberic mentioned two of them – Iona and Saronius, explicitly stating that the former was more influential and of higher stature among them. Thus, it seems certain that the unnamed leader of the Cumans mentioned by Joinville was none other than Iona. He was not baptized, and when he died in the same year as Narjot de Toucy, in 1241, he was, according to Alberic, buried according to the nomadic customs. His body was put under a high tumulus just outside of the Walls of Constantinople and the funeral ceremony was followed by the voluntary sacrifice of eight of his men, as well as no less than 26 horses [1, p. 950].

Thanks to his informant from de Toucy family, Joinville was also familiar with the funeral of Iona. He related how the Cumans “dug a deep, wide grave for him in the ground, and had seated him with great pomp and richly dressed in a chair, and put in with him the best horse that he had, and the best serjeant all alive [...] When this was done, they placed him alive in the grave with his master and the living horse, and then they threw across the grave planks firmly secured, and all

⁶ The man in question is probably none other than Anselm (Anseau) de Cayeux, a person of highest importance within the Frankish leadership, who was bailiff and interim regent of the Latin Empire after Jean de Brienne died in 1237, and before Narjot de Toucy took over the position in the next year. However, the information is extremely dubious, as it is known that Anselm de Cayeux was at that time married to a Greek princess Eudokia Laskarina.

the host came running with earth and stones. And before they slept, they had raised above the grave a great mound, in memory of those whom they had buried there” [20, p. 270, 272; 29, p. 260]. Although the report contains some fantastic details, it has been assessed by scholars as generally trustworthy [15, p. 124–145].

The peculiarities of Iona’s funeral ceremony should be left aside in this text. It is more important to note that his death must have been a serious blow to the alliance. It is hardly a coincidence that Alberic characterized second Cuman leader Saronius as a ‘traitor’ (‘traditor’) [1, p. 950], and he obviously had a good reason to do so. In the meantime, Joannes III Vatatzes did not sit idle. He used the armistice with the Franks to turn his attention against the Epirote stronghold of Thessalonica, knowing very well that the possession of the second most important Greek city opens the path towards Constantinople in the long run. It is conspicuous that during this campaign in the summer of 1242, the Cumans were present in his army [10, p. 215–216; 12, p. 65–66]. Evidently, the Cuman host, or at least its larger part led by Saronius left the Franks in the fall of 1241, or in the beginning of the next year, thus effectively putting the alliance with the Franks to an end.

* * *

On the previous pages, we have seen how the Cumans were eventually won over by Joannes III Vatatzes, after the flight from the Mongols, passage through Bulgarian lands and their service in Constantinople. Not long after they switched sides, they were settled in parts of Thrace and Macedonia, but also in Phrygia in Asia Minor, along the banks of the Meander (Menderes) river. In such a way the government in Nicaea wanted to break the cohesion of the newcomers. It was not a new invention, but a well-established practice of the Roman/Byzantine Empire. Still, the measures of Vatatzes successfully facilitated the Cuman integration in the Greek society, and settlement of the Cumans, particularly in the eastern border regions, where they were used to stop the Turkmen incursions, was applauded by his contemporaries [3, p. 140–154; 10, p. 217, n. 5; 23, p. 37–38; 30, p. 37; 36, p. 92].

The role of the Cumans in the state of Nicaea and in the restored Byzantine Empire (after 1261) is outside the scope of this text. It is sufficient to mention that the bulk of the newcomers formed a separate corps within the Byzantine army, called ‘Scythicon’ [36, p. 92; 47, p. 136–137]. They were present in almost all Byzantine military campaigns until the end of the 13th century, including the recapture of Constantinople in 1261, performed by general Alexios Strategopoulos [11, p. 189–190]. The descendants of Saronius (or Sičgan, as researchers speculate, was his original Turkic name) were integrated into the highest ranks of the Byzantine aristocracy; among them was possibly a famous Byzantine general Sirgiannes, who almost a century later distinguished himself in the service of the Serbian ruler Stephen Dušan (1331–1355) [46, p. 67–68].

The more important question that needs to be dealt with here is why the alliance between the Franks and the Cumans, despite the promising beginning, eventually turned to be unsuccessful. The sources at our disposal are silent with respect to the Cuman ‘transfer’ from the Latin Empire to Nicaea. Therefore, in order to provide a sensible answer and to understand the circumstances that led to it, it is useful to briefly turn our attention to the events taking place in Hungary, and to the parallels between the settlement of the Cumans in the Latin Empire and the similar contemporary process in the Kingdom of the Arpads.

As it is well known, allegedly 40.000 Cumans and their families⁷, led by their leader Cuthen (Kotyan) arrived in Hungary between 1237 and 1239. They were well received by king Bela IV (1235–1270). The Cuman leader agreed to be baptized and the King became his godfather, but Bela's intentions to use Cumans in order to strengthen his power were faced with insurmountable obstacles. Internal dissension between the king and the magnates of the crown was fueled by a deep distrust of the domestic sedentary population towards the newcomers. Eventually, in the early spring of 1241, the mob killed Cuthen in the city of Pest. His compatriots rose up in arms and wrought havoc in the central parts of the country before they descended south and crossed the Sava river [35, p. 559, 566–569]. Eventually, Cuthen's Cumans were, according to a Dominican contemporary source, scattered in "Bulgaria, Serbia, Greece and neighboring countries" [8, p. 307; 17, p. 349, 351]. It took a lot of effort before some of them eventually came back to Hungary in 1245 or 1246, approximately four years after the Mongols withdrew from central Europe [39, p. 308].

In the second attempt to win the Cumans, Bela IV made similar concessions as the Franks did previously. The king gave them a land for settlement and married his oldest son and successor, Stephen, to a Cuman princess, who was baptized and took the name Elisabeth. The Cumans swore an oath of fealty to the King in a conspicuously similar manner that followed the establishment of Cuman-Frankish agreement several years earlier [14, p. 95–96]. In this instance, the Cuman nobles swore over a carcass "of a dog that had been cut in two with a sword" (*'super canem gladio bipartitum iuxta eorum consuetudinem'*) [38, p. 203; 40, p. 220]. It is possible, and indeed probable, that Bela IV, who had close contacts and good relations with the Franks in Constantinople, was familiar with their experience and realized how important was to allow the Cumans to perform the oath in accordance to their customs.

Between the Frankish and Hungarian dealings with the Cumans there were also some striking differences. Unlike internal conditions in Hungary at the time of Cuthen's arrival, where disagreements between the king and the magnates eroded the efforts towards the Cuman integration, the Frankish elite in Constantinople was evidently unanimous in their decision to compromise with the nomads. There was no opposition to such an alliance in Constantinople, the whole Frankish leadership participated in the sacral ceremony, and no less than three marriages between the dignitaries of the Empire and Cuman ladies were concluded, with the obvious purpose to strengthen the alliance. Moreover, considering the case of Iona who remained loyal to the old beliefs of his people, it seems that the baptism was not specifically required from the Cuman chiefs in Constantinople. In these aspects, one may observe that the conditions in the Latin Empire were much more favorable for the Cuman integration than in Hungary.

However, the Franks were at a great disadvantage in other important points that influenced the outcome of their alliance with the Cumans. One may recollect the words of Akropolites how they secured the Cuman loyalty "with some small favors but larger promises". The statement of the Byzantine historian reveals an important

⁷ This number is given by the eyewitness, Roger of Várad [35, p. 553–554]. Although frequently quoted, it is undoubtedly exaggerated. The more realistic figure is recorded in a letter of Duke Henry of Thuringia from 1242, which mentions 20,000 Cumans in Hungary [28, VI, p. 77].

fact; unlike Hungary, the Latin Empire had little else to offer the Cumans besides the benevolence of its leadership and the promises that were hard to fulfill. Limited to a small, largely urbanized territory in the vicinity of Constantinople, there was no land to give to the newcomers, and sustenance of a large foreign military corps with its non-combatant families was impossible in the peaceful times. The personal factor also possibly played its role, as the allegiance of the Cumans towards the Latin Empire conspicuously disappeared after the death of their leader Iona.

All these factors evidently contributed to the disintegration of the alliance, but were not the only ones. There was probably another force that influenced the decision of the Cumans to abandon their loyalty to the Latin Empire – the Mongols. Namely, Cuman refugees were the primary Mongol target during their campaigns in central Europe. This fact is well attested in the Batu's letter to Bela IV, transmitted by Dominican Julian, in which the Mongol leader openly attacked the Hungarian king because of his acceptance of the Cumans, announcing a terrible revenge [17, p. 380–381, 389]. It is not impossible that the Franks in Constantinople received similar threats (which may further explain their readiness to conclude the armistice with Nicaea in 1241), and not coincidentally, during the course of the Mongol operations in the Balkans in 1242, the Latin Empire became a Mongol target together with Serbia and Bulgaria, where the Cumans were also present. The acceptance of the Cumans probably served as a pretext for the Mongol operations against all three Balkan countries, in a similar way as it was the case with Hungary [19, p. 65; 43, p. 42].

Until recently, it seemed that the Mongol encroachment against the Latin Empire in 1242 was a marginalized event in historiography. Be that as it may, the contemporaries were under the strong impression of the Mongol-Frankish conflict. As attested in a vague passage, preserved in several Austrian chronicles, emperor Baldwin II and his knights clashed with the Mongols twice. They managed to defeat them in the first encounter, but were defeated in the second one [4, p. 85; 46, p. 70]. This defeat eventually led to the spread of false rumors in the Western Europe, according to which the emperor died in battle [5, p. 689, vv. 31180–31183; 13, p. 132]. Still, it seems that Baldwin II and the Franks had some success in an effort to drive the Mongols away. Conspicuously, Syriac chronicler Gregory Abulfaraj (Bar Hebraeus, 1225–1286) recorded a different rumor. He wrote how the Mongols encroached on the Frankish territory from Bulgaria, with an ambition to take the city of Constantinople, but were defeated by the Franks [6, p. 398; 43, p. 65, n. 3]. What is certain, the Mongols were not able to do much damage to the possessions of the Latin Empire, and at least in this way, the guardians of the legacy of the Fourth Crusade, led by the young and inexperienced emperor Baldwin II, managed to do something that was unimaginable even to the most formidable Christian powers – to check the Mongol advance. Considering the Frankish familiarity with the Cumans and their military tactics, their preparedness to deal with the Mongols does not come as a surprise.

On the previous pages, it has been briefly described how the Cuman fugitives were successfully integrated in the Empire of Nicaea. A similar process occurred in Bulgaria, a country that experienced several waves of Cuman migrations, on a larger and more comprehensive scale. The Cuman dignitaries rose to the highest levels of Bulgarian society, and their baptized descendants even founded several royal dynasties that ruled the Medieval Bulgarian Empire, or its separatist territories, until the late fourteenth century. Even in Serbia, the least influenced by the

Cuman migrations of all Balkan states, there is circumstantial evidence that the newcomers were permanently settled, and that some of them became mercenaries in the royal service [44, p. 103–105]. Quite different was the case with the Latin Empire of Constantinople. Despite the fact that the Cumans were accepted in a particularly friendly atmosphere, and were held in high regard by the Frankish leadership, the alliance did not last for long, and was destined to be a failure, due to the complex internal and external factors that eventually influenced its outcome. Nevertheless, the Franks learned a valuable lesson from their dealings with the Cumans. A decade after the Mongol invasion, the Latin Empire became the first Christian power that successfully established the diplomatic relations with the Juchids in eastern Europe. It was a consequence of the diplomatic mission undertaken by the Emperor's cousin Baldwin of Hainaut [34, p. 115–121; 43, p. 62–75], the same man who married a daughter of the Cuman 'traitor' Saronius, and who through his wife undoubtedly became well acquainted with the nomadic world and its customs.

REFERENCES

1. Albrici monachi Triumfontium Chronicon. Scheffer-Boichorst P. (ed.). *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*, XXIII. Hannoverae, Impensis Bibliopolii A. Hahniani, 1874, pp. 631–950. (In Latin)
2. Asdracha C. *La Région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles: étude de géographie historique*. Athènes, Verlag der Byzantinisch-Neugriechischen Jahrbücher, 1976. 294 p. (In French)
3. Charanis P. Transfer of Population as a Policy in the Byzantine Empire. *Comparative Studies in Society and History*, 1961, no. 3/2, pp. 140–154.
4. Chronicon Claustro-neuburgense. Rauch A. (ed.). *Scriptores Rerum Austriacarum*, I. Vindobonae, apud Iosephum Stahel, 1793, pp. 1–126. (In Latin)
5. *Chronique rimée de Philippe Mouskès*. Reiffenberg I. de (ed.), II. Bruxelles, M. Hayez, 1838. 880 p. (In Old French)
6. *Chronography of Gregory Abu'l-Faraj 1225–1286, the Son of Aaron, the Hebrew physician commonly known as Bar Hebraeus*. Budge E.A.W. (ed. & trans.), I. London, Oxford University Press, 1932. 582 p.
7. Dancheva-Vasileva A. *B'lgariya i Latinskata imperiya (1204–1261)* [Bulgaria and the Latin Empire (1204–1261)]. Sofia, BAN, 1985. 206 p. (In Bulgarian)
8. Fratris Gerardi de Fracheto O.P. *Vitae fratrum ordinis Praedicatorum*. Reichert M. (ed.). *Monumenta Ordinis Fratrum Praedicatorum Historica*, I, Leuven, Typis E. Charpentier, 1896. 362 p. (In Latin)
9. Geoffroi de Villehardouin. *La conquête de Constantinople. Texte et traduction nouvelle avec notice, notes et glossaire*. Bouchet E. (ed.). Paris, Lemerre, 1891. 434 p. (In Old French)
10. George Akropolites. *The History*. Macrides R. (ed. & tr.). Oxford, Oxford University Press, 2007. 400 p.
11. Georges Pachymérès. *Relations Historiques*, I. Failler A., Laurent V. (ed. & trans.). Paris, Société d'édition "Les Belles Lettres", 1984. 325 p. (In Greek & French)
12. *Georgii Acropolitae Opera*, I. Heisenberg A., Wirth P. (eds). Lipsiae, Bibliotheca Teubneriana, 1903. 366 p. (In Greek)
13. Giebried J. The Mongol Invasions and the Aegean world (1241–61). *Mediterranean Historical Review*, 2013, no. 28/2, pp. 129–139.
14. Golden P. Wolves, Dogs and Qipchaq Religion. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1997, no. 50, pp. 87–97.

15. Guguev Yu. K. Rasskaz Zhana de Zhuanvilya o pohoronah znatnogo kumana [Jean de Joinville's Story about the Funeral of a Cuman Noble]. *Tyurkologicheskii sbornik 2007–2008: Istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* [Turkological Collection 2007–2008: History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and the Neighboring Countries]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, pp. 124–145. (In Russian)

16. Guilelmi Tyrensis Continuata belli sacri historia. Migne J.P. (ed.). *Patrologiae Cursus Completus, Series Latina*, CCI. Paris, Petit Montrouge, 1853, col. 893–1068. (In Latin)

17. Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa satany»*: antologiya rannih latinskih svedeniy o tataro-mongolah [From David, “Emperor of India” to the “Hateful Plebs of Satan”: Anthology of Early Latin Testimonies about the Tatar-Mongols]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 496 p. (In Russian)

18. Henricus Imperator Constantinopolitanus. De varia Latinorum in Imperio fortuna. *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, XVIII. Paris, Imprimerie Royale, 1822, pp. 527–529. (In Latin)

19. Jackson P. *The Mongols and the West (1221–1410)*. Harlow, Routledge, 2005. 448 p.

20. Jean de Joinville. *L'Histoire de Saint Louis*. De Wailly N. (ed.). Paris, Typ. De Firmin Didot frères. 1874. 689 p. (In Old French)

21. Konovalova I.G. *Vostochnaya Evropa v sochineniyah arabskikh geografov XIII–XIV vv. – tekst, perevod, komentariy* [Eastern Europe in the Works of the Arabic Geographers of the 13th–14th centuries – Texts, Translation, Commentaries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009. 226 p. (In Russian)

22. Korobeinikov D. A Broken Mirror: the Kıpçak World in the Thirteenth century. *The Other Europe in the Middle Ages*. Curta F., Kovalev R. (eds). Leiden–Boston. Brill, 2008, pp. 379–412.

23. Korobeinikov D. The Cumans in Paphlagonia. *Journal of Black Sea Studies*, 2015, no. 18, pp. 29–44.

24. Kr'stev L. 'Chudesata na sv. Dimit'r Solunski' i uchastieto na alani i kumani pri obsadata na Solun v 1207 g. [The Miracles of St. Demetrius of Thessalonica and participation of Alans and Cumans in the Siege of Thessalonica]. *Istoriya* [History], 1999, no. 4–5, pp. 61–65. (In Bulgarian)

25. Li estoires de chiaus qui conquissent Constantinoble de Robert de Clari en Aminois, chevalier. Riant P.E. (ed.). Paris, Jouaust, 1868. 87 p. (In Old French)

26. Longnon J. *L'Empire latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, Payot. 1949. 363 p. (In French)

27. Madgearu A. *The Assanids. The Political and Military History of the Second Bulgarian Empire (1185–1280)*. Leiden–Boston, Brill, 2016. 359 p.

28. Matthaei Parisiensis *Chronica Majora*, I–VII. Louard H. (ed.). London, Longman, 1872. (In Latin)

29. *Memoirs of the Crusades by Villehardouin and de Joinville*. Marzials F. (trans.). London–Toronto, J. M. Dent & Sons. 1921. 340 p.

30. Nicephori Gregorae *Byzantina Historia*, I. Schopen L. (ed.) Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1829. 568 p. (In Greek)

31. Pavlov P. Srednovekovna B'lgariya i kumanite – Voennopoliticheski otnosheniya (1186–1241 g.) [Medieval Bulgaria and the Cumans – Military and Political Relations (1186–1241)]. *Trudove na Velikot'rnovskiya universitet "Sv. sv. Kiril i Metodiy"* [The Proceedings of the University of Veliko Tarnovo “St. Cyril and Methodius”], 1989, no. 27, pp. 7–59. (In Bulgarian)

32. Pavlov P. *T'rnovskite tsaritsi* [The Empresses of Tarnovo]. Veliko T'rnovo, DAR–RKh. 2006. 87 p. (In Bulgarian)

33. Radoyichich G.S. Pandehovo skazanie 1259 g. (O Vizantii, tatarah, kumanah, russskih, vengrah, serbah, bolgarah) [The Legend of Pandech from 1259 (About Byzantium,

Tatars, Cumans, Russians, Hungarians, Serbs and Bulgarians)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 1960, no. 16, pp. 161–166. (In Russian)

34. Richard J. À propos de la mission de Baudouin de Hainaut: l'empire latin de Constantinople et les Mongols. *Journal des Savants*, 1992, no. 1, pp. 115–121. (In French)

35. Rogerii Carmen Miserabile. Juhász L. (ed.). *Scriptores rerum Hungaricarum*, II. Budapestini, Academia Litter. Hungarica. 1938, pp. 543–588. (In Latin)

36. Shukurov R. *The Byzantine Turks (1204–1261)*. Leiden–Boston, Brill, 2016. 513 p.

37. *Sinodik tsarya Borila* [The Book of Boril]. Popruzhenko M.G. (ed.). Sofia, BAN, 1928. 96 + clxxix p. (In Bulgarian)

38. Sinor D. John of Plano-Carpini's Return from the Mongols: New Light from a Luxembourg Manuscript. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1957, pp. 193–206.

39. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca, Center for Transylvanian Studies. 2003. 546 p.

40. Studemund W. Zu Johannes de Alta Silva De Rege et septem sapientibus – zweiter artikel. *Zeitschrift für deutsches Alterthum, Neue Folge*, 1875, no. 6, pp. 221–249. (In German & Latin)

41. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchihsy k istorii Zolotoy Ordy, Vol. I: Izvlecheniya iz arabskikh istochnikov* [Collection of Materials about the History of the Golden Horde: Excerpts from Arabic Sources]. St. Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 1884. 563 p. (In Russian)

42. Totev T. Za kumani v edin nadpis ot Preslav [About Cumans on an inscription from Preslav]. *Kulturata na srednovekovniya T'rnov* [Culture of Medieval Tarnov]. A. Popov A., Velkov V. (eds). Sofia, BAN, 1985, pp. 158–169. (In Bulgarian)

43. Uzelac A. Latin Empire of Constantinople, the Jochids and Crimea in the Mid-Thirteenth Century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 3, pp. 62–75.

44. Uzelac A. *Pod senkom Psa – Tatari i juzhnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka* [Under the Shadow of the Dog: Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the 13th Century]. Beograd, Utopija. 2015. 321 p. (In Serbian)

45. van Tricht F. *The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople (1204–1228)*. Leiden–Boston, Brill, 2011. 535 p.

46. Vasary I. *Cumans and Tatars – Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans 1185–1365*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 230 p.

47. Zhavoronkov P.I. Polozhenie i rol' etnicheskikh grupp v sotsial'no-politicheskoy strukture Nikeyskoy imperii [Position and role of Ethnic Groups in the Socio-Political Structure of the Empire of Nicaea]. *Vizantiyskiy Vremennik* [Byzantina Kronika], 1956, no. 56, pp. 134–143. (In Russian)

About the author: Aleksandar Uzelac – Ph.D. (History), Research Associate, The Institute of History Belgrade, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928> (36/II, Kneza Mihaila Str., Belgrade 11000, Serbia). E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Received January 11, 2019 Accepted for publication March 4, 2019

Published March 29, 2019

КУМАНЫ В ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

*Александар Узелац**Институт истории**Белград, Сербия**aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

Цель исследования: анализ предыстории, условий и факторов, которые привели к заключению союза между куманскими беженцами из Понтийских степей и Латинской империей, а также обстоятельств, приведших к его расторжению. В статье уделяется внимание некоторым хронологическим вопросам, как и участию куманов во франкских военных кампаниях.

Материалы исследования: синхронные источники, среди которых наиболее важными являются известия византийского историка Георгия Акрополита и французского летописца Альберика (Обри) де Труа-Фонтен, как и Жана де Жуанвиль, биографа французского короля Людовика IX (1226–1270).

Результаты и новизна исследования: союз, заключенный между куманами и франками в Константинополе осенью 1239 года, не имел прецедента в западном мире. Вместе с куманскими воинами, франкские рыцари участвовали в церемонии, проводимой в соответствии с кочевыми обычаями. Между ними было заключено «кровное братство», и их союз был скреплен брачными связями. В отличие от Венгрии, где попытки интегрировать куманов были неудачными из-за сильных культурных и социальных различий между пришлым и местным населением, а также внутренней нестабильности, франкская элита была единодушна в решении пойти на компромисс с кочевниками, и в Константинополе не было противостояния такому союзу. Однако, несмотря на то, что куманы были приняты в исключительно дружеской манере, им было оказано уважение со стороны лидеров франков, а также им было разрешено сохранять свои обычаи, союз просуществовал недолго и был обречен на провал. Это было связано со сложными внутренними и внешними факторами: нехваткой ресурсов для поддержания иммигрантов, монгольской угрозой, которая нависла над Латинской империей, и смертью Йоны, лидера куманов, в 1241 году, чей личный авторитет представлял гарантию существования союза.

Ключевые слова: куманы, Латинская империя, Йона, Сароний, Бодуэн II, монгольское нашествие, интеграция кочевников

Для цитирования: Uzelac A. Cumans in the Latin Empire of Constantinople // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 8–21. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.8-21

Сведения об авторе: Александар Узелац – Ph.D. (история), научный сотрудник, Институт истории (Белград), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928> (11000, ул. Кнеза Михаила, 36/II, Белград, Сербия). E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

*Поступила 11.01.2019 Принята к публикации 04.03.2019
Опубликована 29.03.2019*

ТАТАРЫ В ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНИКАХ «CHRONICA BREVIORA»: РЕАЛЬНОСТЬ И СТЕРЕОТИПЫ

Александр Николов

Софийский университет имени Св. Климента Охридского

София, Болгария

aleksandur@uni-sofia.bg

Цель: подбор, анализ и перевод на русский язык данных о татарах в византийских хрониках «Chronica Breviora», известных в русскоязычной историографии как «Малые или Краткие византийские хроники».

Материалы исследования: рассмотрены «Chronica Breviora», которые в свое время опубликовал известный немецкий византист Петер Шрайнер. Состав хроник довольно разнороден, тем не менее они отличаются некоторыми общими чертами. Иногда информация этих хроник обладает точностью, которую трудно найти в более «официальных» источниках. В настоящей статье представлены те сюжеты хроник, которые относятся к упоминаниям татар в самом широком смысле этого термина.

Результаты и научная новизна: в тексте хроник можно найти сведения о татарах в связи с тремя событиями. Самое главное из них – завоевания Тамерлана (Тимура Ленга) в начале XV в. на Ближнем Востоке и в Анатолии, в контексте его военного противостояния с османским султаном Баязидом I, которое в конце концов окончилось победой Тамерлана у Анкары в 1402 году, а также разорением Анатолии татарами, пленением и смертью самого Баязида и началом междоусобицы в Османском государстве, что дало значительную передышку Византии и позволило христианской империи уцелеть до середины XV в. Кроме того, в хрониках есть информация о взятии города Варна в Болгарии татарами эмира Актава, и сведения о выборах двух православных епископов в Сарай с участием архиереев из русских княжеств. Насколько известно автору, эти тексты были только частично переведены на русский язык, и он надеется, что их публикация поможет изучению истории «татарского» мира в XIV и нач. XV вв.

Ключевые слова: татары, византийские «Chronica Breviora», Тамерлан (Тимур Ленг), Баязид I, епископы г. Сарая

Для цитирования: Николов А. Татары в византийских хрониках «Chronica Breviora»: реальность и стереотипы // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 22–36. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.22-36

TATARS IN THE BYZANTINE CHRONICLES – “CHRONICA BREVIORA”:
REALITY AND STEREOTYPES*Alexandar Nikolov**University of Sofia “St. Kliment Ohridski”**Sofia, Bulgaria**aleksandur@uni-sofia.bg*

Abstract: *Objective:* This article is dedicated to the study of the Byzantine *Chronica Breviora* and the information about the Tatars recorded in them.

Research materials: The main focus is on the *Chronica Breviora* which was once published by the famous German Byzantinist, Peter Schreiner. The composition of the chronicles is quite heterogeneous, but nevertheless they share some common features. This article presents those passages of the chronicles that refer to the mentions of Tatars in the broadest sense of the term.

Results and novelty of the research: It should be noted that in the text of the chronicles one can find information about the Tatars in connection with three general events. The most important of them is the expansion of Tamerlane (Timur Leng) at the beginning of the 15th century in the Middle East and in Anatolia, in the context of his conflict with the Ottoman Sultan Bayezid I. This eventually ended up with Tamerlane's victory near Ankara in 1402 and the devastation of Anatolia by the Tatars. It also saw the capture and death of Bayezid himself and the beginning of the *interregnum* in the Ottoman state. In the chronicles there is further information about the capture of the city of Varna in Bulgaria by the Tatars of Aqtau in 1399 AD, and information about the election of two Orthodox bishops in Saray in 1334 and 1343 AD with the participation of bishops from the Russian principalities. As far I know, these texts have been translated only partially into Russian.

Keywords: Tatars, Byzantium, Byzantine *Chronica Breviora*, Tamerlan (Timur Leng), Bayezid I, Bishops of Saray

For citation: Nikolov A. Tatars in the Byzantine Chronicles – “*Chronica Breviora*”: Reality and Stereotypes. *Zolotorodynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 22–36. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.22-36

Настоящая статья посвящена теме византийских нарративных источников и информации о татарах, которая в них содержится. Она написана на основе доклада, сделанного на Международной научной конференции «Научное наследие и общественная деятельность Шигабутдина Марджани», посвященной 200-летию выдающегося татарского ученого-просветителя Шигабутдина Марджани (г. Казань, 20–21 сентября 2018 г.).

Среди византийских нарративных источников особое место занимают так называемые «Краткие хроники» (*Chronica Breviora*, Βραχέα χρονικά), известные в советской и российской историографии еще и как «Малые хроники», которые опубликовал и детально изучил выдающийся немецкий византист Петер Шрайнер в своих трудах, известных как «*Byzantinische Kleinchroniken*», опираясь, конечно, на все предыдущие публикации, еще в 1975–1979 гг. [8; 9; 10]. Впервые этими хрониками занялся Спиридон Ламброс в начале XX века [6]. Он опубликовал часть этих текстов. Впоследствии эта публикация была продолжена более солидным изданием К. Амандоса, основанным на публикации Ламброса [7]. В советской историографии о «Ма-

лых хрониках» писала в свое время З.Г. Самодурова, которая в ряде публикаций остановилась на некоторых вопросах содержания хроник [2; 3; 4].

Настоящая публикация намерена ознакомить читателей с теми сообщениями из текста «Chronica Breviōga», которые относятся к истории татар в самом широком смысле этого этнонима. Конечно, сначала нужно представить «Краткие хроники», так как они являются не единым целым, а скорее всего, собранием разнообразных текстов. К счастью, это уже сделано очень подробно их издателем, и поэтому достаточно только коротко изложить результаты его исследования.

Итак, весь материал «Хроник» Шрайнер поделил на пять отдельных частей. Это «Reichschroniken» (Имперские хроники) [8, s. 1–13]; «Kaiserchroniken» (Императорские хроники) [8, s. 14–22]; «Lokalchroniken» (Локальные хроники) [8, s. 23–52]; «Chroniken Türkischer Eroberung» (Хроники турецкого завоевания) [8, s. 53–80]; «Einzelchroniken (Isolierte Chroniken)» (Обособленные хроники, Изолированные хроники) [8, s. 81–109]. Есть также «Kleinchronikfragmente» (Маленькие отрывки из хроник) [8, s. 110–116], которые также обособлены отдельно [8, s. 23–26]. Сам этот список показывает кропотливую и очень ценную работу немецкого византиста, которой ввел в научный оборот текст этих порой достаточно разнородных и разрозненных нарративных источников. Мы, конечно, вполне принимаем систему деления Шрайнера, имея в виду также и то, что у некоторых из этих текстов существуют варианты, которые относятся к основному тексту и иногда немного отличаются от него.

Хронологически эти хроники охватывают период с основания Константинополя до середины XVI века, когда Османская империя достигла зенита своего политического могущества и воевала с христианскими силами от Центральной Европы до региона Средиземноморья. В «Локальных хрониках» можно найти информацию о событиях на Кипре, на Крите, в Сицилии, а не только в Малой Азии или на Балканах, где находились основные земли византийского и поствизантийского мира.

Конечно, специфика этих хроник определяет и сущность их содержания, так что нельзя ожидать найти в них стройную систему изложения. Они отражают только то, что казалось их авторам-составителям очень важным и достойным внимания, несмотря на реальную значимость данного события или на наше современное отношение к нему. Большинство этих отрывков (хотя и не все) были переведены Шрайнером в последней части его труда [10]. Поэтому мне кажется уместным представить их по порядку, следуя системе самого Шрайнера.

Текст Хроник частично переведен на русский язык, и доступен на сайте <http://www.drevlit.ru/docs/vizantia/Kleinchroniken/index.php>, поэтому я, как иностранец, предпочел пользоваться в том числе и этим переводом, но к сожалению, данные о переводчике при всем моем старании найдены так и не были.

Нужно отметить еще и то, что в 2013 году появилась статья турецкого ученого Шахина Кылыча [5]. В своей работе, он очень ясно изложил, как византийцы описывают османских турок в «Кратких хрониках», и сделал

интересные замечания об образе Тамерлана и о его “персах и скифах” в сравнении с образом османских турок и их правителей.

Итак, начнем с первого раздела «Chronica Breviora». Это так называемые «Имперские хроники» (Reichschroniken).

I. Имперские хроники (Reichschroniken).

Упоминания татар мы находим в хрониках под номерами 7, 9 и 12. Здесь находится самое большое количество информации о татарах, преимущественно о событиях, связанных с битвой при Анкаре, произошедшей в 1402 году между османами и татарами Тамерлана, которая, как хорошо известно, закончилась полным разгромом османской армии и пленением самого Баязида. Сам он умер несколько месяцев позже в татарском плену. Интерес к этим событиям вполне объясним. Анкарская битва и ее итоги надолго изменили ситуацию в Малой Азии, временно приостановили османский натиск на Византию. С другой стороны, нашествие татар в Западную Анатолию ускорило гибель местного христианского мира, потому что действия татар Тамерлана отличались бескомпромиссностью против своих врагов и против мирного населения завоеванных земель. Поэтому в хрониках отношение к событию очень рациональное. Для них (жителей Константинополя) Тамерлан тоже являлся угрозой, но немного отдаленной, а также своего рода небесной карой для Баязида, который принес очень много бед христианам и представлял постоянную угрозу для существования империи.

В хронике № 7 находим первое сведение об этом событии:

Хроника № 7:

1395/6903 (Ind.3) Junī (?) [1395/6903, индикт 3, июнь(?)] (идентификация датировки Шрайнера):

«κατὰ δὲ τὸ ζαγ' ἔτος , μηνὶ ἰουνίῳ, ἐκίνησε κατ' αὐτοῦ ὁ ἀσεβὴς τῶν Τούρκων, ὁ προρρηθεὶς Παγιαζίτης , μάχην βαρυτάτην. ἦν καὶ ἐκράτησεν ἰσχυρῶς ἐπὶ χρόνοις ἑγγιστα ἢ ἕως ἑλθὼν ὁ Τεμίρπεης ἐξ Ἀνατολῶν, Περσῶν σατράπης μέγας, ἐτροπώσατο αὐτόν, λαβὼν αἰχμάλωτον καὶ πάντα τὸν ἐν τῇ Ἀνατολῇ τόπον τῆς ἀρχῆς αὐτοῦ λεηλατήσας καὶ ἐρημώσας, μηνὶ αὐγούστῳ, ἰνδικτιῶνος ι', ἀποδημοῦντος ἐν τοῖς τῆς Δύσεως μέρεσι τοῦ εὐσεβοῦς βασιλέως κυροῦ Μανουήλ» [8, s. 70].

«1395/6903 (Инд. 3) июнь (?)»

25. В лето 6903 [от сотворения мира] в месяце июне началась у нечестивого турка, прежде упомянутого Пагиадзитпа, тяжёлая война. В последующие 8 лет в Анатолию пришёл великий персидский сатрап Темирпеис, захватил его и держал в плену, грабя и опустошая все места в Анатолии в августе, 10 индикта; в то время когда благочестивый царь Мануил находился на западе» [1].

Данные события хорошо известны. Наступление Баязида против Константинополя действительно было продолжительным. Оно началось в 1394 году. Здесь, наверное, имеется ввиду вторая осада Константинополя, после Никопольской битвой, когда османы разгромили наголову крестоносное войско императора Сигизмунда (1396 г.) и потом возобновили войну против Византии.

Победа Тимура над Баязидом совпала с путешествием Мануила II Палеолога в Западную Европу, где он просил помощь у католических правителей, правда, не добившись особенного успеха. Это свое путешествие Мануил на-

чал еще в 1399 году, и окончилось оно в 1403 году, т.е. после Анкарской битвы. Здесь автор называет Тимура «великим персидским сатрапом», имея в виду то, что он правил преимущественно мусульманскими землями Востока [9, s. 352, 367, 370]. Кем были «персы» и кем были «скифы» в византийской историографии, очень детально и, по-моему, абсолютно точно объяснил Рустам Шукуров, поэтому здесь нет нужды излагать в деталях этот вопрос [11, p. 10–53].

В хронике № 9 имеется продолжение этого сюжета.

Хроника № 9:

1410/6918 (Ind.3) Junī 15.[1410/6918, индикт 3, 15 июня] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἔτει Ϛ αἰθ' ἦλθεν ὁ Μουσιῆς ἀπὸ τοὺς Τατάρους καὶ ἐδουλώθη τῷ βασιλεῖ κυρῷ Μανουῆλ μῆνας ε'. εἶτα ἀποσκιτήσας διαπερᾶ ὁ ἀδελφὸς σουλτάν Τζαλαπῆς ἀπὲ τὸ Σκούταρι κελεύσει βασιλικῇ καὶ ἐποίησαν πόλεμον ἐγγὺς τῆς Πόλης τῶν πυλῶν καὶ ἡττᾶται Μωσιῆς κατὰ κράτος καὶ φυγὰς γίνεται εἰς Οὐγκριαν» [8, s. 97].

«1410/6918 (Инд. 3) 15 июня

39. В лето 6919 [от сотворения мира] приходил Муса с татарами [*точнее «из татар»*, Ал. Н.] и подчинялся царю господину Мануилу 5 месяцев. Затем пришёл брат султана Чалапис из Скутари. Началось сражение возле городских ворот и после поражения Муса бежал в Венгрию» [1].

Здесь коротко описана часть истории периода Османского междоусобицы, который последовал за поражением у Анкары. Один из участников битвы, принц Муса, попал в плен к татарам Тамерлана, но после смерти Баязида его отпустили, он вернулся в Анатолию и принял активное участие в борьбе за престол до самой своей смерти в 1413 году. Здесь основной момент – битва у Космидиона 15 июня 1410 года между Мусой и Сулейманом Челеби, которую Муса проиграл, но позже он сумел победить и уничтожить Сулеймана Челеби. Муса действительно коротко побывал в Валахии, где его союзником был валахский воевода Мирча Старый, который в свою очередь был верным союзником венгерского короля Сигизмунда Люксембурга, одного из протагонистов антиосманских крестовых походов в конце XIV – первой половине XV вв. [9, s. 392–397].

В хронике № 12 представлено очень подробное описание событий, связанных с битвой у Анкары и последующим разорением Западной Анатолии армией Тимура.

Хроника № 12:

1400/6908 (Ind.8) Aug. 10–26. [1400/6908, индикт 8, 10–26 августа] (идентификация датировки Шрайнера):

«τὸ δὲ Ϛ ζ' ἔτει ἀναμαθὼν τὰ ἐκείνου Ταμύρης ὁ Перσῶν καὶ Σκυθῶν ἀρχηγὸς ἐξελθὼν ἐκ τοῦ αὐτοῦ τόπου Σεμαρχάνιν καλοῦμενον, ἐλθὼν ἐπιτεσὼν παρέλαβε τὴν Σεβαστείαν νόμῳ πολέμου σφάξας τὸν ἐκεῖσε λαόν. ἐν ᾧ τὰς κεφαλὰς τῶν ἐκεῖσε ἀποτμηθέντων συνάξας ἔκτισεν πύργους τρεῖς, φόβον μέγαν ποιήσας ἅπασιν τοῖς θεωροῦσι» [8, s. 111].

«1400/6908 (Инд. 8) 10–26 августа

7. В лето 6907 [от сотворения мира] стало известно о приходе Тамира, предводителя персов и скифов. Он пришёл из своей земли, называемой Се-

марханин, и, придя, взял Севастию, где, по закону войны, перебил людей. Собрал из отрубленных голов [убитых] три [большие] кучи, он вселил великий страх во всех, видевших это» [1].

1400/6909 (Ind. 9) Sept.ca. [1400/6909, индикт 9, ок. сентября] (идентификация датировки Шрайнера):

«τῷ δ' αὐτῷ ἔτει παρέλαβε καὶ τὴν Μελιτίαν, ἣτις παρὰ πάντων Μελιτηνῇ ὀνομάζεται» [8, s. 111].

«1400/6909 (Инд. 9) ок. сентября.

8. В то же лето он взял и Мелитию, которая всеми называется Мелитиной» [1].

1400/6909 (Ind.9) Herbst [1400/6909, индикт 9, осень] (идентификация датировки Шрайнера):

«τὸ δὲ ζ' ἔτει παρέλαβε τὴν Δαμασκὸν πόλιν, σὺν ἐκείνῃ καὶ ἑτέρας πόλεις αἰτίνες τῇ τῶν Σαρακηνῶν διαλέκτῳ Χαλέπ, Ἐδεσσα ἢ Βεροῦτη ὀνομάζονται ἅμα τῇ Σάμμῳ πόλει» [8, s. 111].

«1400/6909, индикт 9, осень

В лето 6908 [от сотворения мира] он взял город Дамаск и другие города, называемые по-сарацински Халеп, Эдесса и Берут, называемый всеми город Саммо» [1].

1402/6910 (Ind.10) Juli 28 [1402/6910, индикт 10, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«τὸ δὲ ζ' ἔτει, ἰνδικτιῶνος ι', πολέμου συγκροτηθέντος μεγάλου ἐν τῇ Ἀγκύρᾳ τῇ Γαλατῶν ἐπαρχίᾳ, μισθηεῖς ὑπὸ παντὸς τοῦ ἔθνους αὐτοῦ Παγιαζήτ ὁ τῶν Ἰσμαηλιτῶν ἀρχηγὸς καὶ ἐπιβουλευθεὶς ἐν μηνὶ ἰουλίῳ κς' κατεκυριεύθη ὑπὸ Ταμύρη τοῦ τῶν Περσῶν καὶ Σκυθῶν ἀρχηγοῦ» [8, s. 111].

«1402/6910, индикт 10, 28 июля

В лето 6910 [от сотворения мира], 10 индикта было великое сражение у Анкиры в галатской епархии. Ненавидимый собственным народом предводитель измаильтян Пагиадзит в результате заговора был побеждён Тамиром, предводителем персов и скифов» [1].

1402 Aug.–Okt.ca. (6910–6911) (Ind. 10–11) [1402, ок. августа–октября, 6910–6911, 10–11 индикт] (идентификация датировки Шрайнера):

«παραλαβὼν Ἰκόνιον, Λύστραν, Δέρβην κατήλθεν ἕως Καισαρείας Καππαδοκίας φθάσας μέχρι Νικαίας καὶ Προῦσας, καὶ τί λέγω πλεῖστα, τὴν πᾶσαν ἐφ' ὧν κατέφθειρεν. τὰ χρήματα αὐτοῦ τοῦ Παγιαζήτ τὰ ἐν τῇ πόλει Προῦσα εὐρηκῶς πύργους τρεῖς ὄντως μεστούς, χρυσὸν τε καὶ μάργαρον καὶ λίθους διαυγεῖς καὶ πολυτελεῖς ἐν καμήλοις ἐπακοσίοις ἐπιθέμενοις πρὸς τὸν αὐτοῦ τόπον ἔπεμψεν ἅμα τῇ τοῦ Λαζάρου θυγατρὶ τυγχανούσῃ γαμετῇ Παγιαζήτ, Μύρωνι ὀνομα» [8, s. 111–112].

«1402 август – прибл. октябрь / 6910–6911 (Инд. 10–11)

11а. Взяв Иконий, Люстру, Дербин, он пришёл к Кесарии Каппадокийской, достигнув Никеи и Прусии, он, как я подробно рассказываю, полностью разорил весь Восток. Воистину, найденной в городе Пруса казной того Пагиадзита были наполнены три башни. Погрузив золото, жемчуг, самоцветы и драгоценные камни на семьсот верблюдов, он отправил их в свои края вместе с дочерью Лазаря по имени Мирона, женой Пагиадзита» [1].

1402 Juli–1403 Sommer/6910–6911 (Ind.10–11) [1402, июль–1403, лето, 6910–6911, 10–11 индикт] (идентификация датировки Шрайнера):

«Ἀμέτρητον ὄχλον νηπίων ἀκάκων καταστρώσας , καταπατήσας ἐν ἵπποις θανάτῳ πικροτάτῳ παρέδωκε, τὰ δ' ἄλλα ἐν ποταμίοις ὕδασι ἀπεπνίγησαν, ἕτερα τῷ ἡλιακῷ φλογμῷ καὶ τῇ δίψει ἐτελεύτησαν, ἕτερα αἱ μητέρας αὐτῶν οἰκείαις χερσὶν ἀπέπνιγον, ἵνα μὴ φανερὰς αὐτὰς τοῖς βαρβάροις ποιήσωσι. τῶν δὲ ἱερέων καὶ ἀββάδων τῶν τιμωρίαις πλείσταις καθυποβληθέντων οὐκ ἦν ἀριθμὸς . αἱ τιμωρίαι εἰσὶν αὗται. τοὺς μὲν ἱμάσι δεδεμένους χερσὶ καὶ ποσὶν ὀπισθεν καὶ τῇ κεφαλῇ ἐνώσαντες τοὺς τοῖς κρημνοῖς ἐναπέρριπτον, ἐτέρους δεδεμένους σποδιὰν ζέουσαν ἐν τοῖς στόμασιν ἐμβάλλοντες καὶ χρήματα ἀπαιτοῦντες τῷ θανάτῳ παρέπεμψαν, ἄλλους ἐν πυρὶ καιομένους καὶ ὀπτομένους καθὰ ἰχθύας , καὶ τεφρούμενοι ἐν πυρὶ ἐτελειοῦντο, ἄλλους τῷ βυθῷ τῆς θαλάσσης ἐναπέρριπτον. πνιγόμενοι συνδεδεμένοι ὄντες ὀπισθεν τῶν κέρκων τῶν ἵππων ...καὶ ἦν ὡς ἀληθῶς φρίκης πολλῆς καὶ φόβου ἄξιον τὸ τελούμενον» [8, s. 112].

«1402 июль – 1403 лето / 6910–6911 (Инд. 10–11)

11b. Перебив и раздавив копытами лошадей бесчисленное множество невинных детей, он предал их самой ужасной смерти. Другие же утонули в водах реках, кто-то скончался от зноя и жажды, кого-то собственными руками удавили их же матери, чтобы те не достались варварам. Огромное же число священников и аббатов были подвергнуты различным наказаниям. Наказания же были следующие: одних связывали сзади по рукам и ногам и бросали их вниз головой с обрыва, других убивали, набив им рот золой, требуя от них денег, других жарили на огне как рыбу и так обращали в золу, третьих сбрасывали в морскую пучину. Когда они тонули, будучи привязанными к хвостам лошадей *** и были исполнены праведного сильного трепета и священного страха» [1].

1402 /6911 (Ind. 11), Dez. [1402/6911, 11 индикт, декабрь] (идентификация датировки Шрайнера):

«φθάσας ἕως Μαγνησίας, Θυατείρων, Φωκαίων τε καὶ Σμύρνης, ἐν δὲ τῇ Σμύρνῃ πολέμου συναφθέντος μεγάλου, ἔπεσεν ἐκεῖσε σφαγὲν τῶν ἱερέων καὶ μοναστῶν καὶ λαϊκῶν πλῆθος ὥσει χιλιάδες τέσσαρες. τὰς δὲ κεφαλὰς ἐκείνων συνάξας πύργους δύο ἔστησεν, φόβον μέγαν ποιῶν ἅπασι τοῖς θεωροῦσι ταῦτα» [8, s. 112].

«1402/6911 (Инд. 11) декабрь

11c. Он пришёл в Магнезию, Тиатеирию, Фокаию и в Смирну. В Смирне была большая битва, и погибло около четырёх тысяч священников, монахов и мирян. Собрав их головы, он сложил из них две кучи, вселив великий страх у всех, кто видел это» [1].

1402 Aug.–Sept.ca./6911–6912 (Ind. 11–12) [1402, август–сентябрь, 6911–6912, 11–12 индикт] (идентификация датировки Шрайнера):

«τὴν Ἐφεσον ἅπασαν κατελήισατο, – Ἐφεσον λέγω ἦτοι τὸν Μέγαν Θεολόγον» [8, s. 113].

«1402 август – ок. сентября / 6911–6912 (Инд. 11–12)

11d. Он полностью опустошил Эфес; говорю Эфес – или [город] Велико-го Богослова» [1].

1402 Aug.–Okt./6910–6911 (Ind. 10–11)(?) [1402, август–октябрь, 6910–6911, 10–11 индикт, (?)] (идентификация датировки Шрайнера):

«τὴν Ἀσίαν πᾶσαν, φθάσας ἕως Φιλαδελφείας καὶ τῆς μεγάλης Λαοδικείας, ἕως Πέργης καὶ Ἀτταλείας, ἀπάσης κακίας καὶ φόνου ἀνάμεστος καὶ φιλομάκελλος κύων Ταμύρης» [8, s. 113].

«1402 август – октябрь / 6910-6911 (Инд. 10–11)

11e. Войнолюбивый пёс Тамир, совершая преступления и разнося зло, разорил всю Азию, Филадельфию, Великую Лаодикию, Пергам и Атталию» [1].

1403/6911 (Ind. 11). März 9 [1403/6911, 11 индикт, 9 марта] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἐκεῖσε οὖν ὁδεύοντος Ταμύρη ἀπέψυξεν ὡς κύων ὁ ἀνομώτατος καὶ θηρίον (ἀγριώτερος) Παγιαζήτ. λυτρωθεῖσα ἡ Κωνσταντινούπολις τῆς παρανόμου καὶ κακίστης ἐπινοίας αὐτῶν, τῇ πρεσβείᾳ τῆς θεομήτορος. – ἀλλ' ἔτι καὶ τὸ θαυματουργηθὲν τερατοῦργημα τῆς θεομήτορος διηγῆσομαι» [8, s. 113].

«1403/6911 (Инд. 11) 9 марта

11f. Там, следуя за Тамиром, испустил дух как пёс незаконный, дикий зверь Пагиадзит. Константинополь же милостью Божьей Матери был освобождён от их дурных замыслов. Также я хочу рассказать об удивительном чуде Божьей Матери» [1].

Это сравнительно подробное описание похода Тимура на Ближнем Востоке и в Малой Азии дает нам представление не только об охвате его завоеваний после битвы у Анкары, но также очень выразительную и, наверное, достоверную картину о репрессиях, которые провел Тимур против населения захваченных земель. Автору хроники татарский хан представляется не меньшим злом чем Баязид, хотя он называет обоих великих правителей Востока безбожными собаками. По мнению хрониста, Константинополь уцелел только благодаря заступничеству Богоматери, которая, как известно, считалась покровительницей имперской столицы.

Для автора сам Тимур – правитель персов и скифов, т.е. автору известно, что великий правитель Востока контролирует не только мусульман Средней Азии и Ирана, но также часть кочевников Евразии. Он детально описал завоевания Тимура в Сирии и Анатолии, ужас, который принес этим нашествием местному населению, и особенно строительство печально известных башен из голов, которые Тимур воздвиг у ворот Севастии и Смирны после завоевания этих городов. Для автора Тимур «пес», он «был переполнен всякой злостью и убийствами и очень любил резню». При этом он не испытывает никакого сочувствия к Баязиду, который тоже «побежал как собака», «был более диким чем звери». Баязида ненавидел даже его народ, который предал его. Оба – Тимур и Баязид – являлись для автора большой угрозой для христиан, и только чудо Богоматери, по мнению хрониста, спасло Константинополь от ужасающей судьбы анатолийских христианских и османских владений.

Упоминаются также: факт ограбления столицы Османского государства, Бурсы, и то, что Тимур наряду с сокровищами Баязида взял в плен и его супругу, известную дочь сербского князя Лазара, «Миро», т.е. Оливеру Лазаревич. Оливера действительно попала в плен к Тимуру после битвы у Анкары вместе со своим супругом и была освобождена после смерти Баязида в 1403 году, когда она вернулась из Самарканда в Сербию, где дожила до 1444 г. Называя ее «Миро», автор, наверное, перепутал ее с Марой Бранкович, которая немного позже была супругой Мурада II – внука Баязида [9, s. 367–376].

II. *Императорские хроники* (Kaiserchroniken).

Вторая часть «Chronica Breviora» – так называемые «Императорские хроники». Здесь тоже можно найти сведения преимущественно про Тимура и его поход в Анатолию и Сирию. В хронике № 22 читаем следующее:

Хроника № 22 :

1402/6910 (Ind.10), Juli 28 [1402/6910, 16 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἐλθὼν δὲ ὁ Περσαρχηγὸς μετὰ δυνάμεως συνάπτει πόλεμον μετὰ τοῦ Παγιαζήτου καὶ νικᾷ αὐτὸν ἐν Σεβάστειᾳ τῇ μεγάλῃ καὶ λαμβάνει τὸν Παγιαζήτην ζῶντα καὶ λαμβάνει τὴν Ἀνατολὴν καὶ αἰχμαλωτίζει αὐτὴν ἐν ἔτει ζαδ, ἰνδικτιῶνος δ', μηνὶ δεκεμβρίῳ ζ', ἡμέρᾳ παρασκευῇ» [8, s. 184].

«1402/6910 (Инд. 10) 28 июля

29. Явившись с войском, владыка персов начал войну с Пагиадзитом и победил его у Великой Севастии. Схватил его живого, взял его в неволю и захватил Анатолию. Это было в лето 6904 [от сотворения мира], 4 индикта, 6 декабря в пятницу» [1].

Как видно, здесь Тимур назван «вождем персов», а битва, к которой обращается хронист, состоялась у Севастии, сами же события произошли в декабре 1395 года. Это, конечно, показывает, что автор хуже осведомлен о хронологическом порядке событий, но самое главное, он знал о произошедшем. Анатолия была опустошена Тимуром, и он взял в плен живым Баязида лишь после поражения последнего.

III. *Локальные хроники* (Lokalchroniken).

В третьем разделе «Chronica Breviora» мы видим очень краткие сведения о победе Тимура над Баязидом. Это хроника № 29 и хроника № 38, а также хроника № 49, где информация более подробная. В последнем отрывке Тимура называют Тамерланом, а автор, некий Дионисий, описывает также, что случилось в это время в Константинополе, где он находился во время похода Тимура в Анатолию. В столице Византии произошло землетрясение, а также большой пожар в следствии удара молнии, которая обрушилась на монастырь Перивлепта. Дионисий, кроме того, рассказывает о притоке беженцев в Константинополь.

Хроника № 29:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28 [1402/6910, 10 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἐν ἔτει ζα' ἐτζάκισεν ὁ Τεμήρης τὸν Παῖαζίτην, ἐν μηνὶ ἰουλλίῳ» [8, s. 214].

«1402/6910 (Инд. 10) 28 июля

4. В лето 6910 [от сотворения мира], в июле месяце Темирис разбил Паадзита» [1].

Хроника № 36:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28 [1402/6910, 10 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«εἰς τοὺς χίλους τετρακοσίους ἔξι ἐτζάκισεν ὁ Νταμύρης τὸν ἀμηνῶν» [8, s. 292].

«1402/6910 (Инд. 10) 28 июля

11. В лето одна тысяча четыреста шестое Нтамирис победил эмира» [1].

Хроника № 38:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28 [1402/6910, 10 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἐν ἔτει ζα' ἐτζάκισεν ὁ Ντεμήρης τὸν ἀμηνᾶ» [8, s. 304].

«1402/6910 (Инд. 10) 28 июля

5. В лето 6910 [от сотворения мира] Тимур захватил эмира» [1].

Хроника № 49:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28, Freitag [1402/6910, 10 индикт, 28 июля, пятница] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἐν ἔτει ζα' μηνὶ ἰουλίῳ κη' ἡμέρα ζ' ἐνίκησεν ὁ Τουμουρλὰς τὸν ἀμηνᾶν κατὰ κράτος καὶ εἶλεν τὰς αὐτοῦ πόλεις καὶ χώρας καὶ λεηλάτησεν αὐτάς, ὅτε καὶ ἐγὼ ὁ Διονύσιος εὐρέθην τηνικαῦτα ἐν Κωνσταντινουπόλει, καὶ εἶδον θέαμα ξένον, ὅπως ἅπαν γένος καὶ ἔθνος καὶ γλῶσσα ἔφθασεν φυγὰς ἐν Κωνσταντινουπόλει. τότε γὰρ γέγονεν σεισμὸς ἐκεῖσε μέγας, καὶ κεραυνὸς ἔπεσεν ἐν τῇ ἱερᾷ μονῇ τῆς Περιβλέπτου, καὶ ἔκαυσεν ἐκεῖσε εἰκόνας καὶ ποδέας καὶ ἄλλα τινά, καὶ ἐκ τῶν μοναχῶν περικεφαλαίας ἤγουν καμηλαῦχα» [8, s. 352].

«1402/6910 (Инд. 10) 28 июля, пятница

10. В лето 6910 [от сотворения мира], 28 июля, в 5-ый день [недели] Тумирлас победил эмира и напал на его города и земли. В это время я, Дионисий, находился в Константинополе и видел этих чужеземцев, как все люди, весь народ и язык, убегая, пришли в Константинополь. Тогда там произошло сильное землетрясение, была молния в святом монастыре Периблепта, которая сожгла иконы, *ποδεи* (podeas) [драперики] и многое другое, а также тех из монахов, кто носил камилавки» [1].

Хроника № 29 нам сообщает и о другом событии конца XIV в. – взятии болгарского порта Варны (тогда уже в руках османов) татарами в 1399 году. Это событие тоже известно, и оно произошло в контексте конфликта между османами и татарами эмира Актава. Сколько продержались татары в Варне, не вполне ясно, но, наверное, после ограбления города они предпочли отойти к северу реки Дунай, чтобы находиться в относительной безопасности от возможного контрудара османских турок [8, s. 362–363].

Кстати, совсем недавно, в августе 2018 г. на мысе Калиакра болгарские археологи под руководством Бони Петруновой нашли очередное доказательство о татарском вторжении в Добруджу. Здесь был найден клад того времени, содержащий монеты Баязида и Добруджанского деспотата, который, наверное, был спрятан во время вторжения татар эмира Актава (Актау) в районе Варны. Калиакра в то время была процветающим городом, бывшей столицей Добруджанского деспотата, которая тоже в это время была захвачена османами.

1399/6907 (Ind.7) Febr. 2, Sonntag [1399/6907, 7 индикт, 2 февраля, воскресенье] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἐν ἔτει ζαζ', ἰνδικτιῶνος ζ', φεβρουαρίῳ β', ἡμέρα παρασκευῇ, ἡχμαλωτίσθη ἡ Βάρνα ὑπὸ τῶν ἀθέων Τατάρων» [8, s. 215].

«1399/6907, 7 индикт, 2 февраля.

5. В лето 6907 [от сотворения мира], 7 индикта, 2 февраля, в пятницу Варна была завоёвана безбожными татарами» [1].

IV. *Хроники времени турецкого завоевания* (Chroniken türkischer Eroberungen):

В четвертом разделе «Chroniken türkischer Eroberungen» основная тема о татарах также относится к победе Тамерлана над Баязидом в 1402 году. Информация о татарах здесь находится в хрониках № 53; 54; 72а и 75. Здесь Тимур является и под именем Тамерлана, также назван он ханом Татарином, Тимуром Персом, Тимуром Разорителем. Авторы хроник отмечают, что он зарезал Баязида как барана, хотя это не соответствует действительности, и то, что он разорил всю Анатолию. Нужно все-таки отметить, что хроники, посвященные турецкому завоеванию, довольно лаконично осведомляют нас о победе Тамерлана и поражении Баязида, несмотря на важное значение, которое имела победа Тамерлана для хода турецкого наступления на христианские земли. Нужно отметить еще, что здесь татары названы «тартарами», что очень популярно в европейских источниках и, конечно, намеренно связано с древнегреческим «Тартаром». Кроме того, по мнению одного из авторов-хронистов, никто из армии Баязида не успел убежать с поля боя, что тоже не вполне соответствует истине.

Хроника №53:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28 [1402/6910, 10 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

АСЈТ: «ςαῖ αἰχμαλώτισεν ὁ Ντεμηρλένης ὁ Перσης τὸν σουλτάν Μπαγιαζήτι» [8, s. 380].

В: «ςαῖ ἔτει ἐτζακίστην Παγιαζήτην ὑπὸ τὸν Теμοίρη» [8, s. 380].

«1402/6910 (Инд. 10) 28 июля

9. АСЈТ. [В лето от сотворения мира] 6911 перс Тамерлан взял в плен султана Баязида.

В. В лето 6911 [от сотворения мира] Баязид был побежден Темиром» [1].

Хроника № 54:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28 [1402/6910, 10 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«ςαῖ ἡχμαλώτευσεν ὁ Ντεμηρλέκης, ὁ Πορθητής, τὸν σουλτάν Παγιαζήτην» [8, s. 389].

«1402/6910 (Инд. 10) 28 июля

9. [В лето от сотворения мира] 6911 Тамерлан Разрушитель пленил султана Баязида» [1].

Хроника №72а:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28 [1402/6910, 10 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἐπὶ ἔτους ςαῖ ὑπῆγε αὐτὸς ὁ Ἡλτηρήμ Παγιαζήτης σουλτάνος εἰς τοὺς Τάρταρους, καταπάνω εἰς τὸν Теμηρχάν πέην, καὶ αὐτὸς ὁ Μηρχάν μπέης τὸν ἐπίασεν ἐκεῖ καὶ τὸν ἔσφαξεν εἰς τὸν λαμὸν ὥσπερ κριάριον, ἰουνίῳ θ'. καὶ ἀπὸ τὸ φουσάτο του οὐδεὶς δὲν ἐγλυσεν» [8, s. 562].

«В 6910 году этот султан Иыльдырым Баязид отправился против татар, наиболее против Тимурхана бея, и этот Тимур взял его в плен и перерезал его горло как у барана, 28 июня, а из его войско никто не успел убежать» [перевод мой – Ал. Н.].

Хроника № 75:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28 [1402/6910, 10 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἔτους ζϛ [ι'] αἰχμαλωτίσθη ἡ Ἀνατολὴ παρὰ τοῦ Τιμυρχάνι τοῦ Τατάρου» [8, s. 562].

«В 6910 году Анатолия была опустошена Тимурханом Татаринном» [перевод мой – Ал. Н.].

V. Изолированные хроники (Einzelchroniken (isolierte Chroniken)).

Последний пятый раздел – это отдельные хроники или изолированные хроники, по Шрайнеру. Здесь сведений о татарах намного больше, и отражены два важных события. Первое – выбор епископа Сарая в 1334 и 1343 году в хронике № 85. В этих отрывках можно найти довольно точную информацию о порядке выборов православных епископов Сарая, а также об участниках этой процедуры, кандидатах и о избранниках, в данном случае епископе Афанасии (1334 г.) и епископе Исааке (1343 г.).

Второе событие, которое находим в хрониках № 94а, 95, 96, 114, это вновь отражение данных о победе Тамерлана над Баязидом и о последствиях османского поражения в Анкарской битве. Здесь указано, что Баязида пленили вместе с его сыном, с женами и детьми, и что потом Тамерлан разорил очень много областей в Анатолии. Хроники утверждают, что Тамерлан освоил все земли до Лампсака, что его армия совершила нападение на город Менемен, где остановилась в открытом поле, и что после смерти Баязида власть над османами перешла к Сулейману Челеби, что, как известно, было лишь эпизодом продолжительной междоусобной борьбы между сыновьями Баязида.

Хроника № 85:

1334/6842 (Ind.2) Juni [1334/6842, 2 индикт, июнь] (идентификация датировки Шрайнера):

«μηνὶ ἰουνίῳ, ἰνδικτιῶνος β' ἔτους ζωμ (β'), ψῆφος γινομένη τῆς θεοσώστου πόλεως Σαραίου. παρόντων καὶ τῶν θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων Βασιλείου, ἀρχιεπισκόπου Νοβογορόδου, τοῦ Ἀντωνίου Ροστοῦ, τοῦ Τυφερίου Θεοδώρου, τοῦ Γρηγορίου Ραζανίου, συναινούντων καὶ τῶν λοιπῶν, ψηφισθῆντων οὖν τριῶν ἀξίων προσώπων κατὰ τάξιν κανονικὴν, τοῦ ἱερομονάχου καὶ ἀρχιμανδρίτου Ἀνδρέου τοῦ (ἱερομονάχου Ἀθανασίου καὶ τοῦ ἱερομονάχου ***) προκριθεὶς καὶ ἐκλεγείς ὁ ἱερομονάχος Ἀθανάσιος ἐχειροτονήθη ἐπίσκοπος [Ἀθανάσιος] Σαραίου» [8, s. 606].

«В месяце июне, 2 индикт, 6842 года, совершился выбор в богохранимом городе Сарае, присутствовали боголюбивые епископы Василий, архиепископ Новгородский, Антоний Ростовский, Феодор Тверской, Григорий Рязанский, и приехали и остальные, и когда выбрали трех достойных лиц в соответствии с каноническим порядком, то есть иеромонаха и архимандрита Андрея, иеромонаха Афанасия и иеромонаха ... предложен бысть и выбран бысть иеромонах Афанасий, который был рукоположен как епископ Сарайский Афанасий» [перевод мой – Ал. Н.].

1343/6852 (Ind.12) Okt.30 [1343/6852, 12 индикт, 30 октября] (идентификация датировки Шрайнера):

«τῷ μηνὶ ὀκτωβρίῳ λ' ἰνδικτιῶνος ιβ' ἔτους ζωνβ', ψῆφος γινομένη τῆς θεοσώστου πόλεως Σαραίου. παρόντων καὶ τῶν θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων Ροστοβίου Γαβριήλ, Ραζανίου Κυρίλλου, συναινούντων καὶ τῶν λοιπῶν,

ψηφισθίντων οὖν τριῶν ἀξίων προσώπων κατὰ τάξιν κανονικὴν, προκριθεὶς καὶ ἐκλεγείς ὁ ἱερομονάχος Ἰσαάκ ἐχειροτονήθη ἐπίσκοπος Σαραίου» [8, s. 606].

«30 дня месяца октября, 12 индикт, 6852 год, был осуществлен выбор в богоспасаемом городе Сарае, присутствовали и боголюбивые епископы Гавриил Ростовский и Кирилл Рязанский, и как приехали и остальные, после выбора трех достойных кандидатов в соответствии с каноническим порядком, предложен бысть и выбран бысть иеромонах Исаак, который был рукоположен как епископ Сарая» [перевод мой – *Ал. Н.*].

Хроника 94А:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28 [1402/6910, 10 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«τοῦ ζα' ἐκατελύθη ὁ ἀμηνᾶς ὁ Παγιαζήτης παρὰ Τιμούρ, ἰνδικτιῶνος ι', μηνὶ ἰουλίῳ κη'» [8, s. 634].

«В 6910 году эмир Баязид был разгромлен Тимуром, индикт 10, 28 день месяца июля» [перевод мой – *Ал. Н.*]

Хроника № 95:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28, Freitag [1402/6910, 10 индикт, 28 июля, пятница] (идентификация датировки Шрайнера):

«τῇ κη' τοῦ ἰουλλίου, ἡμέρα παρασκευῆ, τῆς ἰνδικτιῶνος ι', τοῦ ζα' ἔτους ἐπολέμησεν ὁ Παγιαζήт, ὁ καζή κυάρης, ὁ υἱὸς τοῦ Μωράτη εἰς τὴν Ἀγκυραν τὸν Ταμυρλάνι, καὶ ἐκατέλυσεν ὁ Ταμυρλάνης τὸν Παγιαζήτην καὶ ἐπίασεν αὐτὸν μετὰ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ» [8, s. 634].

«28 июля, в пятницу, 10 индикт, 6910, воевал Баязид, Худавендигяр, сын Мурада, у Анкары, против Тамерлана, и Тамерлан разгромил Баязида и взял его в плен вместе с его сыном» [перевод мой – *Ал. Н.*].

1402/6911 (Ind.11), Sept. 21 [1402/6911, 11 индикт, 21 сентября] (идентификация датировки Шрайнера):

«τῇ κα' τοῦ σεπτεβρίου, τῆς ἰνδικτιῶνος ια' τοῦ ζα', ἦλθεν φοσσάτον τοῦ Ταμυρλάνη εἰς τὸν γκάμπον τοῦ Μαينوμένου καὶ ἐποίησεν κοῦρσος» [8, s. 634].

«21 сентября, 11 индикт, 6911 год, приехала армия Тамерлана на поле возле Менемена и совершила набег» [перевод мой – *Ал. Н.*].

Хроника № 96:

1402/6910 (Ind.10), Juli 28. [1402/6910, 10 индикт, 28 июля] (идентификация датировки Шрайнера):

«ἐν ἔτει ζα' ἦλθεν ὁ Темир хάνης καὶ ἐπολέμισεν μετὰ τοῦ Παγιαζήтпей εἰς τὴν Ἀγκυра, μηνὶ ἰουλίῳ κη' ἡμέρα παρασκευῆ. καὶ ἐτζάκисέν τον ὀλόκρατος καὶ ἐπίασεν αὐτόν, καὶ ἐτέθηκεν. μετὰ ταῦτα ἐβασίλευσεν υἱὸς αὐτοῦ ἐμὶρ Σουλμάν пегь, ἐν τῇ ἡμέρᾳ βασιλεύοντος τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ φιλοχρίστου βασιλέως ἡμῶν Мануήλ τοῦ Παλαιολόγου» [8, s. 634].

«В 6910 году, приехал Тимур хан и воевал с Баязидом у Анкары, 28 дня месяца июля, в пятницу, и разгромил его наголову, и взял его в плен, и убил его. Потом его власть наследовал его сын эмир Сюлейман бей, во время царствования благочестивого и христоролюбивого нашего василевса Мануила Палеолога» [перевод мой – *Ал. Н.*].

Хроника № 114:

«1402 Juli–Okt./6910–11 (Ind.10–11)» [1402, июль–октябрь, 6910–11, 10–11 индикт] (идентификация датировки Шрайнера):

«τῷ δὲ ζῳι' ἔτει κατήχθη ἐπὶ τὰ ἀνατολικά μέρη τῆς Περσικῆς γῆς σατράπης ὄνομα Ταμυρλάγκης . καὶ διήλθεν ληισάμενος πᾶσαν τὴν ἑω--Καππαδοκίαν τε καὶ Φρυγίαν, Ἀσίαν τε καὶ Βιθυνίαν καὶ ἕως αὐτῆς τῆς Λαμψάκου – ὅτε καὶ πόλεμον συνῆψε μετὰ τοῦ (αὐθέντου) τῆς Ανατολῆς τοῦ Παγιαζήτου Ατουμάνου καὶ κατὰ κράτος ἐτροπώσατο τοῦτον πιάσας αὐτὸν ἅμα σὺν γυναιξὶν καὶ τέκνοις» [8, s. 683].

«В 6910 году, сатрап земли персидской, по имени Тамерлан, поднялся против восточных областей, и когда приехал туда, разорил весь Восток, Каппадокию и Фригию, Азию и Витинию, и даже до самого Лампсака, и начал войну с правителем Анатолии Баязидом Отоманом, и разгромил его, и взял его в плен вместе с его женами и детьми» [перевод мой – Ал. Н.].

Что можно сказать в заключении о текстах хроник и о данных, которые важны для нас. Действительно, самое важное событие, которое приковывало внимание авторов этих «Кратких хроник», это завоевания Тимура Ленга в Анатолии и на Ближнем Востоке в 1402–1403-х гг., его победа над Баязидом у Анкары и очень большое опустошение, которое последовало для мирных жителей Анатолии после набега татар в Западной Анатолии. Как отмечает один из авторов хроник, только чудесная помощь Богоматери спасла Константинополь от нападения Тимура. Два других события тоже нашли место в тексте «Хроник». Это нападение татар эмира Актава (Актау) на Варну в 1399 году и выбор православных епископов в Сарае в 1334 и 1343 гг. Можно сказать, что несмотря на относительно незначительный характер этих сведений, они все-таки помогают нам восстановить часть событий и подтверждают многое из того, что мы уже знаем из других источников. При этом здесь преимущественно отражена точка зрения неофициального круга авторов, что делает эти данные весьма оригинальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малые Византийские хроники // Библиотека древних рукописей. URL: <http://www.drevlit.ru/docs/vizantia/Kleinchroniken/index.php> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)
2. Самодурова З.Г. К вопросу о малых византийских хрониках // Византийский временник. Т. XXI, 1962. С. 127–147.
3. Самодурова З.Г. Греческие рукописи, содержащие малые византийские хроники // Византийский временник. Т. XXXVI. М., 1974. С. 139–144.
4. Самодурова З.Г. Малые византийские хроники и их источники // Византийский временник. Т. XXVII. М., 1967. С. 153–161.
5. Kılıç, Ş. Ottoman Perception in the Byzantine Short Chronicles. Tarih Araştırmaları Dergisi, 53 (2013). P. 111–138.
6. Λάμπρος Σπ. Ἐνθυμήσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογὴ πρώτη, Νέος Ἑλληνομνήμων, 7 (1910). σ. 113–313.
7. Λάμπρου Σπ. Βραχέα Χρονικά. Ἐκδίδονται ἐπιμελείᾳ Κ.Γ. Αμάντου (Μνημεῖα τῆς ἑλληνικῆς ἱστορίας. Τόμος Α', τεῦχος 1). Αθήναι, 1932/1933. 148 σ.
8. Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken, 1 Teil (Einleitung und Text). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. 688 s.
9. Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken, 2 Teil (Historischer Kommentar). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. 646 s.

10. Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken, 3 Teil (Teilübersetzungen, Addenda et Corrigenda, Indices). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 254 s.

11. Shukurov R. The Byzantine Turks 1204–1461. Leiden–Boston: Brill, 2016. 528 p.

Сведения об авторе: Александр Николов Николов – Ph.D. (история), профессор, исторический факультет, Софийский университет «Св. Климент Охридский» (1504 Болгария, София, бул. "Цар Освободител", №15). E-mail: aleksandur@uni-sofia.bg

Поступила 20.12.2018 Принята к публикации 25.02.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Malye Vizantiyskie khroniki [Short Byzantine Chronicles]. *Biblioteka drevnikh rukopisey* [Library of Ancient Manuscripts]. Available at: <http://www.drevlit.ru/docs/vizantia/Kleinchroniken/index.php> (last access: 29 October 2018). (In Russian)
2. Samodurova Z.G. K voprosu o malyh vizantiyskih hronikah [On the Question of the Short Byzantine Chronicles]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Kronika]. Vol. XXI, 1962, pp. 127–147. (In Russian)
3. Samodurova Z.G. Grecheskie rukopisi, sodержashchie malye vizantiyskie khroniki [The Greek Manuscripts, Containing Short Byzantine Chronicles]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Kronika]. Vol. XXVII, 1967, pp. 153–161. (In Russian)
4. Samodurova Z.G. Malye vizantiyski khroniki i ikh istochniki [Short Byzantine Chronicles and Their Sources]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Kronika]. V. XXVII, 1967, pp. 153–161. (in Russian)
5. Kılıç, Ş. Ottoman Perception in The Byzantine Short Chronicles. *Tarih Araştırmaları Dergisi*, 53 (2013), pp. 111–138. (In Turkish)
6. Λαμπρος Σπ. Ἐνθυμήσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογὴ πρώτη, Νέος Ἑλληνομνήμων, 7 (1910). σ. 113–313. (In Greek)
7. Λάμπρου Σπ. Βραχέα Χρονικά. Ἐκδίδονται ἐπιμελεία Κ.Ι. Αμάντου (Μνημεῖα τῆς ἑλληνικῆς ἱστορίας. Τόμος Α', τεύχος 1). Αθήναι, 1932/1933. 148 σ. (In Greek)
8. Schreiner P. *Die Byzantinischen Kleinchroniken*, 1 Teil (Einleitung und Text). Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. 688 p. (In German and Greek)
9. Schreiner P. *Die Byzantinischen Kleinchroniken*, 2 Teil (Historischer Kommentar). Text). Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. 646 p. (In German)
10. Schreiner P. *Die Byzantinischen Kleinchroniken*, 3 Teil (Teilübersetzungen, Addenda et Corrigenda, Indices). Text). Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 254 p. (In German)
11. Shukurov R. *The Byzantine Turks 1204–1461*. Leiden–Boston, Brill, 2016. 528 p. (In Russian)

About the author: Alexandar N. Nikolov – Ph.D. (History), Professor, Faculty of History, University of Sofia “St. Kliment Ohridski” (№15, “Tsar Osvoboditel”, Sofia 1504, Bulgaria). E-mail: aleksandur@uni-sofia.bg

Received December 20, 2018 Accepted for publication February 25, 2019

Published March 29, 2019

УДК 902.01

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.37-54

БОЕВЫЕ ЦЕПЫ В КОМПЛЕКСЕ ВООРУЖЕНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**Ю.А. Кулешов**

*Институт археологии РАН
Москва, Российская Федерация
yurah1@mail.ru*

Цель: осветить, как можно более детально, наступательный комплекс вооружения Золотой Орды.

Материалы исследования: в качестве материалов исследования выбрана категория оружия, ранее не попадавшая в поле зрения специалистов – боевые цепи.

Результаты и научная новизна: Среди исследователей принято считать, что боевые цепи являются оружием исключительно непрофессиональных воинов, которые сражались в пешем порядке. Соответственно, всадникам такое оружие не к чему. Между тем, как показали результаты проведённого исследования, боевые цепи входили в комплекс вооружения воинов Золотой Орды. Более того, в их руках это было весьма грозное оружие. Новизна исследования заключается в расширении наших представлений о вооружении и военном деле Золотой Орды.

Ключевые слова: военное дело, Золотая Орда, комплекс вооружения, боевые цепи

Для цитирования: Кулешов Ю.А. Боевые цепи в комплексе вооружения Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 37–54. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.37-54

COMBAT FLAILS IN THE ARMAMENT OF THE GOLDEN HORDE**Yu.A. Kuleshov**

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
yurah1@mail.ru*

Abstract: Research objectives: To discuss, as far as possible, types of offensive weapons used in the Golden Horde.

Materials: Combat flails are considered the research materials as a category of weapons that have not previously come into the analysis of specialists.

Results and novelty of the research: Among researchers, it is generally accepted that combat flails were the exclusively weapons of non-professional soldiers who fought on foot. Accordingly, horsemen did not need to use such weapon. Moreover, as the results of the study showed, combat flails were part of the larger armaments of the Golden Horde's warriors. In their hands it was a very formidable weapon. The novelty of the study lies in the expansion of our ideas about the weapons and warfare of the Golden Horde.

Keywords: warfare, Golden Horde, armament complex, combat flails

For citation: Kuleshov Yu.A. Combat Flails in the Armament of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 37–54. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.37-54

При рассмотрении военного дела, в целом, и комплекса вооружения Золотой Орды, в частности, в современной историографии сложилась весьма неоднозначная ситуация. На сегодняшний день стоит констатировать, что на фоне широкого рассмотрения защитного вооружения, наступательное оружие Золотой Орды изучено весьма поверхностно и практически не удостоено серьёзным вниманием исследователей. Это хорошо видно на фоне изученности региональных комплексов вооружения Восточной Европы периода средневековья.

В большинстве своём наступательное вооружение Золотой Орды рассматривается в контексте публикации материалов, полученных в ходе исследования поселений или многочисленных погребальных памятников. И лишь незначительное количество публикаций посвящено отдельным находкам, но и то их выводы ограничены или шаблонны. Работ, где исследованию подвергнуты отдельные категории наступательно вооружения, и вовсе единицы.

Здесь стоит сразу оговориться, что мы не берём в расчёт цикл статей казахского исследователя А.К. Кушкumbaева, посвященных некоторым категориям наступательного вооружения Улуса Джучи [22, с. 199–119; 23, с. 199–119; 24, с. 133–146]. С нашей точки зрения, они носят спекулятивный характер и напрямую не посвящены исследованию вопроса.

Из заслуживающих внимания стоит в первую очередь упомянуть работы И.А. Воронцова. В первой из них автор рассматривает клинковое оружие [4, с. 29–39], ещё в двух – ударное [6, с. 12–22; 8, с. 59–62]. По сути все три публикации представляют собой часть кандидатской диссертации исследователя, где он рассмотрел комплекс наступательного оружия с территории ханского домена – Нижнего Поволжья [5]. Но единичность находок, находящихся в его распоряжении, не позволила исследователю получить сколь угодно целостной картины.

Также стоит обратить внимание на две совместные работы Д.Ю. Чахкиева и Е.И. Нарожного. В первой, исследователями была опубликована сводка находок ударного оружия XIII–XV вв. с территории Северного Кавказа [28, с. 4–9]. Во второй авторы представили выводы, которые ими были получены при анализе этого материала [25, с. 126–153]. Несмотря на региональный охват, серьёзная источниковая база и отступление от устоявшихся стереотипов делает результаты этой работы весьма перспективными для дальнейшего изучения комплекса наступательного вооружения Золотой Орды в целом.

Нельзя обойти вниманием и монографию У.Ю. Кочкарова, в которую вошла сводка по саблям XIII–XIV вв. с территории Северо-Западного Предкавказья [17, с. 112–124]. К сожалению, выводам по саблям этого периода автор уделил недостаточно внимания, сконцентрировавшись на материале более раннего времени. Между тем, в исследовании Т.М. Потёмкиной, посвящённом позднекочевническим саблям Восточной Европы, куда вошла частичная сводка по находкам из золотоордынских погребений, были получены весьма ценные наблюдения [13, с. 117–179].

Также следует указать две работы автора данной статьи, одна из которых посвящена боевым ножам [19, с. 197–210], вторая – так называемому гражданскому оружию – хаусверам в комплексе вооружения Золотой Орды [21, с. 182–198].

Из приведённого выше перечня отчётливо видно, что практически в половине исследований затронута тема ударного оружия. Схожую картину можно наблюдать и при публикациях отдельных находок золотоордынского наступательного вооружения [7, с. 48–49; 9, с. 239; 10, с. 288–292]. Но, несмотря на то, что, казалось бы, при относительно обилии работ эта категория оружия Золотой Орды должна быть освещена весьма неплохо, в затронутой теме до сих пор остаётся очень много не изученного. Так, из поля зрения исследователей выпал целый вид ударного оружия из золотоордынского комплекса вооружения.

Речь идёт о таком виде оружия ближнего боя как боевые цепи.

К сожалению, их выделение стало возможным благодаря буму кладоискательских раскопок, возникшему в последние годы. Дело в том, что практически все находки, за исключением двух, происходят из случайного подъёмного материала со степной территории, вне объектов систематических археологических разведок. А единственная находка из золотоордынского погребения в кургане 3 курганной группы III у с. Котовка (Днепропетровская обл.), исследованного в 1981 г. экспедицией Днепропетровского госуниверситета, поставила автора публикации в тупик с поиском аналогий [30, с. 62]. Более того, вторую из задокументированных находок автор раскопок атрибутировал как безмен [27, с. 169]. В первую очередь это связано со стереотипом о том, что подобный вид оружия не характерен для кочевой среды, так как воин-кочевник, это, практически, исключительно всадник. А всаднику подобное оружие не характерно [12, с. 120–122]. Но данный стереотип, скорее, типичен для западноевропейского военного искусства. В то время как на Востоке дело обстояло иначе.

Например, в единственном сохранившемся до наших дней корейском военном трактате «Муйе Добо Тонгжи» есть целый раздел, посвящённый приёмам владения цепом в конном бою [26, с. 330–336] (Рис. 1). Что касается того, насколько это было мощное и разрушительное оружие, то в этом плане весьма показателен один из эпизодов 1-й Имджинской войны (1592–1593 гг.). Так называемая битва у Чхунчжу произошла в первых числах июня 1592 г. на плато Тхангымдэ между отборной 1-ой дивизией японцев под предводительством прославленного Киса Юсинага, который форсированным маршем рвался к Сеулу, и корейским кавалерийским корпусом, которым командовал не менее прославленный Син Рип, посланный остановить захватчиков. Традиционно принято считать, что корейцы по численности уступали противнику более чем в половину. При этом у японцев значительный процент воинов был представлен аркебузерами, в то время как корейская кавалерия была вооружена преимущественно именно боевыми цепями. Здесь японцы в очередной раз одержали победу благодаря новому эффективному оружию, который их противник не знал. Но корейцы нанесли им такие потери, что Киса Юсинага должен был остановить движение своей дивизии и дожидаться подхода основных сил [33, р. 322–323].

Между тем, для европейского оружиеведения боевые цепи остаются незаслуженно недооценёнными. Традиционно они считаются оружием личной обороны разного рода повстанцев, но никак не профессиональных воинов [11, с. 210; 12, с. 123]. Между тем, боевые цепи были широко распространены в сунском Китае, где использовались кавалерией против пехоты [29,

с. 64]. В более позднее время, помимо корейских кавалеристов, они были весьма популярны в среде казахских и киргизских батыров периода Нового времени [3, с. 80] и широко представлены в этнографических собраниях [2, с. 131–132, рис. 108–109]. Возможно, в последнем случае, этот феномен стоит связывать со старой золотоордынской традицией.

Всего на сегодняшний день в нашем распоряжении имеется информация о четырнадцати подобных находках, которые уверенно можно связывать с комплексом вооружения Золотой Орды.

Находка № 1 – обнаружена в 1981 г. при исследовании золотоордынского погребения в кургане 3 курганный группы III у с. Котовка, Днепропетровская область УССР, экспедицией Днепропетровского госуниверситета [30, с. 62]. Цельнокованая гирька выкована в виде цилиндрического стержня, верх которого раскован в виде прямоугольной петли с прямоугольным отверстием, а боёк в виде шарика.

Общая длина находки – 250 мм, диаметр шейки – 15 мм, диаметр бойка – 35 мм. (Рис. 2,1).

Находка № 2 – была найдена в начале 90-х гг. прошлого столетия при исследовании поселения Аргамач-Пальна, Липецкая область [27, с. 172]. Данное поселение было частью Елецкого княжества, которое существовало в период второй половины XIV – первой половины XV вв., и входило в зону влияния Золотой Орды [1, с. 31–38; 31, с. 40]. Цельнокованая гирька выкована в виде округлого стержня, плавно расширяющегося к низу. Его верх расплюснен и свёрнут в петлю, а самый кончик оформлен в виде четырёхгранника, квадратного в сечении. В петлю вставлено железное, круглое в сечении, спаянное кольцо.

Общая длина находки – 235 мм, длина шейки – 225 мм, её диаметр у петли – 7 мм, у четырёхгранного кончика – 9 x 10 мм. Высота и ширина петли – 10 x 10 мм. Внешний диаметр кольца – 15 мм. Общий вес находки – 75 гр. (Рис. 2,2).

Тот факт, что обе задокументированные находки происходят с памятников, относящихся к Золотой Орде, и за её пределами, в Восточной Европе, больше нигде не отмечены, а также то, что все ниже перечисленные находки происходят из степных регионов, позволяет отнести последние к комплексу вооружения Золотой Орды.

Находка № 3 была случайно обнаружена в Полтавской области Украины. Цельнокованая гирька выкована в виде цилиндрического стержня, верх которого расплюснен и свёрнут в петлю, а боёк оформлен в виде эллипсоида. В петлю вставлено железное, круглое в сечении, спаянное кольцо.

На бойке с двух сторон хорошо просматривается шов, который позволяет судить о том, как был сформирован сам предмет. Судя по характеру шва, низ стержня был в двух местах раскован. Позднее, в месте перехода согнут, тем самым обе раскованные зоны оказались наложенными друг над друга. Далее, видимо их сварили кузнечной сваркой, и в конце сформовали в эллипсоид.

Общая длина находки – 190 мм, длина шейки – 125 мм, диаметр – 7 мм. Внешний диаметр петли – 15 мм; внутренний – 10 мм. Длина бойка – 57 мм, максимальный диаметр – 13 мм. Внешний диаметр кольца – 24 мм. Общий вес находки – 94 гр. (Рис. 2,3).

Рис. 1. Приёмы владения боевым цепом на коне, из корейского военного трактата «Муйе Добо Тонгжи» [26]

Fig. 1. Techniques for the use of a combat flail on a horse from the Korean military treatise “Muye Dobo Tongzhi” [26]

Рис. 2. Гирьки боевых цепов: 1 – № 1;
2 – № 2; 3 – № 3 (художник А.С. Дементьева)

Fig. 2. Weights of combat flails: 1 – № 1;
2 – № 2; 3 – № 3 (artist A.S. Dementieva)

Рис. 3. Гирьки боевых цепов: 1 – № 4;
2 – № 5 (художник А.С. Дементьева)

Fig. 3. Weights of combat flails: 1 – № 4;
2 – № 5 (artist A.S. Dementieva)

Рис. 4. Гирьки боевых цепов: 1 – № 6;
2 – № 7; 3 – № 8 (художник
А.С. Дементьева)

Fig. 4. Weights of combat flails:
1 – № 6; 2 – № 7; 3 – № 8
(artist A.S. Dementieva)

Рис. 5. Гирьки боевых цепов: 1 – № 9;
2 – № 10; 3 – № 11 (художник
А.С. Дементьева)

Fig. 5. Weights of combat flails:
1 – № 9; 2 – № 10; 3 – № 11
(artist A.S. Dementieva)

Находка № 4 случайно обнаружена в Белогорском районе Республики Крым. Цельнокованая гирька выкована в виде стержня, верх её раскован и согнут в петлю, а боёк оформлен в виде многогранника. При этом сам боёк откован со всех сторон непропорционально. Сечение шейки сверху, на две трети восьмигранное, с плавным расширением книзу. В нижней трети шейка имеет форму четырёхгранника. Место перехода оформлено в виде двух поясков. Также двумя поясками разделён и переход к бойку. А сам боёк с шейкой разграничен валиком. В петлю вставлено железное, круглое в сечении, спаянное кольцо. При этом место пайки весьма утолщено.

Общая длина находки – 230 мм, длина шейки – 215 мм, ширина у петли – 6 мм, у перехода – 09 мм, четырёхгранной части – 10 мм. Внешний диаметр петли – 16 x 17 мм; внутренний – 14 x 10 мм. Высота и ширина бойка с двух сторон – 17 x 19 мм; с других двух – 14–17 мм. Внешний диаметр кольца – 27 мм, толщина варьируется от 03 до 05 мм. Общий вес находки – 182 гр. (Рис. 3,1).

Находка № 5 случайно обнаружена в Белогорском районе Республики Крым. Цельнокованая гирька выкована в виде восьмигранного стержня, верх которого расплюснен и свёрнут в петлю, а низ оформлен в виде биконического бойка. Грани шейки неодинаковые: четыре широкие, чередуются с четырьмя узкими. При этом узкие боковые грани плавно сужаются книзу, практически сходя «на нет» к бойку, что еле заметно сужает и самую шейку. Снизу шейки, в 10 мм от перехода в боёк, на широких гранях погравировано по три линии. Сам переход в боёк оформлен в виде двух валиков. Низ бойка выполнен в виде небольшого диска, имитирующего головку заклёпки. В петлю вставлено цельнолитое, треугольное в сечении бронзовое кольцо. Диаметр петли гораздо больше диаметра кольца, что позволяет последнему свободно двигаться внутри. Верхний внутренний край петли умеренно стёрт от контакта с кольцом, что говорит о длительном использовании предмета.

Общая длина находки – 118 мм, длина шейки – 80 мм, её ширина у петли – 09 мм, у бойка – 12 мм. Высота и ширина петли – 14 x 12 мм; максимальный диаметр бойка – 27 мм, его высота – 24 мм. Внешний диаметр кольца – 26 мм. Общий вес находки – 130 гр. (Рис. 3,2).

Находка № 6 была случайно обнаружена близ станицы Павловской, Краснодарский край. Цельнокованая гирька выкована в виде витого стержня, верх которого расплюснен и свёрнут в петлю, а низ оформлен в виде массивного эллипсоидного бойка. В петлю вставлено железное, витое в сечении кольцо, сваренное кузнечной сваркой.

На бойке с двух сторон хорошо просматривается шов, который позволяет судить о том, как он был сформирован сам предмет. Судя по характеру шва, изначально заготовку в виде прута расковали посередине. Затем на одну половину раскованной части положили металлическую вставку эллипсоидной формы и обковали её краями расширения прута, придав форму бойку. После свернули заготовку пополам и, проковав окончательно, сформировали боёк. В конце скрутили прут, образовав тем самым шейку гирьки, расковав его вверху, для загиба в петлю.

Общая длина находки – 300 мм, длина шейки – 180 мм. Внешний диаметр петли – 12 x 15 мм, внутренний – 13 x 1 мм. Длина бойка – 100 мм, мак-

симальный диаметр – 35 x 32 мм. Внешний диаметр кольца – 38 x 35 мм, внутренний – 25 x 26 мм. Общий вес находки – 471 гр. (Рис. 4,1).

Находка № 7 происходит из Республики Крым, она была случайно найдена на восточном склоне горного массива Караби-яйла. Цельнокованая гирька выкована в виде восьмигранного стержня, который плавно расширяется книзу и после максимального расширения резко сужается к кончику. Грани стержня неодинаковые: четыре широких чередуются с четырьмя узкими, в разрезе он похож на квадрат со срезанными углами. В нижней части шейки, на одной из граней, имеется округлое углубление. Возможно, там было клеймо кузнеца, но в связи с очень плохим состоянием предмета и большим количеством окислов, оно не сохранилось. Верх гирьки оформлен в виде прямоугольной петли с прямоугольным отверстием.

Общая длина находки – 183 мм, длина шейки – 166 мм. Ширина шейки в наиболее узкой части – 10 мм, в наиболее широкой – 18 мм. Высота петли – 17 мм, ширина – 18 мм. Общий вес гирьки – 198 гр. (Рис. 4,2).

Находка № 8 была случайно обнаружена на территории Украины, более точное место находки не известно. Цельнокованая гирька выкована в виде четырёхгранного стержня, прямоугольного в сечении, верхняя его часть раскована в трапецевидную петлю с прямоугольным отверстием, а нижняя – в боёк-многогранник. Шейка в месте перехода в петлю наиболее тонкая, в направлении бойка она немного утолщается. В профиль шейка выглядит немного погнутой, возможно, это следы боевого применения. Ещё обращает на себя внимание истончение верхней планки петли, что могло быть результатом длительного ношения на ремне. В нижней части петли по бокам имеются четыре углубления треугольной формы, по одному на каждой поверхности. Под петлёй, на шейке на углах граней имеются восемь треугольных по форме углублений, по два на каждой стороне. На границе средней и нижней трети имеются еще по два треугольных углубления на каждой грани. При этом в нижней трети стержня, до перехода его в боек, углы шейки срезаны, образуя восьмигранник в сечении.

Общая длина находки – 165 мм, длина шейки – 125 мм. Ширина шейки в месте перехода у петли (наиболее тонкая часть) – 8 мм, в месте перехода в боек (наиболее широкая часть) – 12 мм. Высота петли – 20 мм, ширина, в верхней части – 20 мм, в узкой сужается в месте прикрепления к стержню и составляет – 12 мм. Ширина и высота бойка – 20 x 20 мм. Общий вес находки – 115 гр. (Рис. 4,3).

Находка № 9 случайно обнаружена на границе Маньковского и Тельновского районов Черкасской области Украины. Цельнокованая гирька выкована в виде восьмигранного стержня, верх которого раскован в виде квадратной петли с прямоугольным отверстием, а боёк – в виде многогранника.

Общая длина находки – 265 мм, длина шейки – 230 мм, ширина – 10 мм. Высота и ширина петли – 20 x 20 мм; бойка – 15 x 15 мм. Общий вес находки – 227 гр. (Рис. 5,1).

Находка № 10 случайно обнаружена в Кременском районе Луганской области Украины. Цельнокованая гирька выкована в виде ромбического в сечении стержня, верх которого раскован в виде прямоугольной петли с прямоугольным отверстием, а низ – в виде биконического восьмигранного бойка.

Переход шейки в боёк отмечен двумя тонкими гравированными ободками. В данном экземпляре обращает на себя внимание очень узкое отверстие петли – 10 x 4 мм. В нижней части бойка имеются четыре неровных углубления разной длины, глубины и ширины. По нашему мнению, в данном случае это не специально сделанный орнамент, а результат боевого применения.

Общая длина находки – 205 мм; длина шейки – 160 мм; ширина – 10 мм. Высота и ширина петли – 25 x 20 мм; диаметр бойка – 27 мм. Общий вес находки – 184 гр. (Рис. 5,2).

Находка № 11 случайно обнаружена в Харьковской области Украины. Цельнокованая гирька выкована в виде восьмигранного стержня, который плавно расширяется книзу и после максимального расширения резко сужается к кончику. Сам кончик оформлен в виде маленького шарика. На одной из граней, чуть ниже середины шейки, выгравирован крестик. Верх гирьки оформлен в виде прямоугольной петли с прямоугольным отверстием. Сама петля не совсем ровная, её верхняя сторона несколько скошена, а бока орнаментированы шестью валиками каждый.

Общая длина находки – 243 мм, длина шейки – 219 мм. Ширина шейки в наиболее узкой части – 8 мм, в наиболее широкой – 12 мм. Высота петли – 24 мм, ширина – 20 мм. Общий вес гирьки – 168 гр. (Рис. 5,3).

Находка № 12 обнаружена на территории Украины, её точная географическая привязка не известна. Цельнокованая гирька выкована в виде восьмигранного стержня, который плавно расширяется книзу и после максимального расширения резко сужается к кончику. Сам кончик оформлен в виде усечённого конуса. Верх гирьки оформлен в виде петли трапециевидной формы со слегка скошенным верхом и прямоугольным отверстием.

Общая длина находки – 250 мм, длина шейки – 233 мм. Ширина шейки в наиболее узкой части – 10 мм, в наиболее широкой – 13 мм, и на кончике – 8 мм. Высота петли – 17 мм, ширина у основания – 21 мм, сверху – 25 мм. Общий вес гирьки – 254 гр. (Рис. 6,1).

Находка № 13 случайно обнаружена в Харьковской области Украины. Цельнокованая гирька выкована в виде четырёхгранного стержня, который плавно расширяется книзу и после максимального расширения резко сужается к кончику. Сам кончик усечён. Верх гирьки оформлен в виде прямоугольной петли с овальным вырезом.

Общая длина находки – 250 мм, длина шейки – 230 мм. Ширина шейки в наиболее узкой части – 11 мм, в наиболее широкой – 14 мм. Высота петли – 20 мм, ширина – 181 мм. Общий вес гирьки – 290 гр. (Рис. 6,2).

Находка № 14 была случайно обнаружена на территории Республики Крым, в окрестностях г. Бахчисарай. Она имеет брусковидную форму, верх которой раскован в петлю. В верхней трети, перед переходом в петлю, брусочек слегка сужается. Также чуть сужен и кончик. Петля выполнена в виде неровной трапеции, её верх чуть скошен.

Сам брусочек выкован достаточно грубо, его края местами скошены. По центру бруска, с обеих сторон хорошо читается шов, который позволяет судить о том, как он изготовлен. Судя по его характеру, изначально была раскована заготовка, которую потом свернули пополам, далее она была сварена кузнечной сваркой, и в конце ей попытались придать форму бруска.

Рис. 6. Гирьки боевых цепов:
1 – № 12; 2 – № 13; 3 – № 14
(художник А.С. Дементьева)

Fig. 6. Weights of combat flails: 1 – № 12;
2 – № 13; 3 – № 14 (artist A.S. Dementieva)

Рис. 8. Гирька боевого цепа
из коллекции ГИМ
(художник А.С. Дементьева)

Fig. 8. A weight of a combat flail from
the collection of the State Historical
Museum (artist A.S. Dementieva)

Рис. 7. Гирьки чжурчжэньских
боевых цепов с Шайгинского
городища, Приморье, РФ

Fig. 7. Weights of Jurchen combat
flails from the Shaiginsky ancient
settlement, Primorye, Russian
Federation

Общая длина находки – 150 мм, диаметр – 15 мм. Высота петли – 25 мм, ширина – 21 мм. Диаметр отверстия петли – 10 x 10 мм. Общий вес находки – 210 гр. (Рис. 6,3).

Таким образом, перед нами группа однотипных гирек. Основанием для их отнесения к категории боевых цепов служит давняя традиция европейского оружейоведения о принадлежности гирек подобной формы именно к данному типу оружия [32, с. 792–796]. Вследствие этого мы имеем новый, ранее не прослеженный тип достаточно мощного и грозного оружия в комплексе вооружения Золотой Орды.

Несмотря на то, что перед нами небольшая выборка, мы уже можем говорить о выделении двух устойчивых типов данного вида оружия в Золотой Орде. Первый тип – это гирьки в виде стрежня, к нему относятся находки №№ 2, 7, 11–13. Второй тип – это гирьки имеющие боёк, к нему относятся находки №№ 1, 3–6, 8–10.

Что касается его происхождения на территории Золотой Орды, то здесь нужно обратить внимание на комплекс вооружения Империи Цзинь. Дело в том, что практически аналогичный материал встречается на юге российского Приморья, на памятниках, относящихся к государству Дун Ся (1215–1234). Последнее, как известно, возникло на территории трёх северо-восточных провинций Империи Цзинь в ходе мятежа одного из имперских полководцев, Пусянь Ваньну. Поэтому приморские находки необходимо связывать именно с цзиньским комплексом вооружения.

На сегодняшний день опубликовано четыре подобные находки, все они происходят с Шайгинского городища [29, с. 63–64]. И также представлены двумя типами. К первому типу относятся три находки, первые две из них выполнены в виде восьмигранного стержня, расширяющегося к центру и сужающегося к кончику. В первом случае кончик имеет заострённую форму, во втором обрублен. При этом у второй находки грани чередуются, широкие с узкими, как и у всех вышеописанных нами находок, имеющих восьмигранное сечение шейки. Высота первой – 200 мм, вес – 275 гр., высота второй – 230 мм, вес – 425 гр. (Рис. 7,1–2). Третья находка выполнена в виде шестигранного стрежня, имеющего расширения в нижней трети и обрубленный кончик. Её высота – 270 мм, вес – 550 гр. (Рис. 7,3) Ко второму типу относится одна находка, она выполнена в виде прямоугольного стрежня, который заканчивается бойком округлой формы. Вверху стержня пробито отверстие для подвеса гирьки, поверхность вокруг него очень сильно истёрта поводком, что указывает на длительное использование предмета. Её общая высота – 300 мм, длина шейки – 268 мм, вес – 645 гр. (Рис. 7,4). Здесь стоит уточнить, что автор публикации отнёс последнюю находку к булавам [29, с. 64]. Но в данном случае маленькая длина «рукояти» и её сечение неэффективны для такого типа оружия. Вне всяких сомнений, перед нами гирька боевого цепа.

Основываясь на выше изложенном, можно констатировать, что приведённые в качестве аналогий гирьки очень близки ряду выше описанных нами находок, особенно первому их типу. Единственное их отличие, бросающиеся в глаза, это оформление подвесной петли. В первом случае она обломана, но

у второй и третьей приморских находок она выполнена в форме кольца, основа которого вытянута из шейки, а его край в основание же и вварен, что создаёт впечатление монолитности конструкции. При этом у второй находки в подвесной петле сохранилось вставленное округлое в сечении кольцо – часть поводка.

Видимо, данный технологический приём, в целом, является маркером для чжуржэньских изделий этой категории оружия.

В нашем распоряжении имеется ещё одна гирька, имеющая подобное оформление подвесной петли. Речь идёт о гирьке, вторично использованной в конструкции одного кистеня, из коллекции отдела оружия ГИМ, происходящего из этнографических сборов. Предмет недавно был опубликован О.В. Двуреченским в его монографии по наступательному вооружению Московской Руси [11, с. 207, рис. 118/1].

Цельнокованная гирька откована в виде стержня, верхняя половина которого выполнена округлой, а нижняя – в форме восьмигранника, при этом широкие грани чередуются с узкими. Место перехода оформлено в виде двух узких и одного широкого поясков, разделённых бороздками. В нижней части стержень имеет расширение, сужающееся к кончику. Подвесная петля оформлена как и у Шайгинских находок. Сам кончик обрублен. Общая высота находки – 220 мм. (Рис. 8).

Вне всяких сомнений, перед нами предмет одного происхождения с приморскими находками. А его оформление очень схоже с оформлением находки № 10, описанной нами с территории Золотой Орды.

Таким образом, сам принцип исполнения и схожесть элементов оформления, на наш взгляд, не оставляет сомнений в том, что данный вид оружия был занесен в Восточноевропейские степи в период монгольского вторжения.

Что касается возможности типологического деления данного вида оружия Золотой Орды, то можно констатировать, что на сегодняшний день у нас слишком маленькая выборка. Ряд современных исследователей ставят под сомнения то, что форма боевой гирьки, на подобном этапе классификации, может служить критерием выделения подтипов [12, с. 125]. Между тем, некоторые предварительные выводы, на наш взгляд, всё же можно сделать.

Так, если обратить внимание на форму подвесной петли выше описанных нами находок, то сразу бросается в глаза, что у девяти из приведённых гирек она имеет подквадратную форму. Бытование подобной формы ушка в Восточной Европе у гирек ударно-дробящего оружия с гибким поводком известный российский оружейвед А.Н. Кирпичников датирует достаточно широко – XIII–XIV вв. Между тем, как он сам отмечает, единственная находка с подобным оформлением ушка, имеющая чёткую дату, относится к 1362 г. [14, с. 63]. В пользу более поздней датировки свидетельствуют и ряд новых находок [11, с. 206–207, рис. 120, 10–11]. А также пересмотр датировок ряда позднесредневековых погребений и отнесения их ко второй половине XIV в. [18, с. 145–148], которые являлись для А.Н. Кирпичникова эталонными [16, с. 232]. В то же время округлая форма петель со второй по шестую находки и способ их изготовления – выгнуты из шейки, наличие дополнительно встав-

ленного кольца, как части поводка, и способ оформления шейки у находки № 4, – максимально сближает их с чжурчжэньскими находками.

Здесь стоит оговориться: видимо, не все находки стоит связывать с ранним периодом. Так, хронология памятника, с которого происходит находка № 2, указывают на её датировку второй половиной XIV – первой половиной XV вв. [27, с. 161–175]. В то же время значительный вес и размеры находки № 6, с одной стороны, могут указывать на её близость к чжурчжэньским образцам. А с другой, на необходимость возрастания пробивной силы, которая фиксируется у ударно-дробящего оружия, начиная с середины XIV в. [16, с. 232–233]. При этом наличие биконической формы бойка у находки № 5 тоже может являться поздним признаком [15, с. 27–28]. Всё это свидетельствует в пользу того, что такой тип оформления петли мог использоваться и в более позднее время. Между тем, незначительное количество находок с подобным способом оформления петли для позднего периода указывает на то, что в это время он становится архаичным, постепенно выходит из употребления и вытесняется петлями прямоугольной формы.

На основании этого можно предположить, что на протяжении второй половины XIII – первой половины XIV вв. данный тип ударно-дробящего оружия с гибким поводком не имел широкого распространения. В то время как во второй половине XIV в. его роль значительно возросла. Видимо, данные процессы нужно связывать с утяжелением золотоордынского доспеха, в частности, и общеевропейской тенденцией в целом [20, с. 757].

Мы надеемся, что дальнейшие исследования в этом направлении позволят нам более широко осветить комплекс вооружения Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев С.И. Русско-татарско-мордовское пограничье во второй половине XIII–XVI вв. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. Вып. 10 (126). Тамбов, 2013. С. 31–42.
2. Ахметжан К.С. Қазақтың дәстүрлі қару жарағының этнографиясы. Алматы, Алматыкітап баспасы, 2006. 216 б.
3. Бобров Л.А. Железные ястребы Маверанакра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII вв.) // *Paragellum: военно-исторический журнал*. № 18. СПб., 2003. С. 43–80.
4. Воронцов И.А. Золотоордынское клинковое оружие // Историческая и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья: сборник научных статей по материалам научной конференции «Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья.» Волгоград, 2005. С. 29–39.
5. Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья). Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006а. 256 с. + 39 с. рис.
6. Воронцов И.А. Золотоордынское ударное вооружение // Сарепта: историко-этнографический вестник. Вып. 2. Волгоград, 2006в. С. 12–22.
7. Воронцов И.А. Золотоордынская булава с территории Царевского городища // Астраханские краеведческие чтения. Вып. 1. Астрахань, 2009. С. 48–49.
8. Воронцов И.А. Предметы ударного вооружения золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспек-

тивы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 59–62.

9. *Галкин Л.Л.* Булава из Нового Сарая // Советская археология. №4. М., 1963. С. 239.

10. *Галкин Л.Л.* Две булавы из городов улуса Джучи (XIV век) // История и культура Улуса Джучи 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань, 2007. С. 288–292.

11. *Двуреченский О.В.* Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015. 498 с.

12. *Дубинин А.С., Корчагин П.А.* Кистени из коллекции Пермского областного краеведческого музея // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4. Пермь, 2007. С. 120–127.

13. *Евглевский А.В., Потёмкина Т.М.* Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 117–179.

14. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. – САИ Е1–36. М.-Л., 1966. 146 с. + 34 табл.

15. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. 104 с. + 30 табл.

16. *Кирпичников А.Н.* Булавы и кистени из коллекции И. Хойновского в собрании Музея Войска Польского // Археологические вести. № 7. СПб., 2000. С. 230–235.

17. *Кочкаров У.Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М., 2008. 175 с.

18. *Кулешов Ю.А.* Место «Шапки греческой с Деисусом» из собрания Оружейной Палаты в ряду позднесредневековых боевых наголовий Восточной Европы. // Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. 22. М., 2014. С. 135–152.

19. *Кулешов Ю.А.* Об одной разновидности золотоордынских боевых ножей // Золотоордынская цивилизация. 2015. №8. С. 197–210.

20. *Кулешов Ю.А.* К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, вторая половина XV – первая половина XVI вв. (Постановка вопроса) // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. СПб., 2017. С. 740–766.

21. *Кулешов Ю.А., Ничепорук А.А.* Находка уникального кинжала из могильника Жукова (к вопросу о «гражданском» оружии в Золотой Орде) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 182–198.

22. *Кушкумбаев А.К.* Комплекс ударного оружия (палицы, булавы, кистени) воинов Улуса Джучи // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 199–119.

23. *Кушкумбаев А.К.* Клинковое оружие воинов Золотой Орды: мечи, палаши, сабли, кинжалы, ножи (проблемы изучения) // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени. Астана, 2013. С. 199–119.

24. *Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А.* Оружие таранной атаки: золотоордынские копья и пики XIII–XIV вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1(12). Уральск, 2010. С. 133–146.

25. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 126–153.

26. *Санг Х. Ким.* Боевые искусства и оружие древней Кореи. Ростов-на-Дону, 2002. 361 с.

27. Тропин Н.А. Древнерусское поселение XIII–XIV веков у села Аргамач-Пальна // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996. С. 161–175.

28. Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Образцы ударного оружия золотоордынского времени на Северном Кавказе // Научный вестник Ингушского государственного университета. №1. Магас, 2002. С. 4–9.

29. Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток, 1993. 184 с.

30. Шалобудов В.Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск, 1982. С. 60–68.

31. Шенников А.А. Червлёный Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. 141 с.

32. Demmin A. Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwicklungen von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Eine Enzyklopädie der Waffenkunde. Leipzig, 1893. 1110 s.

33. Murdoch J., Yamagata I. A History of Japan. Vol. II: During the century of early foreign intercourse (1542–1651). Kobe, 1903. 743 p.

Сведения об авторе: Кулешов Юрий Алексеевич – учёный секретарь Проблемного семинара «Военная археология» при Институте археологии РАН (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: yurahl@mail.ru

Поступила 18.12.2018 Принята к публикации 27.02.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Andreev S.I. Russko-tatarsko-mordovskoe pogranich'e vo vtoroy polovine XIII–XVI vv. [Russian-Tatar-Mordovian borderlands in the second half of the 13th–16th centuries]. *Tambov University Review. Series Humanities*. Is. 10 (126). Tambov, 2013, pp. 31–42. (In Russian)

2. Akhmetzhan K.S. Қазақтұң дәстүрлі қару зһарағынұң etnografiyası. [Ethnography of traditional weapons of the Kazakhs]. Alma-Aty, Almatykitap baspası, 2006. 215 p. (In Kazakh)

3. Bobrov L.A. Zheleznye yastreby Maveranakhra (kompleks zashchitnogo vooruzheniya voinov Sredney Azii i sopredel'nykh territoriy kontsa XV – XVII vv.) [Iron hawks of Mawerannahr (a complex of protective weapons of warriors of Central Asia and adjacent territories of the end of the 15th–17th centuries)]. *Para bellum: voenno-istoricheskij zhurnal*, no. 18. St. Petersburg, 2003. p. 43–80. (In Russian)

4. Vorontsov I.A. Zolotoordynskoe klinkovoe oruzhie [The Golden Horde's Bladed Weapons]. *Istoricheskaya i sovremennaya regionalistika Verkhnego Dona i Nizhnego Povolzh'ya. Sbornik nauchnykh statey po materialam nauchnoy konferentsii "Istoricheskoe i etnokul'turnoe razvitie Nizhnego Povolzh'ya"* [Historical and modern regionalistics of the Upper Don and the Lower Volga region. Proceedings of the research conference "Historical and ethno-cultural development of the Lower Volga region"]. Volgograd, 2005, pp. 29–39. (In Russian)

5. Vorontsov I.A. *Organizatsiya voennogo dela Zolotoy Ordyy (po materialam Nizhnego Povolzh'ya). Diss. ... kand. ist. nauk* [Organization of the warfare of the Golden Horde (based on materials from the Lower Volga region). Ph.D. Thesis]. Volgograd, 2006. 256 + 39 p. (In Russian)
6. Vorontsov I.A. Zolotoordynskoe udarnoe vooruzhenie [The Golden Horde's Bladed Weapons]. *Sarepta: istoriko-etnograficheskiy vestnik* [Sarepta: historical and ethnographic bulletin]. Is. 2. Volgograd, 2006, pp. 12–22. (In Russian)
7. Vorontsov I.A. Zolotoordynskaya bulava s territorii Tsarevskogo gorodishcha [The Golden Horde's mace from the territory of Tsarev ancient settlement]. *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniya* [The Astrakhan local history readings]. Is. 1. Astrakhan, 2009, pp. 48–49. (In Russian)
8. Vorontsov I.A. Predmety udarnogo vooruzheniya zolotoordynskogo vremeni s territorii Nizhnego Povolzh'ya [Items of strike weapons of the Golden Horde time from the territory of the Lower Volga region]. *Voennoe delo Zolotoy Ordyy: problemy i perspektivy izucheniya. Materialy kruglogo stola, provedennogo v ramkakh Mezhdunarodnogo zolotoordynskogo foruma. Kazan', 29–30 marta 2011 g.* [Warfare of the Golden Horde: problems and prospects of study. Materials of the round table held in the framework of the International Golden Horde Forum. Kazan, March 29–30, 2011]. Kazan, 2011, pp. 59–62. (In Russian)
9. Galkin L.L. Bulava iz Novogo Saraya [A mace from New Saray]. *Sovetskaya arkhologiiya* [The Soviet Archaeology]. № 4. Moscow, 1963, p. 239. (In Russian)
10. Galkin L.L. Dve bulavy iz gorodov ulusa Dzhuchi (XIV vek) [Two maces from the cities of the ulus of Jochi (14th century)]. *Istoriya i kul'tura Ulusa Dzhuchi 2006. Bertol'd Shpuler «Zolotaya Orda»: traditsii izucheniya i sovremennost'* [The history and culture of the ulus of Jochi 2006. Bertold Spuler "The Golden Horde": the tradition of study and modernity]. Kazan, 2007, pp. 288–292. (In Russian)
11. Dvurechenskiy O.V. *Kholodnoe oruzhie Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vekov* [Cold weapons of the Muscovite state of the 15th–17th centuries]. Tula, 2015. 498 p. (In Russian)
12. Dubinin A.S., Korchagin P.A. Kisteni iz kollektsii Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Flails from the collection of the Perm regional museum]. *Trudy Kamskoy arkhologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. Is. 4. Perm', 2007, pp. 120–127. (In Russian)
13. Evglevskiy A.V., Potemkina T.M. Vostochnoevropeyskie pozdnekochevnicheskie sable [East-European late nomadic sabers]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [European steppes in the Middle Ages]. Vol. 1. Donetsk, 2000, pp. 117–179. (In Russian)
14. Kirpichnikov A.N. *Drevnerusskoe oruzhie* Is. 2: *Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv.* [Old Russian weapons. Issue 2: Spears, sulits, battle axes, maces, flails of the 9th–13th centuries]. SAI E1-36. Moscow–Leningrad, 1966. 146 p. + 34 tabl. (In Russian)
15. Kirpichnikov A.N. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv.* [Warfare in Rus' during the 13th–15th centuries]. Leningrad, 1976. 104 p. + 30 tabl. (In Russian)
16. Kirpichnikov A.N. Bulavy i kisteni iz kollektsii I. Khoynovskogo v sobranii Muzeya Voyska Pol'skogo [Maces and flails from the collection of I. Choynowski in the collection of the Museum of the Polish Army]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological bulletin]. 2000, no. 7, pp. 230–235. (In Russian)
17. Kochkarov U.Yu. *Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya)* [The armament of warriors of the North-Western Ciscaucasia of the 8th–14th centuries (melee weapons)]. Moscow, 2008. 175 p. (In Russian)

18. Kuleshov Yu.A. Mesto «Shapki grecheskoy s Deisusom» iz sobraniya Oruzheynoy Palaty v ryadu pozdnesrednevekovykh boevykh nagoloviy Vostochnoy Evropy [Place of “Greek caps with Deesis” from the collection of the Armory Chamber in a series of late medieval warheads in Eastern Europe]. *Muzei Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya* [Moscow Kremlin museums: materials and studies]. Is. 22. Moscow, 2014, pp. 135–152. (In Russian)

19. Kuleshov Yu.A. Ob odnoy raznovidnosti zolotoordynskikh boevykh nozhey [On a Variety of the Golden Horde Combat Knives]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2015, no. 8, pp. 197–210. (In Russian)

20. Kuleshov Yu.A. K voprosu o dospeshnoy mode na Rusi v tak nazyvaemyy period orientalizatsii, vtoraya polovina XV – pervaya polovina XVI vv. (Postanovka voprosa) [On the issue of armored fashion in Rus’ during the so-called orientalizing period, the second half of the 15th – the first half of the 16th centuries (statement of a question)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Spetsial'nyy vypusk V: *Stoyanie na reke Ugre 1480–2015* [History of warfare: research and sources. Special edition V: Standing on the Ugra River 1480–2015]. Part III. St. Petersburg, 2017, pp. 740–766. (In Russian)

21. Kuleshov Yu.A. Nicheporuk A.A. Nakhodka unikal'nogo kinzhala iz mogil'nika Zhukova (k voprosu o «grazhdanskom» oruzhii v Zolotoy Orde) [Finding of the unique dagger from the burial ground of Zhukov (on the issue of “civilian” weapons in the Golden Horde)]. *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [The Warfare of the ulus of Jochi and its successors]. Astana, 2012, pp. 182–198. (In Russian)

22. Kushkumbaev A.K. Kompleks udarnogo oruzhiya (palitsy, bulavy, kisten) voinov Ulusa Dzhuchi [A complex of strike weapons (clubs, maces, flails) of the warriors of the Jochid ulus]. *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [The Warfare of the ulus of Jochi and its successors]. Astana, 2012, pp. 199–119. (In Russian)

23. Kushkumbaev A.K. Klinkovoe oruzhie voinov Zolotoy Ordy: mechi, palashi, sabli, kinzhaly, nozhi (problemy izucheniya) [Bladed weapons of the Golden Horde’s warriors: swords, broadswords, sabers, daggers, knives (problems of study)]. *Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi srednevekov'ya i novogo vremeni* [Warfare of nomads of Kazakhstan and neighboring countries of the Middle Ages and modern times]. Astana, 2013, pp. 199–119. (In Russian)

24. Kushkumbaev A.K., Bobrov L.A. Oruzhie tarannoy ataki: zolotoordynskie kop'ya i piki XIII–XIV vv. [Weapons of the ram attack: the Golden Horde’s spears and peaks of the 13th and 14th centuries]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of history and archaeology of Western Kazakhstan]. 2010, no. 1(12), pp. 133–146. (In Russian)

25. Narozhnyy E.I., Chakhkiev D.Yu. O nakhodkakh nekotorykh obratzov udarnogo i zashchitnogo vooruzheniya na Severnom Kavkaze (XIII–XVvv.) [On the discoveries of some types of strike and defense weapons in the North Caucasus (13th–15th centuries)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archaeology of the North Caucasus]. Is. 2. Armavir, 2003, pp. 126–153. (In Russian)

26. Sang Kh. Kim. Boevye iskusstva i oruzhie drevney Korei [Martial arts and weapons of ancient Korea]. Rostov-na-Donu, 2002. 361 p. (In Russian)

27. Tropin N.A. Drevnerusskoe poselenie XIII–XIV vekov u sela Argamach-Pal'na [Old Russian settlement of the 13th–14th centuries near the village of Argamach-Palna]. *Arkheologicheskie pamyatniki lesostepnogo Pridon'ya* [Archaeological sites of the forest-steppe of the Don region]. Is. 1. Lipetsk, 1996, pp. 161–175. (In Russian)

28. Chakhkiev D.Yu., Narozhnyy E.I. Obratzы udarnogo oruzhiya zolotoordynskogo vremeni na Severnom Kavkaze [Samples of strike weapons of the Golden Horde time in the

North Caucasus]. *Nauchnyy vestnik Ingushskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific bulletin of the Ingush State University]. Magas, 2002, no. 1, pp. 4–9. (In Russian)

29. Shavkunov V.E. *Vooruzhenie chzhurchzeney XII–XIII vv.* [The Jurchen armament of the 12th–13th centuries]. Vladivostok, 1993. 184 p. (In Russian)

30. Shalobudov V.N. Pozdnekochevnicheskii mogil'nik XIV v. u s. Kotovka [The late nomadic burial of the 14th century near the village of Kotovka]. *Drevnosti stepnogo Podneprov'ya (III–I tys. do n.e.)* [Antiquities of the Steppe Dnieper region (3rd–1st millennium BC)]. Dnepropetrovsk, 1982, pp. 60–68. (In Russian)

31. Shennikov A.A. *Chervlenyy Yar: issledovanie po istorii i geografii Srednego Podon'ya v XIV–XVI vv.* [Chervlyany Yar: a study on the history and geography of the Middle Don region in the 14th and 16th centuries]. Leningrad, 1987. 141 p. (In Russian)

32. Demmin A. *Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwicklungen von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Eine Enzyklopädie der Waffenkunde.* Leipzig, 1893. 1110 p. (In German)

33. Murdoch J., Yamagata I. *A History of Japan.* Vol. II: *During the century of early foreign intercourse (1542–1651).* Kobe, 1903. 743 p.

About the author: Yuri A. Kuleshov – Scientific Secretary of the Problem Seminar “Military Archaeology” at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (117292, Dmitry Ulyanov Str., 19, Moscow, Russian Federation). E-mail: yurah1@mail.ru

Received December 18, 2018 Accepted for publication February 27, 2019

Published March 29, 2019

УДК 94(47).03

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.55-76

РОЛЬ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЖЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

А.А. Майоров

ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры»

Орел, Российская Федерация

aamajorov@rambler.ru

Цель исследования: рассмотреть исторические процессы и выявить факторы, оказавшие значимое воздействие на создание и функционирование управленческих структур новых малых княжеств в северной части Черниговского княжества во второй половине XIII в., определить степень влияния на эти процессы вассальной зависимости от ханов Золотой Орды и сложившейся в тот период внутри- и внешнеполитической обстановки.

Материалы исследования: средневековые русские летописи – Лаврентьевская, Ипатьевская, Никоновская, Симеоновская, Уваровская, Новгородская первая летопись, Галицко-Волынская, Рогожский летописец. Переписка смоленских князей с Ригой и ганзейскими городами, китайские и монгольские источники по истории Золотой Орды, поминальный Любецкий синодик, воспоминания европейских путешественников.

Результаты и научная новизна: анализ имеющейся источниковой базы позволил автору сделать вывод о явной недооценке роли особенностей режима золотоордынского вассалитета, ряда политических и административных факторов при рассмотрении причин возникновения в конце XIII – начале XIV вв. группы княжеств, получивших впоследствии в русской истории наименование Верховских. В соответствии с полученными результатами, особенности вассально-сюзеренальных отношений в совокупности с влиянием фактического двоевластия в Золотой Орде, установившегося в последней трети XIII в. вследствие действий беклярибека чингизида Ногая, сыграли важнейшую роль для зарождения предпосылок начала формирования княжеств с высокой степенью суверенизации на севере черниговских земель.

Последующая передача ярлыка на правление Брянским княжеством членам смоленской княжеской династии в совокупности с сохранением на младших столах представителей прежней черниговской династии создали основу для разрыва прежде единой во многих отношениях территории Северной Черниговщины. В последующее время эти предпосылки были усилены вследствие активизации ряда внешнеполитических факторов.

Ключевые слова: Золотая Орда, княжества Северной Черниговщины, вассалитет, Ногай, Брянское княжество, смоленские князья, черниговский княжеский род, Верховские княжества

Для цитирования: Майоров А.А. Роль Золотой Орды в формировании структур управления на севере Черниговского княжества второй половины XIII в. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 55–76. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.55-76

THE INFLUENCE OF THE GOLDEN HORDE ON THE FORMATION OF ADMINISTRATIVE STRUCTURES IN THE NORTH OF THE CHERNIGOV PRINCIPALITY DURING THE SECOND HALF OF THE 13TH CENTURY

A.A. Mayorov

Orel State Institute of Culture

Orel, Russian Federation

aamayorov@rambler.ru

Abstract: *Research objectives:* The identification of the factors that had the most significant impact on the creation and function of the new administrative structures of the small principalities in the northern part of the Chernigov Principality in the second half of the fourteenth century, along with the determination of the degree of impact on these processes of two factors: vassalage to the khans of the Golden Horde, as well as the internal political and foreign policy situation.

Research materials: Several medieval Russian chronicles, among which are the Lavrentyevskaya, Ipatievskaya, Nikonovskaya, Simeonovskaya, Uvarovskaya, Novgorodskaya First, Galicko-Volynskaya, and Rogozhsky Chronicle. Among the materials used are also published correspondence of Smolensk princes with Riga and the cities of the Hansa, Chinese and Mongolian sources on the history of the Golden Horde, the memorandum of the Synod of Lubeck, and the memoirs of European travelers.

Results and novelty of the research: Until now, the process of the emergence of independent principalities in the thirteenth and fourteenth centuries in the northern part of the lands of the Chernigov Principality is regarded as a natural result of intensifying feudal fragmentation of the Russian lands. A multifactor analysis of the processes that took place in the north of the Chernigov lands in the second half of the thirteenth century, carried out in this article, shows that the emergence and preservation of these principalities was largely influenced by the specific characteristics of the vassalage of local princes to the khans of the Golden Horde, as well as the processes generated by the growing influence of Prince Nogai and the emergence of a situation of real dual power.

The adoption of a direct vassalage to the Golden Horde's khan by Russian princes from the northern Chernigov territories led to the consolidation of the allocated territories for local branches of princely families. The consequence of dual power was the transfer of the rights of the rulers of the Bryansk principality to one of the branches of the Smolensk princely family and the simultaneous preservation of small thrones for princes belonging to the Chernigov dynasty. The last third of the thirteenth century in the north of the Chernigov lands saw the lands divided into those ruled by Smolensk princes (in fact the Bryansk principality itself) and those ruled by the Chernigov dynasty. The interaction and combination of these several factors led to the emergence of legal prerequisites for the disintegration of a formally unified territory in the future.

As a result, in the northern territories of the Chernigov principedom at the end of the thirteenth century, a legal basis was created for the emergence of a group of sovereign administrative and political entities known in Russian historiography as the Principalities of the Upper Oka Basin.

Keywords: Golden Horde, North of the Principality of Chernigov, vassalage, prince Nogai, Bryansk Principality, princes of Smolensk, Chernigov princely dynasty, Upper principedoms

For citation: Mayorov A.A. The Influence of the Golden Horde on the Formation of Administrative Structures in the North of the Chernigov Principality during the second half of the 13th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 55–76. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.55-76

Вторая половина XIII в. стала временем, положившим начало формированию особого и своеобразного пути развития группы расположенных в бассейне Верхней Оки административно-политических образований, известных в русской истории как Верховские княжества. Объективная оценка этого процесса требует проведения многофакторного анализа последствий падения Черниговского княжества, бывшего одним из крупнейших и сильнейших древнерусских княжеств начала XIII столетия, и переноса центра новой административно-политической системы на северные земли.

Крайне малое число письменных источников стало причиной того, что изучение особенностей возникновения и развития княжеств, возникших на северо-черниговских территориях во второй половине XIII в. после разгрома Черниговского княжества в результате монгольского завоевания, никогда не относилось к числу тем, привлекавших большое внимание российских исследователей. Первым выделил вопрос о специфике бывшего его частью верхнеокского региона Н.М. Карамзин, который в «Истории государства Российского» ввёл в научный оборот большой объём фактического материала о политической деятельности князей верхнеокских княжеств, о московско-литовских отношениях XV в., о военных столкновениях этих государств и об участии в них местных правителей [18]. Период ордынского господства характеризовался им как время растерзания России монголами и главная причина отставания Руси от Европы. Хотя, согласно его же взглядам, именно благодаря монголам стало реальностью прекращение русских усобиц и возвышение Москвы. Это мнение было, пожалуй, превалирующим в течение большей части XIX в. В частности, Н.И. Костомаров, в свою очередь, утверждал, что русский феодализм стал следствием «татарского завоевания» [21, с. 94].

XIX столетие стало временем активного накопления значимого источникового материала о реальной истории Золотой Орды, о взаимоотношениях, возникших в результате установления ордынского господства на русских землях, который не потерял своё значение и до настоящего времени. В числе учёных, работавших над этой тематикой, следует отметить И.Н. Березина и В.Г. Тизенгаузена [1; 2; 48].

В 1830-е годы проблему специфического статуса новосильских князей выделил Н.Г. Устрялов, который отмечал особенную роль Великого княжества Литовского в качестве средства освобождения региона от ордынского господства [51]. Новый порядок управления после монгольского завоевания он характеризовал как «власть дикой, степной орды» [52, с. 191].

С.М. Соловьев, напротив, основывался на положении, что направление и ход развития русских земель в XIII–XIV вв. в первую очередь определялись внутренними причинами, к числу которых Орда не относилась: «... влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя всё как было... В своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки...» [47, с. 4]. В своей «Истории Российской с древнейших времен» он указал на особый статус князей Новосильского дома, ввел в исторический оборот большое число эпистолярных памятников и договоров. Линию первичности внутрирусских вопросов продолжили В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, а на рубеже XIX–XX вв. – М.Н. Покровский и А.Е. Пресняков. Тема взаимоотношения русских княжеств с Ордой продолжала сохра-

нять ощутимую долю эмоционального восприятия, влиявшего на оценки рассматриваемых исторических событий и процессов.

Первое отдельное исследование, посвящённое верхнеокским государственно-административным образованиям, опубликовал М.К. Любавский. Он ввёл в активный научный лексикон термин «верховские княжества», систематизировал и описал основную историческую канву процессов, протекавших внутри верховских княжеств [24]. Внимание историка было сосредоточено на выявление роли и места Великого княжества Литовского в верхнеокской истории, вопросы же взаимодействия с «татарами» занимали его в малой степени.

Стоит упомянуть историко-генеалогическое исследование Р.В. Зотова «О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время», в котором указывалось, что основной целью автора является попытка «...восстановить личности черниговских князей и хоть несколько осветить историю Черниговского княжества от Татарского нашествия до завоевания Южной Руси Ольгердом» [15, с. 3]. О роли завоевания автор высказался двояко. С одной стороны, «...разорение преимущественно городов и истребление князей... было средством, если не целью татарской политики, для более верного упрочения за собою завоеванных ими областей» [15, с. 188]. С другой стороны, «...татарское завоевание и другие события, имевшие к нему отношение, содействовали возвышению Москвы; они спасли Черниговскую область, так и всю Русь от «мелкопоместности, чересполосности, разнобоярщины и однодворчества, ... от естественного размножения князей» [15, с. 190].

В большинстве исторических работ, упоминавших о северочерниговских (и верхнеокских) княжествах, тема управленческого взаимодействия с Ордой была освещена крайне незначительно. И это при том, что завоевание Руси Монгольской империей непосредственно предшествовало возникновению этих княжеств и должно было оказать на них прямое влияние. Воздействие Орды на русские княжества рассматривалось, преимущественно, как отношение разбойника и грабителя к объекту немотивированного грабежа и военной агрессии.

В советской исторической науке, при весьма серьёзной терминологической модификации, преимущественно развивались новые версии прежних концепций о приоритете внутренних движущих причин исторических процессов и о национально-освободительной борьбе за освобождение русских земель от монголо-татарского ига. Марксистская теория классовой борьбы, ставшая преобладающей в советской исторической науке, в приложении к тематике русско-ордынских отношений, получила свое отражение в совместной работе Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда», где ордынское владычество определялось как препятствие на пути прогрессивного развития. Второй вариант этой книги, вышедший в 1950 г., значительно расширил объем содержательной части работы, но сохранил нетронутыми основные постулаты [11].

Исследование А.Н. Насонова «Монголы и Русь» стало образцом подхода исторической науки советского периода к данной тематике. Чётко формулировалось, что «непосредственная организация татарского владычества на Руси была в руках монгольской степной аристократии... Образование централизованного государства явилось... в результате борьбы с монголами,

когда... поднялось народное движение за объединение Руси и за свержение татарского владычества» [26, с. 7–8]. Основные положения, сформулированные в этой книге, были развиты в исследованиях выдающихся советских историков, среди которых следует упомянуть А.А. Зимина, Л.В. Черепнина, Г.А. Федорова-Давыдова, В.Л. Егорова, М.Г. Сафаргалиева, В.В. Каргалова [13; 14; 54; 53; 12; 39; 19; 20]. Общие подходы оставались неизменными, а положения о национально-освободительной борьбе русского народа (с разной степенью антифеодальной направленности) в советский период приобрели аксиоматическое значение.

Возникновение новой волны интереса к политической истории верхнеокских и деснянских земель было ознаменовано выходом в 1993 г. небольшой работы А.В. Шекова «Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.)», где давался весьма краткий обзор политической истории территории с древнейших времен до XVI в. Последующие изыскания в данной сфере А.В. Шеков изложил в новой монографии, которая является первым современным научным исследованием, повествующем о возникновении и развитии Верховских княжеств с момента их возникновения до включения в состав Московского государства [55].

Отдельно следует упомянуть значительное число информационно насыщенных и методологически выверенных работ А.А. Горского, посвящённых широкому спектру различных аспектов становления и развития социума древней и средневековой Руси, исследованию социальной и политической истории различных её территорий [7; 8; 9]. Результаты, полученные исследователем, посвящены различной тематике, и часть из них имеет прямое либо косвенное отношение как к истории верхнеокских и постчерниговских земель, так и к месту русских княжеств (князей) в ордынской социально-политической системе.

Следствием интереса к истории Золотой Орды и взаимоотношениям этого имперского государственного образования с русскими княжествами стало положение ряда работ, рассматривающих вопросы статуса, положение и полномочий русских князей внутри ордынской элиты и более подробно освещающих систему взаимоотношений внутри Монгольской империи и Джучиева улуса. Превалирующей позицией в них является рассмотрение реальных правовых аспектов взаимоотношений Монгольской империи и Улуса Джучи со своими восточно-европейскими данниками, что позволяет представить их как отношения регулярного государства-сюзерена со своими вассалами-протекторатами. К числу работ, относимых к данному направлению исторических исследований, по мнению автора настоящей статьи, следует отнести книги и статьи В.В. Трепавлова, Ю.В. Селезнева, А.В. Лаврентьева, Р.Ю. Почекаева, ряда других историков [23; 36; 37; 40–45; 49; 50]. Результаты исследований Ю.В. Селезнева заслуживают отдельного упоминания как наиболее широко освещающие взаимоотношения со своими сюзеренами конкретных княжеских персон, а также ввиду их информационной насыщенности и технологической проработанности.

Помимо прочих, следует отметить статьи Р. Беспалова, посвященные возникновению и функционированию на русско-литовском пограничье отдельных княжеств, в особенности тех, что являлись наследниками княжества Новосильского (княжества Одоевское, Воротынское, Белевское) [3–5]. Эти

работы отражают особенности взаимоотношений этих княжеств, в первую очередь, с их литовскими сюзеренами, и углублённые изыскания в сфере генеалогии. В то же время и отношения Новосильско-Одоевского княжества с Ордой и её наследниками рассматриваются отдельно и подробно.

Факторы, приведшие к возникновению отдельных княжеств на северо-черниговских землях, особенности взаимодействия их правителей, длительное время сохранявших самостоятельность на фамильных землях, с их ордынскими сюзеренами и до настоящего времени являются малоизученными. Как отмечалось ранее, главные затруднения при изучении развития политической ситуации на этих территориях во второй половине XIII в. вызваны, прежде всего, малым числом прямых письменных упоминаний из-за утери местного летописания. В то же время, в распоряжении заинтересованного исследователя ныне имеется значительное количество информационных источников, позволяющих, на основании преимущественно косвенных указаний разного рода, непротиворечиво реконструировать ход местных политических, военных и административных процессов.

Важным для анализа хода исторического процесса является уточнение параметров исторического контекста, основанное на результатах исследований последних десятилетий. В настоящее время фактически общепризнано, что возникшие во второй половине XIII в. на территории Черниговского княжества административно-государственные образования, а также их правители признавали сюзеренитет Монгольской империи и наследовавшего ей в Восточной Европе Улуса Джучи над Русью; князья в качестве правителей согласовывались и утверждались (в своих границах и на своих столах соответственно) монгольской администрацией на правах вассалов; новообразованные княжества признавались своими соседями продолжателями прежней черниговской государственной традиции; князья, правившие в рассматриваемых княжествах, входили и являлись составной частью относительно единой родовой княжеской корпорации, возводимой к черниговскому княжескому дому; во главе черниговской княжеской родовой корпорации во второй половине XIII в. находились брянско-черниговские (брянские и черниговские) князья, соединявшие в себе династическую легитимность и политическое старшинство.

При отсутствии либо недостаточности информации о формировании и деятельности каждого отдельного княжества рассматриваемого региона во второй половине XIII в., представляется весьма перспективным осуществить изучение и анализ деятельности ближайшей к ним на иерархической шкале таксонометрической единицы более высокого ранга. В нашем случае такого рода единицей может выступать упомянутая ранее северо-черниговская княжеская корпорация, результаты деятельности которой письменная история до нас донесла в несколько лучшей сохранности. Чётким маркером её активности, без сомнения, следует полагать находившихся во главе указанного объединения брянско-черниговских князей, являвшихся для неё и неформальными лидерами, и формальными руководителями.

Применение изложенного приёма позволяет построить логически непротиворечивую модель политической, военной и административной активности интересующей нас группы наследников древнего Черниговского княжения во второй половине XIII в. В то же время, её использование возможно лишь при

постоянном учёте высокой степени вероятности различных флуктуаций, порождённых индивидуальными характеристиками акторов, либо следствием различных внешних воздействий (к примеру, влиянию стороннего агрессора, активности различных внутриордынских партий и группировок и т.п.).

Взятие Чернигова штурмом в 1239 г. и фактический перенос столицы княжества в Брянск стали началом череды принципиально важных событий. Параллельно «большому переезду» на новое место нахождения главного стола шли процессы формирования новых княжеств, первоначально считавшихся неотъемлемой составной частью большого Черниговского. Без большого риска ошибиться, можно утверждать, что в южной части прежнего большого княжества, на основе прежнего административного деления, возникли меньшие по размерам и статусу Курское, Рыльское, Воргольское и Липовецкое, формально сохранилось и резко сократившееся в размерах и статусе локальное княжение в самом Чернигове; на северо-западе – Брянское (фактический преемник прежней столицы); на северо-востоке – Козельско-Карачевское, Глуховско-Новосильское и Тарусско-Оболенское (будущие верховские). Новосильское княжество первоначально возникло в качестве удалённой территории южного Глуховского княжества, быстро ставшего Новосильским и Глуховским, а затем – просто Новосильским. Лишь северо-восток в определённой мере сохранил свои прежние «столицы»: в списке новых центров отсутствуют Новгород-Северский, Вщиж, Сновск, Стародуб, Трубчевск (хотя два последних упоминались в титулах князей). После обособления довольно быстро (уже в первые десятилетия XIV в.) исчезают Курск, Рыльск, Путивль, Воргол, Липовецкое княжество. В то же время Брянск, Карачев, Новосиль и Таруса (и многие другие верхнеокские города) избежали уничтожения, а предположительно сожжённый Козельск был поразительно быстро восстановлен.

Пока старший представитель черниговского рода правил в крупнейшем городе, ситуация для новых князей и княжеств в очень малой степени отличалась от прежнего положения, за исключением того обстоятельства, что их высший сюзерен отныне находился вне Руси, принадлежал к иной культурно-этнической традиции и не имел родственных связей с обширным кланом Рюриковичей.

Традиционные генеалогические древа возводят все княжеские династии Верховского (верхнеокского) региона к сыновьям канонизированного впоследствии православной церковью Михаила Черниговского: «Того же великого князя Михаила Черниговского сынове: князь великий Роман Черниговский...; вторый сын Мстислав Карачевской и Звенигородский; третей сын Семион Глуховской и Новосилской; четвертой сын Юрии Брянской и Тороуской» [35, с. 214–215]. Примерно ту же (хотя и более развернутую) информацию дают поминальные списки предков (синодики, помянники) [15, с. 190].

Принадлежность новых властителей к черниговской династии их современниками сомнению не подвергалась, что подтверждает их легитимность. В то же время конкретные подтверждения достоверности информации позднейших родословцев отсутствуют. В частности, относящаяся к XV в. Ермолинская летопись под 1246 г. сообщает о сыновьях, внуках и последующих потомках Михаила Черниговского: «...князь великий Романъ Черниговский, бездетень... вторый сынъ Мстиславъ Карачевской и Звенигородский; третей сынъ Семион Глуховской и Новосилской; четвертой сынъ Юрии Брянской

и Торуской. У Юрия сынъ болшой Константинъ, а у Константина болшой Иванъ, у Ивана первое Никита, другое Василей. Мстислава Корачевскаго сынове: Титъ, вторыи Ондrejaнъ Звенигородской. Титове сынове: Святославъ Олгердовъ зять; вторыи Иванъ Козелской. Ондrejaновъ сынъ Звенигородскаго Федоръ; Федоровъ сынъ Олександръ; Александровы сынове Глебъ да Иванъ; Глебове сынове Василей да Иванъ да Федоръ; Ивана Олександровича сынове Звенець да Ноздроватои» [34, с. 81–82]. Позднюю датировку вставки выдаёт перечисление дальних потомков черниговского князя и деталей их жизни («Олгердовъ зять»), а также витиеватая титулатура самого Михаила Всеволодовича, которая намекает на конец XIV в., когда многократно возросло почитание этого князя, пострадавшего за православную веру [34, с. 81].

Поздние исследования указывают на большую вероятность значительно более сложной схемы наследования из-за того, что ни один из основателей новых династических линий не мог быть родным сыном Михаила Всеволодовича: кто-то по причинам излишне близкородственного брака в случае прямого родства, кто-то – в силу чрезмерно большого хронологического разрыва между моментом своего рождения и деятельностью будущего святого, а также ряда иных обстоятельств [3]. Основоположниками новых династических линий были, вероятнее всего, представители черниговской династии, относившиеся к боковым её ветвям, имевшие, в случае обычного развития ситуации, не очень высокие шансы на основание собственных наследуемых столов. Иная информация хроник и родословцев легко объясняется стремлением повысить престиж и статусность здравствующих представителей фамилии.

Бесспорно, что Монгольская империя XIII века кардинально отличалась от своих позднейших формальных приемников в виде кочевых орд и оседлых ханств. В отношении северо-восточных волостей Черниговского княжества, ставших основой возникновения княжеств верховских, необходимо уточнить ряд моментов, связанных с ходом региональных военно-политических процессов.

В настоящее время проработаны различные виды периодизации русско-ордынских отношений. В нашем случае наиболее актуальной представляется периодизация, основанная на определении уровней самостоятельности русских княжеств и степени контроля со стороны ордынских властей, разработанная Ю.В. Селезнёвым, где с 1223 по 1480 гг., по изменению степени суверенитета и юрисдикции ордынского хана, выделяется семь периодов ордынского ига на Руси [43, с. 15]. В первые десятилетия (время завоевания, для рассматриваемой территории фактически с 1237 по 1242 гг., а затем оформление вассально-зависимости 1242–1245 гг.) явно прослеживается преобладание военно-политической компоненты, обусловленной полным военным поражением русских княжеств и необходимостью адаптации Руси к новым административно-политическим условиям. Взятие и разгром Чернигова в 1239 г. и последовавшая впоследствии в сентябре 1245 г. беспрецедентная казнь прежнего черниговского владельца Михаила Всеволодовича стали важнейшими рубежами, обозначившими полное исчезновение прежних порядков [40, с. 187].

После перехода статуса верховного сюзерена русских княжеств к монгольским (а затем и ордынским) ханам, полное правовое оформление сопровождалось особой процедурой: обязательной поездкой князя в ставку хана, с

последующим ритуальным собеседованием и получением соответствующего документа (ярлыка). Титул русского князя в XIII в. точно соответствовал монгольскому нойону – высшему уровню служилой знати, не относимой к чингизидам. Русские великие князья соотносились с эке нойонами (старшими/великими эмирами), князья более низкого уровня (удельные) – с обычными нойонами (эмирами) [43, с. 125–125]. Указанный статус имел ряд интересных особенностей, среди которых следует упомянуть две, важные именно для русской высшей знати. Первая – весьма красноречивый параллелизм (почти совпадение) родового характера правления и передачи должностей в первоначальной Монгольской империи, воспринятого Улусом Джучи, и родового же в своей основе лестничного права наследования, принятого у Рюриковичей на Руси. Вторая – необходимость личного представления хану (в крайнем случае – уполномоченному им лицу) и личного же получения ярлыка, подтверждающего право на управление княжеством, что вело к необходимости обязательного посещения ставки.

Первая особенность позволяет понять относительную лёгкость принятия русской знатью новых административных порядков, привнесённых Ордой в управленческий обычай Руси (в сочетании с военной победой, указующей, согласно воззрениям того времени, на реализацию подобным образом божественного промысла).

Вторая отмеченная особенность определяет, что каждый русский князь во второй половине XIII в. лишь после визита в ставку хана, личной аудиенции и получения ярлыка становился легитимным правителем наследных земель. Отказ прибыть в ставку хана (или его замена своим родственником либо представителем) вызывал передачу ярлыка на правление иному претенденту. Подобный прецедент наблюдался в государстве Сельджуков (также бывших частью Улуса Джучи), когда ярлык на правление в султанате был выдан лично прибывшему на курултай брату султана, из-за чего позднее (с 1249 г. по 1254 г.) на троне в Конье одновременно находились три конкурирующих брата-султана [16, с. 259–260].

Многозначность слова «ярлык» в позднейших версиях русского языка всегда добавляла излишнюю эмоциональную окраску характеристикам данного исторического явления. «Советская историческая энциклопедия» определяет, что ярлыки ханские «...являлись иммунитетными льготными грамотами, дававшимися ханами Золотой Орды... подвластным им светским и духовным феодалам. Я.х. утверждали русских князей на столах их княжеств» [46, стб. 977]. И, следовательно, выступали в качестве юридически значительно более развитого варианта традиционной европейской феодальной инвеституры.

События, связанные с казнью Михаила Всеволодовича, достаточно хорошо описаны в источниках, дошедших до наших дней [29]. В свете изложенного, наиболее вероятным условием прихода беглого князя в ставку Бату представляется предварительное заключение некоего соглашения, направленного на избежание смены правящей династии и возникновения кризиса легитимности: эта явка, вероятно, была условием сохранения черниговских земель под властью черниговского княжеского рода. Тогда и казнь князя выглядит как *персональная казнь непослушного вассала* при общем нейтралитете либо подразумеваемой лояльности остальных потомков черниговских

Ольговичей [40, с. 191–198]. По всей видимости, именно введение конфликтной ситуации в рамки стандартного феодального решения удержало рассматриваемые черниговские (а в их составе и верхнеокские) территории от последующей дезинтеграции. Этим был, по сути, значительно облегчен процесс включения элементов существовавших на Руси управленческих норм в качестве составных частей общеимперской административной лестницы методами их частичного инкорпорирования и целенаправленной адаптации на основе уже сложившейся внутри империи управленческой системы.

Для локального властного уровня глобальные изменения оказались не принципиальными: на местном столе сидел законный князь, а вопрос адреса выполнения «налоговых обязательств» был для подавляющего большинства населения непринципиален. Ситуация падения главного организующего центра (в данном случае – Чернигова) была смягчена достаточно плавным переходом локально-столичных функций к Брянску, а функций имперско-столичных – в далёкий Карокорум, а фактически – в более близкий Сарай. Вновь заметно возросло значение транспортно-географических особенностей местной речной сети и иных торговых маршрутов, как и в вятичские времена, во многом переориентировавшихся на Восток.

Понимание порядка передачи властных полномочий путём передачи ханом ярлыка позволяет достаточно чётко идентифицировать первого легального князя, прошедшего процедуру инвеституры на владение Черниговским княжеством – Романа Михайловича (Старого). Об этом свидетельствует упоминание о встрече с князем Романом, который «...въезжал в землю Татар и его товарищей» (вероятно – княжеская свита) в 1246 г. [28, с. 62]. Наличие свиты является признаком подготовки к проведению церемониала личной передачи ярлыка из рук сюзерена.

Вопрос о черниговском княжении как великом в тот период (в противопоставлении великому князю киевскому Александру Ярославичу и великому князю владимирскому Андрею Ярославичу) является дискуссионным. Существует мнение, что новая ветвь Ольговичей приняла «титул великих князей... подчеркивая, очевидно, свою независимость от великих князей владимирских и королей Руси (галицко-волинских обладателей), а также особые отношения с Золотой Ордой, прямыми вассалами которого они стали после гибели Михаила Всеволодовича» [56, с. 419]. В то же время личный вассалитет князя черниговско-брянского непосредственно хану, полученный, вероятно, хронологически ранее передачи ярлыков на княжение владимирским Ярославичам, говорит о высокой вероятности наличия у него столь высокого статуса.

Управленческая вертикаль русских княжеств была четко вписана в административную структуру Улуса Джучи. Русские княжества соответствовали улусам: великое – тьмам (тумен-улусам), прочие – обычным улусам-тысячам [42, с. 84]. Термины «улус» относительно княжества и «улусник» в отношении князя были устоявшимися и держались в административном применении ещё очень долго [32, с. 84].

В связи с включением князей всех уровней в качестве составной части управленческого аппарата Монгольской империи, их участие в организации и проведении общеимперских мероприятий стало обязательным. В этой связи являлись обязательными и поездки представителей черниговской династии в

ставку хана для осуществления инвеституры на наследственный стол. Известны оптимальные сезоны визитов – зима, лето или осень (кроме весны). Лето – время участия в очередном ежегодном курултае, открывавшим вторую половину года. Зимний сезон также был завязан на новогодние праздники (аналогичных летним мероприятиям) и решение срочно возникших безотлагательных дел (подобных утверждению преемника почившего великого князя). Осень преимущественно стала временем решения тех или иных судебных вопросов [43, с. 190].

Путешествие в ставку хана (в случае её расположения в Улусе Джучи) хронологически занимало не менее полугода [43, с. 182]. Учитывая не всегда имевшуюся возможность быстрого получения аудиенции правителя и, зачастую, необходимость предварительного «утрясания» положительного решения стоявшего административно-кадрового вопроса с двором и свитой, такого рода поездка могла протекать и значительно больший период времени.

Каждый из легальных и признанных князей при вступлении на стол в обязательном порядке посещал ставку хана. Основной проблемой точных датировок княжеских «инициирующих путешествий» до настоящего времени является отсутствие точного списка реально правивших князей черниговского дома во второй половине XIII в. и дат их правления. И если князья брянско-черниговские, как старшие в роду, нам известны, то даже перечень достоверно существовавших князей верхнеокских княжеств представляет затруднение по причинам, упомянутым ранее. Информация о наиболее значимых владетелях Карачевского, Тарусского и Новосильского княжества во второй половине XIII в. не полна и не точна: приводимые даты правления и жизни, к сожалению, до настоящего времени спорны.

Князья Карачевские – Мстислав Михайлович (правил Карачевским княжеством с 1246 по 1280 гг.) и Святослав Мстиславич (убит в 1310 г.). Есть также информация о правившем козельским уделом князе Тите Мстиславиче [56, с. 419, 422].

Князья Глуховские и Новосильские – Семён Михайлович (с 1246 – дата смерти неизвестна) и Александр Семёнович (казнен в Орде, вероятно, вместе с сыном Семёном в 1326 г.) [56, с. 422, 426].

Князья Тарусские и Оболенские – Всеволод Юрьевич (Орехва) Тарусский, Константин Юрьевич Оболенский, Михаил Юрьевич Мышецкий и Иван Юрьевич (Меньший Толстая Голова) Волконский (все – вторая половина XIII – начало XIV вв.) [56, с. 423–424].

По всей видимости, все первые правители перечисленных княжеств участвовали в посольстве брянско-черниговского князя Романа, упомянутого в «Истории монголов» де Плано Карпини. Инвеститура столь высокого уровня должна была подчеркивать особый статус князей, принимавших в ней участие, и быть дополнительной защитой для их столов и земель. Последующие же правители в обязательном порядке должны были получать собственные ярлыки в ханской ставке, чтобы избежать фактического отстранения от стола [16, с. 259–260].

Первыми крупномасштабными мероприятиями невоенного характера, осуществленными создаваемым управленческим аппаратом на территории Руси, было проведение переписей населения для формирования (используя современную терминологию) информационной базы о наличии различных

видов податного населения на контролируемых территориях. Проведение столь масштабных и важных мероприятий в обязательном порядке должно было сопровождаться предварительным сбором и инструктажем управленческого аппарата, в том числе всех русских князей.

Имеются сообщения о, как минимум, трёх общерусских переписях, проведенных соответственно в 1245/46, 1257 и 1273 гг. О первой повествует летописное сообщение новгородской летописи о судьбе черниговского населения: «инеи же бежаша в далнюю страну, а иanei крыяхуся в пещерах и в лесехъ... тех же не по колецех временех осадisha в градах, и сочтоша я в число, и начаша на них дань имати» [27, с. 298]. По версии цитированной летописи, именно эти события подвигли князя Михаила Всеволодовича к возвращению на родную землю. Упоминание похожих событий имеется у Плано Карпини: «... В бытность нашу в Руси, был прислан туда один Сарацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Батыя. И этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного... Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый... платил... дань... » [28, с. 33].

Перепись 1245 г., по всей видимости, была одной из причин (наряду с определением внутриимперского статуса, подтверждением вассалитета и инвестициями) большого съезда русских князей в ставке Батыя [43, с. 202]. Этот съезд формально завершил установление монгольского господства над русскими княжествами и закрепил местные столы за конкретными родами.

Опубликованы сообщения восточных источников, что в «...год гуй-чой (1253 г.) было внесение в реестр числа дворов и совершеннолетних тяглых у русских и асов» [17, с. 208]. Мероприятие это, по всей видимости, носило общеимперский характер, так как согласно официальной хронике династии Юань «Юань ши» примерно тогда же была организована и проведена «регистрация простого народа в ханьских землях» [17, с. 190]. Неясна локализация и всеобщность характера прошедшей переписи, вызывает сомнение и завершенность упомянутых действий.

Дата второй переписи – 1257 г. – подтверждена данными из северо-восточных княжеств: «Въ лето 6765 поехаша князи въ Татары... Тоя же зимы приехаша численици и исчетоша всю землю... В лето 6766 поехаша князи въ Татары... Тоя же зимы приехаша численици въ Владимиръ; и поехаша численики и князи чести Новгорода... и щетше Александръ же удержа Новгородци, и щетоша и много» [33, с. 71]. Несложно заметить тесную связь предварительного съезда (курултая) князей (русских нойонов – «улусников») перед проведением переписи.

Известен факт передачи права сбора дани откупщикам-бесерменам. Термин «бесермен» («бесурмен») известен летописцам достаточно давно, возможно, даже с домонгольских времен и означает преимущественно «мусульманин», а иногда – волжских (камских) булгар [38]. Успешность данной операции, учитывая количество и ожесточенность протестных выступлений, подлежит большому сомнению, поскольку негативные последствия передачи сбора проявились довольно быстро: «В лето [1262]...люди Ростовския земля... изволиша вещь и выгнаш из городовъ. из Ростова. изъ Володимеря. ис Суждаля изъ Ярославля. окупаху бо ти Оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть. работяще резы и многы д[у]ши кр[ес]-

тынянския разно ведоша» [29, стб. 476]. Третья перепись 1273 г. стала завершающей в череде статистических исследований, предпринятых ордынскими властями для организации соразмерного обложения населения.

Ни одного указания на бунт против «царской», т. е. ханской власти на рассматриваемой нами северочерниговской территории не было зафиксировано, хотя летописцы сообщают о городских восстаниях и недовольстве населения в разные годы в Новгороде, Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле [29, стб. 476, 526, 530]. Отсутствие упоминаний о ходе процесса на постчерниговских землях, по всей видимости, говорит об отсутствии эксцессов, заставивших фиксировать нарушения, либо об относительно небольших масштабах гипотетических инцидентов.

В случае северочерниговских княжеств, их относительно малая величина и традиционная (ещё с вятичских времен) закрытость крестьянских общин, по всей видимости, позволяла минимизировать личные княжеские потери от проведения точного учета численности населения в ходе переписей и введения регулярного налогообложения. Кроме того, рассматриваемый регион в предшествующие времена отличался неплохим уровнем развития ремесел и распространенностью промыслов, что давало определенные преимущества в условиях привязки системы налогообложения преимущественно к земледельческой деятельности.

Внешнеполитическая деятельность брянского князя и Брянско-Черниговского княжества (а следовательно, и деятельность «меньших» князей региона) во второй половине XIII в. может быть сведена к двум важнейшим процессам – оборона от внешних территориальных и политических претензий (в первую очередь, Смоленска и Литвы) и координация действий с новым ордынским сюзереном.

Летописи фиксируют в 1257/8, 1263, 1264 гг. военную активность Литвы, направленную, в том числе, на черниговско-брянские земли: «...иже велико оубиство творяше земле Черниговської», «послалъ бяшетъ Миндовгъ. всю свою силоу. за Днепръ. на Романа на Брянского князя...», «...ратъ приде Литовская. на Романа. он же бися с ними и победи я... и приеха во Брянскъ с победою» [30, стб. 840, 860, 862]. Количество столкновений меньшего масштаба нам не известно. В этих условиях обращение к военной силе Орды выглядело не просто оправданным, но, по сути, необходимым.

Логичным следствием необходимости выполнять обязательства сюзерена по защите законопослушных вассалов (а среди пострадавших от литовских набегов был не только Брянск и подчинённые черниговские земли, но и прочие русские княжества, граничившие с Литвой) стал поход 1257–58 гг. на Литву полков татарских во главе с Бурундаем [22; 30, стб. 849–862; 45, с. 41]. Долг хана-сюзерена был выполнен, хотя литовская угроза для брянско-черниговских земель и не была в полной мере ликвидирована. Последовавшие затем походы ордынских войск в Малую Польшу носили, по всей видимости, превентивное значение.

Брянские князья черниговского дома во второй половине XIII в. ещё несколько раз отмечаются в качестве участников батальных и политических событий. В частности, князь Роман и его сын Олег упоминаются под 1274 г., когда, после просьбы Льва Галицкого, хан Менгу Тимур направил против «забывшего любовь Львову» литовского князя Тройдена «...Ягураина с ними

воеводу, и заднепръския князи все да ему в помощь, Романа дебрянского и съ сыномъ Олгомъ, и Глеба князя смоленского, инехъ князей много...» [6, с. 147]. В этой связи существующие предположения о гипотетическом русско-литовском союзе против Орды выглядят несколько необоснованными ввиду довольно частых резких взаимных переходов литовских и русских владетелей от «любви» к войне (даже против прежних союзников, что наглядно проявилось после убийства князя Войшелка). Олег Романович в этом походе отличился личной доблестью: «...тъкмо Олегъ, сынъ Романовъ, притягль, пришелъ бо бяше напередъ с татары...» [6, с. 147]. Во время возвращения из похода были разорены местности возле Курска: «... около Курска ...и всюды и вси дворы, кто чего отбежалъ, то все пограбиша погании...» [34, с. 74]. Неясно, чем мог быть вызван подобный эксцесс со стороны войск сарайского хана, возможно, какую-то роль сыграла активизация в южных княжествах чингизидов (правнука Джучи) беклярибека Ногая.

Летописи под 1285 г. упоминают поход князя Романа Брянского на Смоленск: «...Романъ князь Брянскый приходилъ ратью к Смоленску и позже пригород и отиде в своя си» [29, стб. 482]. Масштабная военная операция одного из легитимных правителей против другого легитимного правителя была, в условиях имперского контроля, возможна при наличии прямого поручения своего сюзерена либо при нелегитимности атакуемого. Наиболее правдоподобно выглядит предположение о наличии различных сюзеренов у конфликтующих сторон из-за активности Ногая, полагавшего своими вассалами всех русских князей запада и юго-запада, в том числе и брянско-черниговских.

По всей видимости, именно принадлежность к проигравшей группировке Ногая стала причиной стремительной замены в последнем десятилетии XIII в. брянско-черниговских правителей из черниговских Ольговичей на смоленских Ростиславичей в лице князя Василия Александровича. Рукописные святцы упоминают, что князь Олег Романович принял смерть, прибывая в монашеском постриге [15, с. 84–85]. Столь быстрое разочарование в светской жизни доблестного князя (о чем говорилось выше) и довольно длительное пребывание в монашестве (что говорит о крепости здоровья) наводят на мысль о присутствии в качестве важного фактора для принятия подобного решения в виде воли ордынского правителя.

Подобная замена могла быть санкционирована только самим ханом. Вероятно, брянские князья (со всеми родственниками черниговского рода) выглядели излишне верными Ногаю, который, вступив в принципиальный конфликт с возведённым им же самим на ханский трон троюродным племянником Тохтой, потерпел полное поражение [37, с. 87–90]. Ярлык на брянский стол был передан представителям смоленской династии, в тот момент хорошо известным в ставке победившего хана.

Существует гипотеза, что дочь Олега Романовича Брянского была женой одного из смоленских князей, что давало его внукам, относившимся к династии смоленской, некие права на брянско-черниговский стол [8, с. 78–79]. У смоленских князей уже был удачный опыт наследования правящего стола по женской линии (речь идет о женитьбе Федора Ростиславича на дочери ярославского князя Василия Всеволодовича, ставшей поводом для принятия им ярославского княжения) около 1276 г.: «...сему бывшу поятя ю за себя...и того ради достася ему великое княжение Ярославское» [31, с. 154]. Хронологически

эти эпизоды русской истории очень близки и могут быть связаны между собой, хотя точная дата перехода брянско-черниговского стола к смоленской династии до настоящего времени неизвестна. Переписка рижского епископа со смоленским князем, которая упоминает о брянском князе из смоленской династии, даёт широкую датировку – последние десятилетия XIII в. [10, гр. III].

Кроме того, родство с чингизидами (Федор Ростиславич был женат на дочери хана, предположительно, Менгу-Тимура) ставило действующего смоленского князя и его племянника-регента Александра Глебовича (в период нахождения дяди в Орде) значительно более выше, чем других русских князей [41]. Потому и утверждение его внучатого племянника брянско-черниговским князем на столе, занятом ранее клиентами конкурирующего чингизиды Ногай, могло выглядеть для хана предпочтительнее.

Формальным поводом передачи ярлыка мог быть также отказ действующего правителя от явки к хану. Имея информацию о недоброжелателях и негативном отношении к нему лично, князь Олег Брянский, который ранее ориентировался на партию беклярибека Ногай, вполне мог предпочесть суровый монашеский постриг вероятной смерти.

Не вполне ясен вопрос существования иных формальных аргументов передачи прав на стол при наличии иных непрямых наследников в виде нескольких верхнеокских Ольговичей, для которых брянский стол не был «чужой отчиной». Столь же непрозрачен и вопрос противоположный – о причинах сохранения столов в остальных постчерниговских княжествах за их наследниками: почему смоленские князья были жалованы подчинением только Брянска. Можно предполагать высокую вероятность наличия у верхнеокских (верховских) князей собственных каналов коммуникации с ханской ставкой, позволивших получить отдельные от Брянска ярлыки на княжение. У хана, скорее всего, отсутствовали причины к изъятию ранее полученных *от него самого* ярлыков. Может быть, свою роль сыграло сложное сочетание всех выше перечисленные факторов.

На территории северных черниговских земель в конце XIII в. сложилась уникальная для Руси ситуация, когда центральный стол княжества был занят представителями одного рода, тяготевшего к соседним землям, столы же для него традиционно зависимые остались в руках правителей, относившихся к прежнему роду. Легитимность всех подтверждалась законными ордынскими ярлыками. В этих условиях началось постепенное политическое и административное обособление верхнеокских княжеств, территориально располагавшихся на том же важном транспортно-географическом узле (пересечение путей по Дону, Оке, Десне, Западной Двине и т.д.), что и предшествовавшая им Земля вятичей [25].

Широкий анализ обстановки, сложившей в северной части Черниговского княжества во второй половине XIII в., показывает, что основной причиной большинства изменений, произошедших на этих территориях, стало монгольское завоевание и последовавшее за ним встраивание местной территориально-управленческой структуры в иерархическую систему Монгольской империи на правах широкого вассалитета. Брянский князь, приняв титул князя черниговского (несмотря на то, что в самом городе Чернигове остался собственный правитель, уже не игравший значительной политической роли), выступал, по сути, в качестве лидера корпорации князей-наследников черниговского династического дома и выражал его консолидированную позицию.

Основным внешнеполитическим сюжетом событий на севере черниговских земель было отражение литовской агрессии с участием и по поручению руководства Золотой Орды (Улуса Джучи), а также притязания смоленских князей, неизменно оказывавшихся на стороне, противостоявшей брянско-черниговским князьям. Положение в последние десятилетия XIII в. было осложнено фактическим двоевластием в самом Улусе Джучи, что привело к серии внутренних военных и политических конфликтов различной интенсивности. Потеря в последнем десятилетии XIII в. черниговским родом старшего стола в Брянске и переход его к смоленским Рюриковичам (роду Ростиславичей) стала прямым следствием этого внутриордынского конфликта.

Вероятное принятие князьями прямого вассалитета в отношении ордынского хана привело к закреплению жалованных территорий за локальными субродами и создало легитимные предпосылки последующей дезинтеграции формально единой территории. Специфическим следствием особенностей ордынской инвеституры стало сохранение младших столов в большинстве верхнеокских княжеств за местными правителями черниговской династии. Таким образом, к концу столетия на севере черниговских земель произошло их деление на управляемые смоленскими князьями (собственно Брянское княжество) и прочие, управляемые князьями из черниговской династии. В результате, на северных территориях Черниговского княжества в конце XIII в. в бассейне Верхней Оки была заложена правовая основа для возникновения впоследствии группы суверенных административно-политических формирований, получивших в российской истории название Верховских княжеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березин И.Н.* Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш хана к Ягайлу. Казань: Издан князем М.А.Оболенским, 1850. 160 с.
2. *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева / Соч. И.Н. Березина. Санкт-Петербург: Тип. имп. акад. наук, 1863.
3. *Беспалов Р.А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2011. Вып. 13. С. 73–81.
4. *Беспалов Р.А.* К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества» // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 12. Брянск: РИО БГУ, 2010. С. 15–61.
5. *Беспалов Р.А.* Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI веков // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения / Отв. редактор А.А. Горский. М.: Индрик, 2014. С. 257–326.
6. Галицко-Волынская Летопись. Текст. Комментарий. Исследование / сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин под ред. Н.Ф. Котляра. СПб.: Алетей, 2005. 424 с.
7. *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М.: Издательский центр института российской истории РАН, 1996. 128 с.
8. *Горский А.А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // Средневековая Русь: [сб.ст.] / редкол.: А.А.Горский (отв.ред.) [и др.]; Рос. акад. Наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996.
9. *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.

10. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб., 1857.
11. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
12. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
13. Зимин А.А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 28–40.
14. Зимин А.А. Народные движения 20-х гг. XIV века и ликвидации системы баскачества // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1952. Т. IX., №1. С. 61–65.
15. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб.: Тип-я бр.Пантелеевых, 1892. 374 с.
16. Запорожец В.М. Сельджуки. М.: Воениздат, 2011. 295 с.
17. Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. Сост. Р.П. Храпачевский. М.: 2009. 336 с.
18. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1–3. М., 1988–1989.
19. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1968. 264 с.
20. Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М.: Просвещение, 1966. 135 с.
21. Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб.: Тип-я А. Траншеля, 1872.
22. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с.
23. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв./ А.В. Лаврентьев. М.: Квадрига, 2011. 256 с.
24. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М.: Университетская типография, 1892. 994 с.
25. Майоров А.А. «Верховская историко-географическая провинция»: территориальная локализация и правомерность использования понятия // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 2 (154). С. 67–75.
26. Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 178 с.
27. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.
28. Плано Карпини, Иоанн де. История Монгалов. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1911. 232 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Изд-е 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 540 с.
30. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд-е 2-е. С-Пб.: Тип-я М.А. Александрова, 1908. 574 с.
31. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я МВД, 1885. 248 с.
32. ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я И.Н. Скороходова, 1897. 258 с.
33. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А. Александрова, 1913. 320 с.

34. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб.: Тип-я М.А. Александрова, 1910. 240 с.
35. ПСРЛ Т. 28 Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1963. 411 с.
36. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Ред. И.М. Мергалеев. Казань: ФЭн, 2009. 260 с.
37. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.
38. *Рудаков В.Н.* О значении термина «бесермене» в русских источниках второй половины XIII–XVI вв. // Вестник славянских культур. №3 (XXIX) 2013. М. С. 19–24.
39. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // Учёные записки Мордовского государственного университета. Вып. XI. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 276 с.
40. *Селезнёв Ю.В.* Картины ордынского ига. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 437 с.
41. *Селезнев Ю.В.* К вопросу о хронологии пребывания в Орде Фёдора Ярославского // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто (Москва, 18–20 апреля 2012 г.). Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 225–230.
42. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж. Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 474 с.
43. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в политической системе Джучиева улуса (Орды). Дис. ... д.и.н. Воронеж, 2014. 595 с.
44. *Селезнев Ю.В.* Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV веков. Справочник. М.: Квадрига, 2010. 224 с.
45. *Селезнёв Ю.В.* Элита Золотой Орды. Казань: Изд-во «ФЭн» АН РТ, 2009. 232 с.
46. Советская историческая энциклопедия. Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 16. М.: «Сов. Энциклопедия», 1975.
47. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Книга первая. Т. I–IV. 2-е издание. СПб.: тип-я Тов-ва «Общественная польза», 1851.
48. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип-я Императорской академии наук, 1884. 564 с.
49. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М.: Наука. «Восточная литература», 1993. 168 с.
50. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.
51. *Устрялов Н.Г.* О Литовском княжестве. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.
52. *Устрялов Н.* Русская история. Изд-е 2-е, исправленное. Ч. 1. Древняя история. СПб.: Тип-я экспедиции заготовления гос. Бумаг, 1839. 360 с.
53. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Московский университет, 1973. 181 с.
54. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соц-экиз, 1960. 901 с.
55. *Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. 364 с.
56. *Войтович Л.* Княжа доба на Русі: портрети еліти [Текст] / Л.В. Войтович; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Львівський національний ун-т ім. І. Франка. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 782 с. (на укр. яз.).

Сведения об авторе: Майоров Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры» (302502 ул. Лескова, 15, Орел, Российская Федерация). E-mail: aamajorov@rambler.ru

Поступила 15.12.2018 Принята к публикации 04.03.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Berezin I.N. *Khanskies yarlyki. I. Yarlyk Tokhtamysh khana k Yagaylu* [Khan's yarliks. I. Tokhtamysh Khan's yarlyk granted to Jagiello]. Kazan, knyaz M.A. Obolenskiy Publ., 1850. 160 p. (In Russian)
2. Berezin I.N. *Ocherk vnutrennego ustroystva ulusa Dzhuchieva* [Essay on the internal structure of the Jochid ulus]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1863. (In Russian)
3. Bepalov R.A. «Novoe potomstvo» knyazya Mikhaila Chernigovskogo po istochnikam XVI–XVII vekov (k postanovke problemy) [The “new offspring” of Prince Mikhail of Chernigov according to the sources of the 16th and 17th centuries (to the statement of the problem)]. *Problemy slavyanovedeniya. Sb. nauchnykh statey i materialov* [Problems of Slavic studies. Collection of research articles and materials]. Vol. 13. Bryansk, Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, pp. 73–81. (In Russian)
4. Bepalov R.A. K voprosu o terminakh «verkhovskie knyaz'ya» i «Verkhovskie knyazhestva» [To the question of the terms “Verkhovskye princes” and “Verkhovskye principdoms”]. *Problemy slavyanovedeniya. Sb. nauchnykh statey i materialov* [Problems of Slavic studies. Collection of research articles and materials]. Vol. 12. Bryansk, Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, pp. 15–61. (In Russian)
5. Bepalov R.A. Novosil'sko-Odoevskoe knyazhestvo i Orda v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Evrope XIV – nachala XVI vekov [Novosil'sko-Odoevskoye principality and the Horde in the context of international relations in Eastern Europe during the 14th – the beginning of the 16th centuries]. *Srednevekovaya Rus'*. Is. 11. *Problemy politicheskoy istorii i istochnikovedeniya* [Medieval Rus'. Vol. 11: Problems of political history and source study]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 257–326. (In Russian)
6. *Galitsko-Volynskaya Letopis'. Tekst. Kommentariy. Issledovanie* [The Galician-Volyn Chronicle. Text. Comments. Research]. St. Petersburg, Aleteyya, 2005. 424 p. (In Russian)
7. Gorskiy A.A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekakh. Puti politicheskogo razvitiya* [Russian lands in the 13th–14th centuries. Ways of political development]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 128 p. (In Russian)
8. Gorskiy A.A. Bryanskoe knyazhestvo v politicheskoy zhizni Vostochnoy Evropy (konets XIII – nachalo XV v.) [Bryansk principality in the political life of Eastern Europe (late 13th – early 15th century)]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Moscow, Rossiyskoe universitetskoe izdatel'stvo, 1996. (In Russian)
9. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 214 p. (In Russian)
10. *Gramoty, kasayushchiesya do snosheniy Severo-Zapadnoy Rossii s Rigoy i Ganzeyскими городami v XII, XIII i XIV veke* [Charters relating to the relations of North-West Russia with Riga and the Hanseatic cities in the 12th, 13th and 14th centuries]. St. Petersburg, 1857. (In Russian)
11. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 505 p. (In Russian)

12. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical geography of the Golden Horde during the 13th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 246 p. (In Russian)

13. Zimin A.A. Kratkoe i prostrannoe sobraniya khanskikh yarlykov, vydannykh russkim mitropolitam [Short and lengthy collections of khan's yarliks granted to the Russian metropolitans]. «*Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1961 g.*» [Yearbook of archeografia for 1961]. Moscow, 1962, pp. 28–40. (In Russian)

14. Zimin A.A. Narodnye dvizheniya 20-kh gg. XIV veka i likvidatsii sistemy baskachestva [Popular movements of the 1320s and the elimination of the basqaq system]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii.* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. A series of history and philosophy]. Vol. IX, no 1, 1952, pp. 61–65. (In Russian)

15. Zotov R.V. *O chernigovskikh knyaz'yakh po Lyubetskому sinodiku i o Chernigovskom knyazhestve v tatarskoe vremya* [About the Chernigov princes according to the Lubets synodic and Chernigov principedom during the Tatar time]. St. Petersburg, Tip. Br. Panteleevykh, 1892. 374 p. (In Russian)

16. Zaporozhets V.M. *Sel'dzhuki* [The Seljuks]. Moscow, Voenizdat, 2011. 295 p. (In Russian)

17. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in the Sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources]. Moscow, 2009. 336 p. (In Russian)

18. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. Book 1–3* [History of the Russian state]. Moscow, 1988–1989. (In Russian)

19. Kargalov V.V. *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi* [Foreign policy factors of feudal Rus' development]. Moscow, 1968. 264 p. (In Russian)

20. Kargalov V.V. *Mongolo-tatarskoe nashestvie na Rus'. XIII vek* [The Mongol-Tatar Invasion in Rus's. The Thirteenth century]. Moscow, Prosveshchenie, 1966. 135 p. (In Russian)

21. Kostomarov N. *Istoricheskie monografii i issledovaniya* [Historical monographs and studies]. Vol. 12. St. Petersburg, Tip. A. Transhelya, 1872. (In Russian)

22. Krom M.M. *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy trety XVI v.* [Between Rus' and Lithuania. Boundary lands in the system of Russian-Lithuanian relations of the end of the 15th – first third of the 16th century]. 2nd ed. Moscow, Kvadriga, 2010. 320 p. (In Russian)

23. Lavrent'ev A.V. *Posle Kulikovskoy bitvy: Ocherki istorii Oksko-Donskogo regiona v posledney chetverti XIV – pervoy chetverti XVI vv.* [After the Battle of Kulikovo: Essays on the history of the Oka-Don region in the last quarter of the 14th – first quarter of the 16th century]. Moscow, Kvadriga, 2011. 256 p. (In Russian)

24. Lyubavskiy M.K. *Oblastnoe delenie i mestnoe upravlenie Litovsko-russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo Litovskogo statuta* [Regional division and local government of the Lithuanian-Russian state by the time of publication of the first Lithuanian statute]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1892. 994 p. (In Russian)

25. Mayorov A.A. «Verkhovskaya istoriko-geograficheskaya provintsiya»: territorial'naya lokalizatsiya i pravomernost' ispol'zovaniya ponyatiya [“Verkhovskaya historical-geographical province”: territorial localization and legitimacy of the concept's use]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series “Humanities”]. Tambov, 2016, Vol. 21, no. 2 (154), pp. 67–75. (In Russian)

26. Nasonov A.N. *Mongoly i Rus' (istoriya tatarskoy politiki na Rusi)* [The Mongols and Rus' (the history of Tatar policy in Rus')]. Moscow–Leningrad, Akademii nauk SSSR publ., 1940. 178 p. (In Russian)

27. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod first chronicle according to the older and younger recensions]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 642 p. (In Russian)

28. *Plano Karpini, Ioann de. Istoriya Mongalov. Rubruk, Vil'gel'm de. Puteshestvie v vostochnye strany* [John of Plano Carpini. History of the Mongals. William of Rubruck. Travel to the eastern countries]. St. Petersburg, A.S. Suvorina Publ., 1911. 232 p. (In Russian)

29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. The Laurentian Chronicle]. 2nd ed. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1927. 540 p. (In Old Russian)

30. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Ipat'evskaja Chronicle]. 2nd ed. St. Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1908. 574 p. (In Old Russian)

31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 10. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete collection of Russian chronicles. Nikon's Chronicle]. St. Petersburg, Tip. MVD, 1885. 248 p. (In Old Russian)

32. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 11. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete collection of Russian chronicles. Chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's Chronicle]. St. Petersburg, Tip. I.N. Skorokhodova, 1897. 258 p. (In Old Russian)

33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 18. Simeonovskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Simeonovskaya Chronicle]. St. Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1913. 320 p. (In Old Russian)

34. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ermolinskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 23. Ermolinskaya chronicle]. St. Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1910. 240 p. (In Old Russian)

35. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 28. Letopisnyy svod 1497 g. Letopisnyy svod 1518 g. (Uvarovskaya letopis')* [Complete collection of Russian chronicles. Chronicle of the year 1497. Chronicle of the year 1518 (Uvarovskaya chronicle)]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1963. 411 p. (In Old Russian)

36. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ord'y* [The legal system of the Golden Horde]. Kazan, Fen Publ., 2009. 260 p. (In Russian)

37. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ord'y* [Tsars of the Horde. Biographies of the khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 464 p. (In Russian)

38. Rudakov V.N. O znachenii termina «besermene» v russkikh istochnikakh vtoroy poloviny XIII–XVI vv. [On the meaning of the term “besermen” in Russian sources of the second half of the 13th – 16th centuries]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. No 3 (XXIX), 2013, pp. 19–24. (In Russian)

39. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ord'y* [Disintegration of the Golden Horde]. *Uchenye zapiski Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. XI* [Scientific notes of the Mordovian State University. Vol. XI]. Saransk, Mordovskoe kn. Publ., 1960. 276 p. (In Russian)

40. Seleznev Yu.V. *Kartiny ordynskogo iga* [Pictures of the Horde's yoke]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2017. 437 p. (In Russian)

41. Seleznev Yu.V. K voprosu o khronologii prebyvaniya v Orde Fedora Yaroslavskogo [To the question of the chronology of the stay in the Horde of Fedor Yaroslavsky]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migratsii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza. XXIV Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto (Moskva, 18–20 aprelya 2012 g.). Materialy konferentsii* [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Migration, resettlement, war as factors of political genesis. The XXIV Reading of the memory of Corresponding Member of the USSR Academy of

Sciences V.T. Pashuto (Moscow, April 18–20, 2012). Conference proceedings]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2012, pp. 225–230. (In Russian)

42. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v sostave pravyashchey elity Dzhuchieva ulusa v XIII–XV vekakh* [Russian princes among the ruling elite of the Jochid ulus in the 13th–15th centuries]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe publ., 2013. 474 p. (In Russian)

43. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v politicheskoy sisteme Dzhuchieva ulusa (Ordy). Dis. d.i.n.* [Russian princes in the political system of the Jochid ulus (Horde). Ph.D. Thesis]. Voronezh, 2014. 595 p. (In Russian)

44. Seleznev Yu.V. *Russko-ordynskie voennye konflikty XIII–XV vekov. Spravochnik* [The Russian-Horde military conflicts of the 13th–15th centuries. Catalog]. Moscow, Kvadriga, 2010. 224 p. (In Russian)

45. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoy Ordy* [The Elite of the Golden Horde]. Kazan, Fen Publ., 2009. 232 p. (In Russian)

46. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Vol. 16. Moscow, “Sov. Entsiklopediya”, 1975. (In Russian)

47. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. Kniga pervaya* [History of Russia since ancient time. The First Book]. Vol. I–IV. 2nd ed. St. Petersburg, Tip-ya Tov-va “Obshchestvennaya pol'za”, 1851. (In Russian)

48. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Vol. I. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh.* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Extracts from the Arabic writings]. St. Petersburg, Tip-ya Imperatorskoy Akademii nauk, 1884. 564 p. (In Russian)

49. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.: problema istoricheskoy preemstvennosti* [The state structure of the Mongol Empire of the 13th century: the problem of historical continuity]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 168 p. (In Russian)

50. Trepavlov V.V. *Zolotaya Orda v XIV stoletii* [The Golden Horde in the 14th century]. Moscow, Kvadriga, 2010. 72 p. (In Russian)

51. Ustryalov N.G. *O Litovskom knyazhestve* [About the Lithuanian principality]. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1839. 42 p. (In Russian)

52. Ustryalov N. *Russkaya istoriya. Part I. Drevnyaya istoriya* [Russian history. Part 1: The Ancient history]. 2nd ed. St. Petersburg, Tip-ya ekspeditsii zagotovleniya gos. Bumag, 1839. 360 p. (In Russian)

53. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [The social system of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. 181 p. (In Russian)

54. Cherepnin L.V. *Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi* [Formation of the Russian centralized state in the 14th–15th centuries. Essays on the socio-economic and political history of Rus']. Moscow, Sotsekgiz, 1960. 901 p. (In Russian)

55. Shekov A.V. *Verkhovskie knyazhestva. Seredina XIII – seredina XVI v.* [The Verkhovskie princedoms. The middle of the 13th – the middle of the 14th century]. Moscow, Kvadriga, Russkaya panorama, 2012. 364 p. (In Russian)

56. Vojtovych L. *Knjazha doba na Rusi: portrety elity* [The Princely era on Rus': portraits of the elite]. Bila Cerква, Vydavec' Oleksandr Pshonkiv'skyj, 2006. 782 p. (In Ukrainian)

About the author: Anatoliy A. Mayorov – Cand. Sci. (History), Orel State Institute of Culture (15, Leskov Str., Orel 302020, Russian Federation). E-mail: aamayorov@rambler.ru

*Received December 15, 2018 Accepted for publication March 4, 2019
Published March 29, 2019*

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.77-89

«ТАТАРСКИЙ» ТОРГОВЫЙ ПУТЬ («VIA TATARICA») В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ XIII–XV вв.

Л.В. Воротынцев

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Елец, Российская Федерация

leonrus1245@mail.ru

Цель: исследование вопросов о времени возникновения «Татарского» торгового пути («Via Tatarica»), влияния внешних факторов и внутриполитических процессов в Улусе Джучи на становление и развитие данного торгового маршрута, а также выявление причин упадка и прекращения функционирования «Татарского пути».

Материалы исследования: путевые записки европейских дипломатов и путешественников Плано Карпини, Гильома Рубрука, Амброджио Контарини и Гильбера де Ланоя, «Практика торговли» Франческо Пеголотти, «Описание древней и Новой Польши» Станислава Сарницкого, «История Армении» Киракоса Гандзенаци, «История Вассафа» Шихаб ад-Дина, «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина, «Книга упорядочения стран» Абу-л-Фиды, Густынская летопись, нотариальные и административные акты Генуэзской республики.

Результаты и научная новизна: в статье впервые рассматривается вопрос о времени становления и этапах развития одного из транзитных торговых маршрутов Северо-Восточного Причерноморья, проходивших через земли Золотой Орды и Галицко-Волынского княжества в страны Восточной и Центральной Европы, получившего в западных источниках название «Татарского пути» («Via Tatarica»). Проблема датировки возникновения «Татарского пути» рассматривается в контексте военно-политических процессов, происходивших на территориях галицко-ордынского пограничья, а также отношений между Улусом Джучи и гос. Ильханов в 1240–1290-х гг. На основе анализа источников, автор приходит к выводу, что наиболее вероятным временем становления «Татарского пути» может считаться конец XIII – начало XIV в. В первой половине XIV в. «Татарский путь» являлся одним из основных маршрутов транзитной торговли, проходивших по территории Золотой Орды. С началом междоусобиц в Улусе Джучи, а также военной экспансии ВКЛ и Молдавского княжества, вызвавших длительный период военно-политической нестабильности в регионе Северо-Западного Причерноморья, «Via Tatarica» постепенно приходит в упадок и окончательно прекращает свое существование в первой половине XV в.

Ключевые слова: «Татарский путь», международная торговля, купцы-ортаки, Золотая Орда, Ак-Керман, Каффа, Великое княжество Литовское

Для цитирования: Воротынцев Л.В. «Татарский» торговый путь («Via Tatarica») в системе международной торговли XIII–XV вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 77–89. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.77-89

THE “TATAR” TRADE ROUTE (“VIA TATARICA”) IN THE INTERNATIONAL TRADE SYSTEM OF THE 13TH–15TH CENTURIES

L.V. Vorotyntsev

*Yelets State Ivan Bunin University
Yelets, Russian Federation
leonrus1245@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* A study of questions about the time of the emergence of the “Tatar” trade route (“Via Tatarica”), the influence of external factors and internal political processes in the ulus of Jochi on the formation and development of this trade route, and also identifying the causes of the decline and termination of the “Tatar Way”.

Research materials: Travel notes of European diplomats and travelers such as John of Plano Carpini, William of Rubruck, Ambrogio Contarini and Guillebert de Lannoy, “Pratica della mercatura” of Francesco Pegolotti, “Descriptio veteris et novae Poloniae” of Stanisław Sarnicki, “Armenian History” of Kirakos of Ganjak, “History” of Vassaf, Compendium of Chronicles” of Rashid al-Din, Abu'l-Fida’s “Sketch of the Countries”, Gustynskaya Chronicle, notarial and administrative acts of the Republic of Genoa.

Results and novelty of the research: This article for the first time ever considers the question of the time of formation and the stages of development of one of the transit trade routes of the northeastern Black Sea coast, which passed through the lands of the Golden Horde and the Galician-Volyn principality to the countries of Eastern and Central Europe, called the “Tatar Way” (“Via Tatarica”) in Western sources. The problem of dating the emergence of the “Tatar Way” is considered in the context of the military-political processes in the border areas between Galicia and the Golden Horde and also the relations between the Jochid ulus and the Ilkhanid state in the 1240–1290s. Based on an analysis of the sources, the author concludes that the end of the thirteenth to the beginning of the fourteenth century can be considered the most likely time of the formation of the “Tatar Way”. In the first half of the fourteenth century, it was one of the main transit trade routes passing through the territory of the Golden Horde. With the outbreak of internecine strife in the ulus of Jochi and the military expansion of the Grand Duchy of Lithuania and the Moldavian Principality, which caused a long period of military-political instability in the northwestern Black Sea region, the “Via Tatarica” gradually declined and finally ceased to exist in the first half of the fifteenth century.

Keywords: “Tatar way”, international trade, merchants-ortaqs, Golden Horde, Ak-Kerman, Kaffa, Grand Duchy of Lithuania

For citation: Vorotyntsev L.V. The “Tatar” Trade Route (“Via Tatarica”) in the International Trade System of the 13th–15th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 77–89. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.77-89

Одним из важнейших факторов, влиявших на хозяйственно-экономическое развитие как золотоордынских улусов, так и граничивших с ними южнорусских земель, являлось активное функционирование сухопутных и речных торговых путей, проходивших по территории данных регионов. В представленной работе рассматривается история становления, развития и упадка одного из таких торговых маршрутов, получивших в западных средневековых источниках название «Татарского пути» – «Via Tatarica».

Несмотря на появление в последние десятилетия ряда работ молдавских и российских исследователей, посвященных изучению различных аспектов развития международной транзитной торговли в Северо-Западном Причерноморье эпохи средневековья, основные маршруты которой проходили в XIII–XV вв. по территории западных улусов Золотой Орды и сопредельных с ней государств [22; 14; 20; 1], некоторые вопросы, связанные с определением времени и обстоятельств возникновения «Via Tatarica», как одного из ответвлений «Великого шелкового пути», не получили к настоящему времени должного освещения в исторической науке.

Впервые «Татарский путь» упоминается в венецианском документе середины XIV в., в связи с осадой войсками хана Джанибека Таны (1344 г.) [40, р. 54]. В эпоху расцвета Золотой Орды он активно использовался итальянскими (преимущественно генуэзскими), армянскими, татарскими, а также русскими и польскими купцами для транзитной торговли с Галицко-Волынским княжеством, Польским королевством, Венгрией и Германскими государствами.

Основной маршрут «Татарского пути» начинался от крымского Солхата (являвшегося перевалочной базой товаров, поступавших в Каффу) к Перекопу, далее – к переправе через Днепр у Тавани и вдоль побережья Черного моря, через городище Маяки, к Ак-Керману. От Ак-Кермана караваны поворачивали на север и через ордынские населенные пункты Костешты, Старый Орхей (Янги-Шехр) и Торговицкое городище проходили в Каменец-Подольский, Тереволь, Золочев, Львов и далее в Польшу [1, с. 16].

В результате археологических исследований Торговицкого городища были выявлены типичные для золотоордынских торговых поселений элементы инфраструктуры – остатки многочисленных печей-тандыров, водопровода, банхамам [15, с. 20–22], а также нумизматический материал, представленный ордынскими монетами конца XIII – XIV вв. (от чеканов хана Токты (1290–1312 гг.) до дирхемов Кульпы и Навруза (1359–1360 гг.) [15, с. 24; 20, с. 62].

Из Золотой Орды по этому маршруту в Восточную Европу вывозился скот и продукты животноводства (кожи, шерсть), меха, мед, воск, древесина, ремесленные изделия, вино, рабы, лекарственные растения, благовонные масла. Однако основные позиции в структуре экспортного товарооборота занимали шелк, пряности (прежде всего перец) и жемчуг. В Улус Джучи они поставлялись по южному маршруту Великого Шелкового пути: через Самарканд, Султанию, Тебриз, Трапезунд и далее по Черному морю в Каффу [20, с. 64]. «Каталанский атлас», созданный в 1375 г. по данным предшествовавшего периода, обозначает Львов как склад восточных товаров на транзитном торговом пути в Европу [32, р. 52–53].

Рассматривая вопрос о времени становления «Татарского пути», следует принимать во внимание все аспекты военно-политической ситуации в регионах, по которым проходила основная торговая магистраль «Великого шелкового пути» и его ответвлений. Продолжительные боевые действия монгольских войск на Ближнем Востоке 1230–1250-х гг., а также в Поволжье, Руси и Восточной Европе в 1236–1241 гг. вызвали временную стагнацию международной торговли практически во всех регионах, затронутых боевыми действиями, однако после завершения военных компаний Чингизидов произошло достаточно быстрое восстановление международных торговых коммуникаций.

Марко Поло, посетивший ряд регионов Ближнего Востока, Кавказа, Ирана и Средней Азии в 1271 г. (т.е. через десятилетие после похода Хулагу) отмечал высокую интенсивность международной торговли в вышеуказанных регионах [18, с. 80, 86, 93, 94, 111].

В значительной степени коммерческая активность на всем пространстве евразийского континента в монгольскую эпоху обеспечивалась благодаря политике покровительства торговой деятельности, оказываемой Чингизханом и его наследниками. Режим наибольшего благоприятствования международной торговле, созданный в Монгольской империи, получил в западных источниках наименование «Рах Татарика» («Татарского мира»), обеспечивавшего безопасность торговых коммуникаций на всем пространстве центральной и восточной Евразии [33, р. 23–25].

По свидетельству армянского историка Киракоса после завершения «Западного похода» правителем Улуса Джучи – Бату – стала проводиться политика привлечения экономически активного населения, ушедшего в соседние страны от неурядиц военного времени: «начали являться к нему [Бату] цари и царевичи, князья и **купцы** – все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И Батый судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил, его области и владения, и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его» [16, с. 218].

Данные мероприятия Джучидов привели к оживлению торговых коммуникаций по маршрутам, существовавшим еще в домонгольскую эпоху, в частности Днепровскому и Донскому речным торговым путям, а также сухопутным шляхам в Азовско-Черноморском регионе [24, с. 82–83, 90–91; 30, с. 139–140; 5, с. 61–69].

Один из сухопутных маршрутов домонгольского времени, по которому осуществлялись торговые коммуникации купеческих корпораций Восточной и Центральной Европы с южнорусскими княжествами, проходил через земли Верхнего Побужья, входившие в XII – первой половине XIII в. в состав Галицко-Волынского княжества [19, с. 363]. Он не прекратил своего существования и после монгольского нашествия. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение Плано Карпини о встреченных им в Киеве в 1246 г. польских и австрийских купцов. Перечисляя свидетелей своего путешествия, он называет Бреславских купцов: «...ехавших с нами вплоть до Киева и знавших, что наш отряд въехал в землю татар, а равно многих других купцов, как из Польши, так и из Австрии, прибывшими в Киев после нашего отъезда к татарам...» [24, с. 82–83].

Вместе с тем, достаточно напряженные, а временами и открыто враждебные отношения Даниила и Василька Романовичей с наместником западного улуса Золотой Орды – Куремсой, сопровождавшиеся военными конфликтами на галицко-ордынском пограничье, не позволяли обеспечить надежное функционирование и безопасность торговых маршрутов.

Помимо этого, для купеческих караванов, проходивших по северным территориям Галицко-Волынского и Киевского княжеств в середине XIII в. значительную угрозу представляли набеги литовских отрядов, об опасности которых для путешественников сообщает в своих записках Плано Карпини [24, с. 67]. В связи с вышеперечисленными обстоятельствами, насущной не-

обходимостью как для купеческих корпораций, так для правящих элит Улуса Джучи и Галицко-Волынского княжества становится поиск альтернативных и безопасных торговых маршрутов.

Одним из таких маршрутов становится «Via Tatarica» – торговый путь, проходивший по землям Северного Причерноморья и Пруто-Днестровскому региону. В 40–50-х гг. XIII в. южные земли Галицко-Волынского княжества (Галицкое Понизовье) включаются в состав западного улуса Золотой Орды. По сообщению Гильома де Рубрука, посетившего Орду в 1253–1254 гг.: «От устья Танаида к западу, до Дуная, все принадлежит им (монголам – В.Л.); также и за Дунаем, в направлении к Константинополю, Валахия, земля, принадлежащая Ассану, и малая Булгария до Славонии, все платят им дань...» [24, с. 89].

О возможном временном отвоевании галичанами территории Пруто-Днестровского междуречья во время т.н. «Татарской рати» (1252–1258 гг.) свидетельствуют сообщения византийских хронистов о том, что в 60-х гг. XIII в. татарам пришлось завоевывать эти земли заново [6, с. 316–320]. Некоторые районы галицко-ордынского пограничья, по всей вероятности, были включены в состав улуса Ногай в 70–80-х гг. XIII столетия. В «Сборнике летописей» Рашид ад-дина они обозначены как «области Урус и Кехреб, которые он (Ногай – Л.В.) завоевал и сделал [своим] улусом» [9, с. 40].

Прямым следствием вхождения вышеуказанных территорий в состав Золотой Орды явилось их включение в систему международной торговли, основным маршрутом которой, в эпоху «Татарского мира», являлась трансевразийская торговая магистраль, соединявшая восточные области Монгольской империи с рынками Средней Азии, Ближнего Востока и Европы – т. н. «Великий шелковый путь».

По северному ответвлению «Шелкового пути» в 40-х – начале 60-х гг. XIII в. осуществлялись торговые связи между Улусом Джучи и Улусом Хулагу, важнейшую роль в которых играли корпорации купцов-ортаков, представлявших коммерческие интересы монгольской аристократии. Однако с началом военного конфликта между Берке и Хулагу произошел резкий упадок связей между двумя монгольскими государствами. Согласно сообщению, содержащемуся в «Вассаф-Хазрет» («Истории Вассафа»), после поражения армии Хулагу в битве на Тереке в 1262 г.: «...он (Хулагу) приказал казнить всех ортаков Берке-огула, занимавшихся в Тебризе торговлею и коммерческими сделками и владевшие бесчисленным имуществом, и отобрать у них в казну имущество, которое найдется. В отместку Берке-огул также умертвил (у себя) купцов из земель (принадлежащим) к владения ханским, и стал таким же образом поступать с ними. **Путь для выезда и для путешествия торговых людей...сразу был прегражден...**» [29, с. 50].

Противостояние между Джучидами и Хулагуидами продолжилось и при племяннике Берке, Менгу-Тимуре, правившем в 70-х гг. XIII столетия. По сообщению Шихаб ад-Дина Абдаллаха ибн Фазлаллаха (Вассафа): «...После смерти Берке-огула, ...Менгу-Тимур, заступивший место его, разостлал с Абака-ханом ковер старинной вражды» [10, с. 56]. Затяжной военно-политический конфликт между двумя монгольскими государствами серьезно затруднял налаживание стабильных торгово-экономических отношений.

Только с приходом к власти в Улусе Джучи сына Менгу-Тимура – Токты, происходит восстановление торговых связей между Золотой Ордой и Ильханатом: «...Когда Токтай сделался наследником царства Менгу-Тимура, то путем неоднократного приезда послов и частых сношений, [снова] был открыт путь торговцам и ортакам и изготовлены средства для безопасности и спокойствия странствующих...товары и редкости тех стран, после [своего] прекращения в течение стольких лет, [опять] получили обширнейшее обращение» [10, с. 56].

Таким образом, наиболее вероятным временем возникновения «Татарского пути» следует считать конец XIII – начало XIV вв. Данный период характеризуется стабилизацией отношений между Золотой Ордой и государством Хулагуидов и восстановлением торговых связей.

К 90-м гг. XIII в. относится и первое упоминание коммерческой деятельности генуэзских купцов в Ак-Кермане. В частности, в одном из нотариальных актов (массариев) Каффы от 1290 г. имеется сообщение о получении кредита серебром в размере 800 аспров-барикатов для реализации в районе «Мальвокастро» [31, р. 203–204]. По этому документу трудно определить политическую принадлежность Ак-Кермана (Монкастро) в этот период, однако косвенным свидетельством включенности Ак-Кермана в экономическую систему Улуса Джучи указывает обращение в этом городе «аспров-барикатов» – т.е. джучидских дирхемов [31, р. 203].

На портолане (морской карте) Марино Санудо, созданной в 1321 г., город Маурокастро обозначен флагом с джучидской тамгой и полумесяцем [13, с. 5], что может свидетельствовать о наличии в городе ордынской администрации. По всей вероятности, такой статус определялся стратегическим значением Ак-Кермана для властей Золотой Орды. Владение этим городом, располагавшемся в устье Днестра, позволяло осуществлять контроль над торгово-экономической деятельностью в Приднестровском регионе.

По оценке сирийского географа Абу-л-Фиды (1273–1331 гг.), включившего в свой трактат описание ряда населенных пунктов Северного Причерноморья, Ак-Керман (Акджа-Карман) представлял собой «...небольшой населенный пункт на побережье моря Ниташ (Черное море – Л.В.). Он находится к западу от Сару-Кармана (Херсонес), и между ними пятнадцать дней [пути]. Акджа-Карман расположен на равнине. Населяют его мусульмане и неверные» [11, с. 108].

Одним из основных товаров экспорта из Ак-Кермана в Южную Европу являлась пшеница из Подолии, транспортируемая по Днестру (являвшемуся речным ответвлением «Via Tatarica»). Флорентийское пособие «Практика торговли» свидетельствует, что в 1324–1336 гг., после непродолжительного перерыва, вызванного экономическими санкциями Республики Святого Георгия против Болгарского царства, зерно из Подунавья и Приднестровья поступало на рынки Перы и Генуи. Качества этого зерна приравнивалось к пшенице из Анхиала и Каффы [33, р. 42; 36, с. 26]. В 1357–1361 гг. необычайно выросли объемы зерна, вывозимого из района Нижнего Дуная [10, с. 198; 16, с. 110]. Причем различное качество пшеницы, вывозимой из Монкастро и Вичины, показывает, что она была выращена не в одном районе [22, с. 119–

120]. По всей вероятности, в указанные порты стекался весь объем экспортного зерна, выращенного в Днестровско-Дунайском междуречье.

Воспоминания о «золотом веке» зерновой торговли по этому маршруту сохранились в сочинении польского гуманиста и историка Станислава Сарницкого (1532–1597 гг.) – «Описание древней и Новой Польши» (1585 г.): «Был некогда Белгород (Ак-Керман, Монкастро – Л.В.) рынком многолюдным и доступным для наших людей. Ибо во времена Казимира (Казимира Великого (г. п. 1333–1370) – Л.В.) до самого Кипра доходили наши суда, груженные подольской пшеницей» [34; 26, с. 68–69].

Помимо этого, из Монкастро в Константинополь везли значительные партии кож крупного рогатого скота, а также соль, вывоз которой в больших объемах из Ак-Кермана (Монкастро) фиксируется с конца XIV в. [7; 8, с. 215; 39, р. 16]. В конце XIV – первой половине XV в. все большее значение в товарообороте Причерноморских факторий Генуи приобретает торговля невольниками. По данным 1438 г. через Босфор ежегодно проходило «тридцать и более кораблей, полных рабами, которых татары продают как скот в Монкастро, Тане и Каффе» [26, с. 32].

Румынским историком Н. Йоргой было высказано мнение о том, что в середине XIV в. власть в Монкастро (Ак-Кермане) переходит от Золотой Орды к Генуе [35, р. 38]. Однако в инструкции генуэзского дожа от 1351 г., на которую ссылается исследователь, говорится лишь о сборе средств и провизии для войны с Венецией в Чембало, Вичине и «Махокастро», т. е. в тех местах, «где есть генуэзцы» [36, р. 74–75]. Данное свидетельство не дает оснований говорить о наличии в Ак-Кермане генуэзской администрации.

С началом «Великой замятни» «Татарский путь» постепенно начинает приходить в упадок. Согласно свидетельствам западных путешественников Гильбера де Ланоя и Амброджио Контарини, посетивших Северное Причерноморье в начале XV в., «Via Tatarica» лишился своей прежней привлекательности в последней четверти XIV в. ввиду отсутствия безопасности [2, с. 211–213; 12, с. 39–43].

В 1363 г. в битве на Синих водах литовцы разбивают войска трех ордынских эмиров «Отчией и дедичей» Подольской земли – Хаджибея, Кутлубуки и Димитрия: «В лето 6870...Олгерд победи трех царков татарских и з ордами их; си есть Катлубуха, Казчя, Дмитра; и оттоли от Подоля изгна власть татарскую» [23, с. 350].

По мнению Г.С. Богуславского, после поражения подольских беков степные районы Подолии перешли под контроль беклярбека Мамая. Об этом, по мнению исследователя, говорит факт нахождения ставки хана Абдулаха с 1363 по 1365 г. в городе Янги-Шехр, располагавшемся в устье р. Реут и являвшемся одним из главных ордынских пунктов на «Татарском торговом пути» [4, с. 566–567].

Контроль Мамай над Приднестровьем, по всей вероятности, осуществлялся до начала 70-х гг. XIV в. В 1370-х гг. XIV в. южная часть Прутско-Днестровского междуречья на некоторое время переходит под власть подольского князя Юрия Кориатовича. К 1374 г. князю Юрию подчинился и Белгород на Днестре (Ак-Керман, Монкастро), в котором сидел его наместник Якша Литавор, совершивший «храбрые подвиги» в сражении с татарами [27, с. 147; 37, с. 416].

Очевидно, с военной экспансией литовцев следует связывать резкий упадок и прекращение функционирования ордынских городищ Янги-Шехр и Костешты [4, с. 567], являвшихся в предыдущий период важными пунктами на пути следования купеческих караванов по «Татарскому пути».

В результате похода литовского князя Витовта против Золотой Орды в 1398 г. им был воздвигнут в устье Днепра «город Святого Иоанна» [26, с. 28], на восточном берегу Днестра, у его устья, появляется еще одна литовская крепость – «Черный город», а на месте современной Одессы – укрепленный замок и порт «Качибеев» [3, с. 61, 84–86]. Одной из вероятных целей строительства этих крепостей являлось стремление правящей элиты ВКЛ контролировать движение торговых потоков на ордынском отрезке «Татарского пути». После 1442–1444 гг. упоминания о литовских крепостях в Северном Причерноморье надолго исчезают из документов [3, с. 84–86].

С начала XV в. «Татарский путь» почти не упоминается в источниках. К этому времени значительная часть западной торговли Золотой Орды переносится на «Молдавский (Волошский) путь» («Via Valahica»), проходивший несколько южнее прежнего маршрута [17, с. 88; 1, с. 17]. Однако и он, на начальном отрезке маршрута, проходил через земли, пограничные с татарскими кочевьями: от Ак-Кермана в направлении р. Серет на Сучаву (столицу Молдавского княжества). Северо-восточное ответвление «Via Valahica» проходило через Бояны на Хотин, далее на Каменец, через Бар в направлении Киева [21, с. 46–47]. Европейский путешественник Гильбер де Ланоя, посетивший город в начале XV в. отмечает проживание в Монкастро общин генуэзцев, валахов и армян, что свидетельствует о сохранении в это время Ак-Керманом (Монкастро) статуса крупного торгового центра Северо-Западного Причерноморья [25, с. 439].

В первой трети XV в. начинается активная военно-политическая экспансия Османской империи в Северо-Западное Причерноморье. Осенью 1420 г. гарнизон Белгорода успешно отбил нападение османского флота [26, с. 28]. В это время правителем Молдавского княжества являлся Александр Добрый (1400–1432 гг.), названный в записках европейского путешественника Гильберта де Ланоя «сеньором Монкастро» [25, с. 440]. В 1454 г. Белгород выдержал вторую блокаду с моря, предпринятую турецким флотом, а в 1475 г. успешно отбил попытки османов закрепиться у стен крепости [26, с. 29; 35, р. 143–144].

В следующем, 1476 г. молдавскому господарю Стефану Великому удалось отбить нашествие турок, главными целями которых являлись Килия и Белгород [38, р. 214; 28, с. 30, 72]. Однако в 1484 г. султану Баязиду II удалось захватить Килию, а через три недели – Белгород. О сохранении стратегического значения городского центра в устье Днепра до конца XV в. свидетельствует высказывание султана о том, что взяв Белгород, он «получил ключи к воротам Польши, России, Татарии и всего Черного моря» [35, р. 158; 26, с. 29].

Подводя итог, можно выделить два периода функционирования «Татарского пути». Первый – период становления и расцвета, относится к концу XIII – первой половине XIV в. В это время «Via Tatarica» являлся северо-западным ответвлением «Великого шелкового пути», по которому восточные товары поставлялись на рынки Восточной и Центральной Европы, а европей-

ские товары – в Золотую Орду. Также через Ак-Керман (Монкастро) итальянскими купцами велась крупнооптовая торговля зерном, кожами и рабами. Второй период – постепенного упадка, следует датировать второй половиной 70-х гг. XIV – началом XV в. Упадок «Татарского пути» в это время был вызван разрушением налаженных торговых маршрутов в результате междоусобных войн в Улусе Джучи, дестабилизацией маршрутов международной торговли на всем пространстве Евразии, а также литовской, молдавской и османской экспансией в Днепровском регионе, приведшей к переориентации направлений международной торговли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсланов А.М.* Сухопутные торговые маршруты в западной торговле Золотой Орды второй половине XIII – первой половины XIV в. // Грамота. Тамбов. 2014. № 6 (44) в 2-х частях. Ч. II. С. 15–18.
2. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XVI в. / вступ. ст., под. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука. 1971. 274 с.
3. *Білецька О.* Поділля на знамі XIV–XV ст. до витоків формування історичної області. Одеса: Астропринт. 2004. 416 с.
4. *Богуславский Г.С.* Эпоха Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье и город Акджа-Керман // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Stratum Plus. Кишинев, 2015. С. 566–567.
5. *Воротынцев Л.В.* Верхний Дон на торговых путях Золотой Орды // История: факты и символы. Выпуск 2 (№ 7). Елец, 2016. С. 61–69.
6. Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Т. 6. СПб., 1862. 495 с.
7. *Гюзлев В.* Средневековна България в светлината на нови извори. София., 1981. 249 с.
8. *Гюзлев В.* Венециански документи за историята на България и българите от XII–XV в. София, 2001. 186 с.
9. Извлечения из «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) Казань, 2011. С. 28–55.
10. Из «Истории Вассафа» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 55–63.
11. Из «Книги упорядочения стран» («Таквим ал-булдан») Абу-л-Фиды // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 104–108.
12. *Емельянов.* Путешествие Гильбера де Ланоя в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд. 2. С. 1–46.
13. *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев: Наукова думка, 1986. 132 с.
14. *Коновалова И.Г.* Вывоз зерна из портов Северо-Западного Причерноморья в XIV в. и его значение для экономического развития региона // Evul mediu timpuriu in Moldova (problem de istoriografie si istorie urbana). Chisinau, Stiinta, 1994. С. 108–125.
15. *Козир І.А., Чорний О.В.* Локалізація місця битви на Синніх Водах 1362 р. у світлі нових джерел // Український історичний журнал. Київ, 2012. № 2. С. 20–22.
16. *Киракос Гандзенаци.* История Армении / Пер. с древнеарм., предис. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Главная редакция Восточной литературы. 1976. 359 с.

17. *Крот В.А.* Торговля Польши с Турцией в Причерноморье (XV – первая половина XVI в.) // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С. 11–27.
18. *Марко Поло.* Книга о разнообразии мира. СПб.: Азбука, 2018. 576 с.
19. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры. 2001. 784 с.
20. *Осилян О.Л.* Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточной Европы во второй половине XIII – первой половине XV в. // *Studia Historica Europae Orientalis.* Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2012. Вып. 5. С. 53–84.
21. *Озуй А.Д.* Молдавский торговый путь: образование, расцвет, упадок (XIV–XVII вв.) // *Русин.* 2010. № 4 (22). С. 45–61.
22. *Полевой Л.А.* Международная торговля и социально-экономическое развитие Днепровско-Карпатских земель во второй половине XIII–XIV вв. (по материалам истории товарно-денежных отношений) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 7–22.
23. ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 1843. 377 с.
24. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство Географической литературы 1957. 287 с.
25. Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланоя, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399–1450 годах. ГЛ ЗООИД III. 1853. С. 433–465
26. *Руссов Н.Д.* Два варианта городской истории средневекового Причерноморья – Белгород и Олешье // *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Stratum Plus. Кишинев, 2015. С. 19–38.
27. *Советов П.В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии (Очерки истории землевладения в XV–XVIII вв.) 1. Кишинев; Штиинца. 1972. С. 147.с
28. Славяно-молдавские летописи XV–XVI в. (СМЛ) М., 1976. 152 с.
29. *Тизенгаузен В.Г.* СМЗО. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1941. 208с.
30. *Тропин Н.А.* О восстановлении монголами Донского торгового пути в середине XIII в. // *Stratum plus.* № 5. Кишинев, 2016. С. 133–140.
31. *Balard M.* Gènes et l’Ostre-Mer 2. Actes de Kilia du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290. Paris: La Haye Monton, 1935. P. 203–204.
32. *Balard M.* Genes et la mer Noire (XIII-e – XV-e sicles) // *Revue Historique.* Vol. 270/ Paris, 1983. P. 52–53.
33. *Pegolotti F.B.* La practica della mercatura. Cambridge, Massachusetts: The mediaval Academy of America. 1936. 443 p.
34. *Stanislai Sarnicii* Destriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et novo. Krakow, 1585.
35. *Iorga N.* Studii istorice asupra Chiliei si Cetatii-Albe. Bucuresti: Institutul de arte grafice. C. Cobl. 1899
36. *Bratianu G.I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Alba. Contributions a l’histoire de la domination byzantine et tatar et du commerce genoais sur le littoral roman de la mer Noire. Bucuresti, 1935.
37. DRHA. Documenta Romania Historica. Bucuresti, 1975.
38. Cronici turcesti privind Tarile Romane. Vol I. CT. Bucuresti: Editura Academiei RSR. 1966.
39. Calatori straini despre Tarile Romane. Vol. I. Bucuresti: Editura stintifica. 1968. 588 p.
40. Regestes des deliberations du senat de Venise concernant la Romanie / par F. Thiriet. Paris, La Haye: Mouton, 1958. T. 1 (1329–1399). 246 p.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – аспирант исторического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

Поступила 05.12.2018 Принята к публикации 15.02.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Arslanov A.M. Sukhoputnye trgovye marshruty v zapadnoy trgovle Zolotoy Ordy vtoroy polovine XIII – pervoy poloviny XIV v. [Overland trade routes of the Western trade of the Golden Horde the second half of the 13th – first half of 14th century]. *Gramota* [Gramota]. Tambov, 2014, no. 6 (44), pp. 15–18. (In Russian)
2. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-rossiyskikh svyazey v XVI v.* [Barbaro and Contarini about Russia. On the history of Italian-Russian relations in the 16th century.] Leningrad, Nauka Publ., 1971. 274 p. (In Russian)
3. Bilets'ka O. *Podillya na znami XIV–XV st. do vitokiv formuvaniya istorichnoi oblasti* [Podolia on the change of the 14th–15th centuries at the origins of the formation of the historical region]. Odessa, Astroprint Publ., 2004. 416 p. (In Ukrainian)
4. Boguslavskiy G.S. Epokha Ulusa Dzhuchi v Severo-Zapadnom Prichernomor'e i gorod Akdzha-Kerman [The era of the ulus of Jochi in the North-Western Black Sea coast and the city of Akdzha-Kerman]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [The Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Kishinev, Stratum Plus Publ, 2015, pp. 566–567. (In Russian)
5. Vorotyntsev L.V. Verkhniy Don na trgovykh putyakh Zolotoy Ordy [The Upper Don among the trade routes of the Golden Horde]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: facts and symbols]. Iss 2 (№ 7). Elets, 2016, pp. 61–69. (In Russian)
6. *Vizantiyskie istoriki, perevedennye s grecheskogo pri Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy dukhovnoy akademii* [Byzantine historians translated from Greek at the St. Petersburg theological academy]. Vol. 6. St. Petersburg, 1862. 495 p. (In Russian)
7. Gyuzlev V. *Srednevekovna B"lgariya v svetlinata na novi izvori* [Medieval Bulgaria in the light of new sources]. Sofiya, 1981. 249 p. (In Bulgarian)
8. Gyuzlev V. *Venetsianski dokumenti za istoriyata na B"lgariya i b"lgarite ot XII–XV v.* [Venetian documents on the history of Bulgaria and Bulgarians in the 12th–15th centuries]. Sofiya, 2001. 186 p. (In Bulgarian)
9. Izvlecheniya iz «Sbornika letopisey» Rashid-ad-Dina [Extracts from the “Compendium of Chronicles” of Rashid al-Din]. *Stanovlenie i rastsvet Zolotoy Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.)* [The formation and dawn of the Golden Horde. Sources on the history of the Ulus of Jochi (1266–1359)]. Kazan, 2011, pp. 28–55. (In Russian)
10. Iz «Istorii Vassafa» [From the “History” of Vassaf]. *Stanovlenie i rastsvet Zolotoy Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.)* [The formation and dawn of the Golden Horde. Sources on the history of the Ulus of Jochi (1266–1359)]. Kazan, 2011, pp. 55–63. (In Russian)
11. Iz «Knigi uporyadocheniya stran» («Takvim al-buldan») Abu-l-Fidy [From “A Sketch of the Countries” by Abu al-Fida]. *Stanovlenie i rastsvet Zolotoy Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.)* [The formation and dawn of the Golden Horde. Sources on the history of the Ulus of Jochi (1266–1359)]. Kazan, 2011, pp. 104–108. (In Russian)
12. Emel'yanov. *Puteshestvie Gil'bera de Lanoa v vostochnye zemli Evropy v 1413–14 i 1421 godakh* [The Journey of Gilbert de Lannoy in the Eastern lands of Europe in

1413–14 and 1421]. *Kievskie universitetskie izvestiya* [Kyiv University News]. Vol. 8, 1873, P. 2, pp. 1–46. (In Russian)

13. Kravchenko A.A. *Srednevekovyy Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV v.)* [Medieval Belgorod on the Dniester (the end of the 13th–14th centuries).] Kyiv, Naukova dumka Publ., 1986. 132 p. (In Russian)

14. Konovalova I.G. *Vyvoz zerna iz portov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v XIV v. i ego znachenie dlya ekonomicheskogo razvitiya regiona* [The export of grain from ports in the North-Western Black Sea region in the 14th century and its significance for the economic development of the region]. *Evul mediu timpuriu in Moldova (problem de istoriografie si istorie urbana)*. Chisinau, Stiinta Publ., 1994, pp. 108–125. (In Russian)

15. Kozir I.A., Chorniy O.V. *Lokalizatsiya mistysa bitvi na Sinnikh Vodakh 1362 r. u svitli novikh dzherel* [Localization of the site of the battle of Blue Waters of 1362, in the light of new sources]. *Ukrains'kiy istorichnyy zhurnal* [Ukrainian historical journal]. Vol. 2. Kyiv, 2012, pp. 20–22. (In Ukraine)

16. Kirakos of Gandzak. *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Moscow, Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury Publ., 1976. 359 p. (In Russian)

17. Krot V.A. *Torgovlya Pol'shi s Turtsiey v Prichernomor'e (XV – pervaya polovina XVI v.)* [Poland's trade with Turkey in the Black Sea (15th – the first half of the 16th century)]. *Torgovlya i moreplavanie v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka* [Trade and navigation in the Black Sea basin in antiquity and the Middle Ages.]. Rostov-on-Don, 1988, pp. 11–27. (In Russian)

18. Marco Polo. *Kniga o raznoobrazii mira* [The book about the diversity of the world]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2018. 576 p. (In Russian)

19. Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX–XII vv.* [The Ancient Rus' on international routes: Interdisciplinary essays of cultural, trade, political relations of the 9th–12th centuries]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001. 784 p. (In Russian)

20. Osipyany O.L. *Vozniknovenie armyanskikh torgovykh koloniy vo L'vove i Kamentse-Podol'skom i ikh rol' v torgovle so stranami Prichernomor'ya i Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine XIII – pervoy polovine XV v.* [The emergence of Armenian trade colonies in Lviv and Kamianets-Podilskyi and their role in trade with the countries of the Black Sea and Eastern Europe in the second half of the 13th – the first half of the 15th century]. *Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy* [Studia Historica Europae Orientalis. Studies on the history of Eastern Europe]. Vol. 5. Minsk, 2012, pp. 53–84. (In Russian)

21. Oguy A.D. *Moldavskiy torgovyy put': obrazovanie, rastsvet, upadok (XIV–XVII vv.)* [The Moldovan trade route: formation, flourishing, decline (14th–17th centuries)]. *Rusin* [Rusin], no. 4 (22), 2010, pp. 45–61. (In Russian)

22. Polevoy L.A. *Mezhdunarodnaya torgovlya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Dneprovsko-Karpat'skikh zemel' vo vtoroy polovine XIII–XIV vv. (po materialam istorii tovarno-denezhnykh otnosheniy)* [International trade and socio-economic development of the Dnieper-Carpathian lands in the second half of the 13th–14th centuries (based on the history of commodity-money relations)]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Moldavii perioda feodalizma* [Socio-economic and political history of Moldavia during the feudal period]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1988, pp. 7–22. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 40. *Gustynskaya letopis'* [The Gustyn chronicle]. St. Petersburg., 1843. 377 p. (In Old Russian)

24. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka*. [Travel to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruck]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Geograficheskoy literatury Publ., 1957. 287 p. (In Russian)

25. Puteshestviya i posol'stva gospodina Gil'berta de Lanoa, kavalera Zolotogo runa, vladel'tsa Santa, Villervalya, Tronshiena, Bomona, Vageni v 1399–1450 godakh [Travels and embassies of Mr. Gilbert de Lannoy, holder of the Golden Fleece, owner of Santes, Willerval, Tronchines, Beaumont, Vageni in 1399–1450]. *Zapiski odesskogo obshchestva istorii i drevnostej* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], Vol. 3, 1853, pp. 433–465. (In Russian)

26. Russev N.D. Dva varianta gorodskoy istorii srednevekovogo Prichernomor'ya – Belgorod i Olesh'e [Two variants of the urban history of the medieval Black Sea region – Belgorod and Oleshye]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Kishinev, Stratum Plus Publ., 2015, pp. 19–38. (In Russian)

27. Sovetov P.V. *Issledovaniya po istorii feodalizma v Moldavii (Ocherki istorii zemlevladieniya v XV–XVIII vv.) I* [Studies on the history of feudalism in Moldova (Essays on the history of land ownership in the 15th–18th centuries) 1]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1972. 147 p. (In Russian)

28. *Slavyano-moldavskie letopisi XV–XVI v. (SML)*. [Slavonic-Moldavian Chronicles of the 15th–16th century (SMC)]. Moscow, 1976. 152 p. (In Russian)

29. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy (SMIZO)* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. Vol. II. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 208 p. (In Russian)

30. Tropin N.A. *O vosstanovlenii mongolami Donskogo torgovogo puti v sredine XIII v.* [On the restoration of the Don trade route by the Mongols in the middle of the 13th century]. № 5, Stratum plus, Kishinev, 2016, pp. 133–140. (In Russian)

31. Balard M. *Gênes et l'Outre-Mer 2. Actes de Kilias du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290*. Paris. La Haye Monton., 1935, pp. 203–204. (In French)

32. Balard M. Gênes et la mer Noire (XIII-e – XV-e siècles). *Revue Historique*. Vol. 270, Paris, 1983, pp. 52–53. (In French)

33. Pegolotti F.B. *La practica della mercatura*. Cambridge, Massachusetts, The mediaval Academy of America. 1936. 443 p. (In Italian, English)

34. *Stanislai Sarnicii Destriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et novo*. Krakow, 1585. (In Polish)

35. Iorga N. *Studii istorice asupra Chiliei si Cetatii-Albe*. Bucuresti, Institutul de arte grafice. C. Cobl. 1899. (In Romanian)

36. Bratianu G.I. *Recherches sur Vicina et Getatea Alba. Contributions a l'histoire de la domination byzantine et tatar et du commerce genoais sur le littoral roman de la mer Noire*. Bucuresti, 1935. (In Romanian)

37. DRHA. *Documenta Romania Historica*. Bucuresti, 1975. 416 p. (In Romanian)

38. *Cronici turcesti privind Tarile Romane*. Vol I. CT. Bucuresti, Editura Academiei RSR Publ., 1966. 214 p. (In Romanian)

39. *Calatori straini despre Tarile Romane*. Vol. I. Bucuresti, Editura stintifica Publ., 1968. 588 p. (In Romanian)

40. *Regestes des deliberations du senat de Venise concernant la Roumanie*. Paris, La Haye, Mouton, 1958. Vol. 1 (1329–1399). (In Latin)

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – graduate student of historical faculty, Yelets State Ivan Bunin University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation). E-mail: leonrus1245@mail.ru

Received December 05, 2018 Accepted for publication February 15, 2019

Published March 29, 2019

УДК 902+39:94(470)"1238/1480"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.90-114

**СЕЛО ТАТАРСКАЯ БАШМАКОВКА –
АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ.
К ИСТОРИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО
НАСЛЕДИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ**

В.М. Викторин^{1а}, Д.В. Васильев^{1б}, Э.Ш. Идрисов², М.М. Имашева³

¹ *Астраханский государственный университет
Астрахань, Российская Федерация
^а victvic@mail.ru, ^б hvdv@mail.ru*

² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Астраханский филиал
Астрахань, Российская Федерация
idrisel@mail.ru*

³ *Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
imaschewa@yandex.ru*

Цель: анализ археологических памятников средневековья и этнографической характеристики села Татарская Башмаковка Приволжского района Астраханской области.

Материалы исследования: в данном исследовании были использованы сочинения Абу Хамид ал-Гарнати, отчеты об археологических экспедициях в Астраханской области, данные этнографических исследований.

Результаты и научная новизна: окрестности села Татарская Башмаковка Астраханской области изобилуют средневековыми археологическими памятниками. Новый подход к анализу погребального обряда на могильниках в окрестностях Татарской Башмаковки позволяет сделать вывод о проникновении традиций ислама в среду населения дельты Волги ещё с домонгольского времени. Привлечённые данные сравнительного краниологического анализа позволяют предположить, что население, оставившее данные могильники, антропологически близкое некоторым этническим группам хазарской эпохи, представляло собой население области Саксин, существовавшей в дельте Волги в XI–XIII вв. Это население в последующем стало составной частью золотоордынских татар.

В научном отношении вызывает интерес и этнографическая характеристика села Татарская Башмаковка. Здесь проживает одна из частей этноспецифической группы населения Астраханской области – юртовские татары, которые большинством этнографов и историков относятся к потомкам коренного населения одного из осколков Золотой Орды – Астраханского ханства. На основе этнографического материала в статье даны локальные характеристики юртовцев села Татарская Башмаковка.

Представленная информация, как нам представляется, существенно дополнит историю народов Волжского Поволжья. Прежде всего, народов тюркских – наследников Золотой Орды, современных потомков которых сегодня называют юртовскими татарами, а также процессов их этнического взаимодействия и взаимовлияния с другими тюрко-татарскими этническими группами, являющимися сегодня одним из основных этнических компонентов в Астраханской области.

Ключевые слова: Хазарский каганат, Саксин, Золотая Орда, Самосдельское городище, Кан (Хан)-Тюбе, Тумак-Тюбе, юртовские татары, Татарская Башмаковка

Для цитирования: Викторин В.М., Васильев Д.В., Идрисов Э.Ш., Имашева М.М. Село Татарская Башмаковка – археология и этнография. К истории золотоордынского наследия в Нижнем Поволжье // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 90–114. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.90-114

THE VILLAGE OF TATARSKAYA BASHMAKOVKA –
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY.
THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE HERITAGE
IN THE LOWER VOLGA REGION

V.M. Viktorin ^{1a}, D.V. Vasil'ev ^{1b}, E.Sh. Idrisov ², M.M. Imasheva ³

¹ Astrakhan State University
Astrakhan, Russian Federation
^a victvic@mail.ru, ^b hvdv@mail.ru

² Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Astrakhan branch
Astrakhan, Russian Federation
idrisel@mail.ru

³ Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
imaschewa@yandex.ru

Abstract: *Research objective:* An analysis of the archaeological sites of the Middle Ages and the ethnographic characteristics of the village Tatarskaya Bashmakovka in the Cis-Volga region of the Astrakhan region.

Research materials: The writings by Abu Hamid al-Gharnati, reports on archaeological expeditions in the Astrakhan region, and the data of ethnographic studies were used in this research.

Research results and novelty: The surroundings of the Tatarskaya Bashmakovka village in the Astrakhan region abound in medieval archaeological monuments. A new approach to the analysis of the funeral rites in the burial grounds located in the vicinity of the Tatarskaya Bashmakovka allows us to draw a conclusion about the penetration of the traditions of Islam among the population of the Volga Delta since the pre-Mongol period. The comparative craniological analysis data suggests that the population that is found in these burial grounds was anthropologically close to some ethnic groups of the Khazar era. This was the population of the Saqsın region that existed in the Volga Delta from the eleventh to thirteenth century. Subsequently, this population became an integral part of the Golden Horde Tatars.

Ethnographic characteristics of Tatarskaya Bashmakovka are also of academic interest. One of the parts of the ethno-specific population group of the Astrakhan region is the Yurt Tatars. Most ethnographers and historians consider them descendants of the indigenous population of one of the fragments of the Golden Horde, the Astrakhan Khanate. Based on the ethnographic material, the article presents the local characteristics of the Yurt Tatars of the village Tatarskaya Bashmakovka.

As we see it, this information will significantly complement the history of the peoples of the Lower Volga region and above all the Turkic peoples, the heirs of the Golden Horde, who are called the Yurt Tatars today. It will also show the processes of their ethnic interaction with other Turkic-Tatar ethnic groups which today comprise one of the main ethnic components in the Astrakhan region.

Keywords: Khazar khanate, Saqsin, Golden Horde, Samosdelka ancient settlement, Kan (Khan)-Tyube, Tumak-Tyube, Yurt Tatars, Tatarskaya Bashmakovka

For citation: Viktorin V.M., Vasil'ev D.V., Idrisov E.Sh., Imasheva M.M. The Village of Tatarskaya Bashmakovka – Archaeology and Ethnography. The History of the Golden Horde Heritage in the Lower Volga Region. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 90–114. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.90-114

Географическое описание. Административно-территориальная организация

На большом острове волжской дельты, площадью почти 330 квадратных километров, в междуречье старого русла Волги (р. Старая Волга) и его бокового, левого «утока» – р. Кизани, живописно расположены село Татарская Башмаковка и соседние населённые пункты: слившаяся с Татарской в 1969 г. прежняя Русская Башмаковка (бывшая Башмаковская ватага, иначе – «батага», т.е. рыбацкий стан), а также посёлки Стеклозавода, Ассадулаево и Мансур, ещё и Кизань (бывш. Кизанская «ватага»), Первое Мая и Придорожный.

Остров этот, в свою очередь, разделён на карте ериками Мансуром и Широком ещё на две части почти поровну – островок верхний, северо-западный (гораздо более обжитой) и низовой, юго-восточной (здесь располагаются сельскохозяйственные угодья, базы отдыха и дачи, а также известные археологические объекты). Согласно картам XVIII в. верховой островок тоже делился (между обеими Башмаковками и Стеклозаводом, в районе нынешнего Кизанского моста) совсем небольшой речушкой – ериком Башмаковским.

Пересечена вся рассматриваемая территория полукруговой грядой «бэровских бугров» (главный – Ашан-тау-Тюбе, затем Бос-Тюбе, кладбище Кос-Тюбе (Улюк-Тюбе), Озын-Тюбе, Кара-Тюбе, Джилан (Елан)-Тюбе, археологический памятник Хан (Кан)-Тюбе, священный холм Куганлы (Куганни)-Тюбе, Джап-раклы (Яфраклы)-Тюбе, ещё и Тумак-Тюбе, который широко известен, по преданию, «всему миру ислама»). На некоторых из них расположены кладбища, другие являются объектами религиозного поклонения. Практически на всех буграх обнаруживаются следы древних поселений и некрополей.

Это пространство в совокупности представляет собою исключительно удобное природное «урочище» (особенную и отграниченную рельефно местность), отлично защищённое, с явными следами древних археологических памятников. Местность издревле осваивалась людьми, и население его, очевидно, менялось в истории неоднократно. Уходя, возвращались обратно, или же, попав в дельту Волги, наследовали места обитания от предшественников (иногда отдалённо родственных), основывали новые населённые пункты там, где располагались предыдущие. Современный состав жителей, как можно утверждать с большой долей уверенности, основываясь на данных письмен-

ных источников, окончательно сформировался в составе Российского государства в сер. XVI – XVIII вв.

На всём рассматриваемом пространстве, подчинённом администрации муниципального образования «Татаробашмаковский сельсовет», по данным статистики на начало 2016 г., проживает 5302 человека. Этнический состав населения, как и несколько столетий тому назад, очень разнообразен: татары (почти все – особой, «юртовской» группы) – 67%; русские – 29,8%; казахи – 2% и другие народы.

Как мы видим, юртовские «нугайские» татары (об их истоках и специфике речь пойдет далее) заметно преобладают численно в целом по территории в селе Татарская Башмаковка, а русские – в поселках Стеклозавода и Ассадулаево и других небольших посёлках, а вот в поселке Мансур (до 100 чел.) тех и других почти поровну. Сразу заметим в этой связи, что Татарская Башмаковка – это второе по численности и исторической известности (уступавшее лишь чуть-чуть первопоселению – селу Зацарево, иначе Тияк – ныне городской поселок, микрорайон Нариманово) юртовское село¹.

На начало XX века (1901 г.) на Тияке – в Зацарево статистики насчитывали 291 двор, 691 податных единиц (глав семейств) и 1266 жителей, в т.ч. 675 мужчин и 591 женщин, а в более позднем «селении Башмаковском» – 284 двора, 539 глав семейных хозяйств и 1265 чел., включая 647 мужчин и 618 женщин [12, с. 32].

В наши дни в Астраханской области проживает более 30 тыс. чел. «юртовского» (и близкого, «едисан/джетисанского») происхождения, кроме того, незначительное количество проживает в пригородах города Астрахани (микрорайон Нариманово-Зацарево, села Мошаик, Солянка, Приволжье и др.), в рассматриваемом нами, Приволжском районе Астраханской области.

Примыкающие к Татарской Башмаковке с двух сторон две прежних рыбацких «ватаги» с русским населением были образованы самовольным, «сходческим» путём беглыми крестьянами, очевидно, из северо-запада и центра России на рубеже XVIII–XIX вв. В Русской Башмаковке почти столетие спустя, в 1886–1890 гг., была выстроена Никольская церковь. Поселения эти численно выросли, когда в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. возникли: поселок Стекольного завода, на землях, арендованных у крупнейшего в регионе промышленника и купца 1-ой гильдии Алексея Николаевича Бекунова (1825–1895 гг.); поселок Нефтебаза № 4 пароводного общества «Кавказ и Меркурий»; и топливного общества «Мазут» (поначалу на обоих берегах основного русла Волги), на выкупленных у казны землях азербайджанского нефтепромышленника азербайджанца Шамси Ассадулаева [29, с. 197–199].

К 50-м гг. XX в., в связи с развитием колхоза, окончательно оформился поселок Кизань (как Кизанский осетрово-рыбоводческий завод), возникли поселок Придорожный (прежде – молочнотоварная ферма колхоза, с 30-х гг.), и ещё пос. Первое Мая (Башмаковский инкубационный цех рыбной молоди) [24, с. 585–589]. Таким образом, полвека тому назад структура хозяйства и его поселений сложилась в современном виде – до начала 90-х гг. XX в. и далее.

¹ Селение Тияк по двум берегам р. Царев – самое вероятное наследие первого юртовско-ногайского поселка Юрт (Йорт).

Археология села Татарская Башмаковка

Совсем древнее прошлое сомкнулось с недавним, когда в 1969 г. начались археологические раскопки астраханских и ленинградских исследователей на буграх Хан(Кан)-Тюбе и Тумак-Тюбе в «низовой», юго-восточной части острова, продолжающиеся (с перерывами) и по сей день. В этой связи в народной памяти ожили и стали более широко известными старинные юртовские легенды и сказания о возникновении села и сраженьях в его окрестностях, о красавице Кыз-ана. Необычайный рост интереса к своему прошлому подтвердила этнографическая экспедиция.

Астраханскими археологами выдвинуто предположение, что ряд памятников археологии в дельте Волги может относиться к эпохе малоизученной в современной науке – периоду между распадом Хазарского каганата (со второй половины X века) до образования Золотой Орды (до первой половины XIII в.), когда приблизительно в исследуемом районе существовала область Саксин, известная лишь по письменным источникам, испытывавшая свой кризис после резкого подъема Каспийского моря в XIII – начале XIV вв. [6].

Центром этой области был большой торговый город, являвшийся перевалочным пунктом в торговле на Великом Шёлковом пути. В настоящее время местоположение города Саксина уверенно ассоциируется с Самосдельским городищем в дельте Волги [7, с. 20; 11, с. 165]. Исследования, проводившиеся в первые десятилетия XXI века, показали, что многие археологические объекты могут быть связаны между собой общей исторической судьбой и этническим составом населения конкретного периода. В том числе и Татаро-Башмаковское поселение и его окрестности.

Город Саксин упоминается в русских летописях, в трудах арабских путешественников. В частности, странствующий мусульманский правовед и писатель XII века Абу Хамид ал-Гарнати прожил в Саксине 20 лет и описал его довольно подробно [1, с. 31–33]. Мы считаем, что существуют достаточные основания считать, что Саксин был частью восстановленного города Итиль, последней столицы Хазарского каганата. А сведения, приводимые ал-Гарнати, подтверждают эту точку зрения [36, с. 208].

Согласно сообщению ал-Гарнати, в городе Саксин (Саджсин) «существует сорок племён гузов, каждое из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком». Кроме того, ал-Гарнати свидетельствует о том, что в городе также проживали представители племен сувар, хазар (мы полагаем, что это население бывшего Хазарского каганата). Каждое племя имело свою мечеть и прилегающую территорию, образуя махаллю [1, с. 31–33; 20, с. 98–99]. Он подробно описывает дома жителей, местность, в которой находится город, блюда из баранины и рыбы, которые пришлось ему по вкусу. Упоминает ал-Гарнати и о виденных им в Саксине «тысячах купцов» из Магриба и других восточных и западных стран и территорий. Это – неоспоримое свидетельство о важном значении города в международной торговле.

Описания ал-Гарнати оказались весьма точны: в дельте Волги археологами обнаружены следы присутствия огузской, болгарской и суварской этнических групп населения. Саксин был крупнейшим перевалочным пунктом на перекрёстке торговых дорог – Великого Шёлкового пути и Волжского торгового пути. Здесь, в дельте, обнаруживаются предметы, произведенные в раз-

личных регионах Востока – Китае, Индии, Средней и Центральной Азии (Хорезме, Бухаре, Самарканде), Иране, Палестине, Египте, Магрибе, Византии, Волжской Болгарии. Кроме того, сам Саксин был центром ремесленного производства, снабжавшего изделиями огромную часть кочевой степи.

Советский историк и археолог Г.А. Фёдоров-Давыдов в своих научных публикациях, на основе привлечения обширного материала, изучив и проанализировав восточные письменные источники о городе и округе, сумел доказать, что Саксин располагался в Нижнем Поволжье [37, с. 160]. Но ученый считал, что город Саксин прекратил свое существование еще до нашествия монголов (в XII веке). А имя города было перенято локальной группой половцев, которые кочевали на Нижней Волге. В современной науке существует проблема локальной группы половцев, о которой Г.А. Федоров-Давыдов говорил как о населении Нижнего Поволжья. Также им были затронуты вопросы о характере и уровне их экономических занятий, которые до сих пор остаются актуальными. Они требуют тщательного изучения. Тем не менее, для Г.А. Федорова-Давыдова, город и область Саксин четких границ не имел и включал в себя Нижневолжский регион, прежде всего территорию современных Астраханской и Волгоградской областей [37, с. 167].

Другой отечественный археолог, фактический создатель советской и российской школы хазароведения, М.И. Артамонов связывал проблему локализации Саксина с локализацией последней хазарской столицы. В частности, в своих работах он утверждал, что Саксин – это восстановленный квартал города Итиль [4, с. 609–610].

В конце XX – начале XXI вв. в дельте Волги были проведены археологические исследования, результаты которых могут способствовать формированию новых научных представлений по вопросу локализации города и области Саксин.

Разведки астраханских археологов Е.В. Шнайдштейн, Д.В. Васильева, С.А. Пантелеева, С.А. Котенькова, Д.В. Кутукова, Д.В. Рябичкина, казанского археолога И.Р. Мирсияпова выявили многочисленные средневековые поселения в дельте Волги и Волго-Ахтубинской пойме. Часть этих поселений относятся к периоду Золотой Орды, другая относится к периоду до монгольского завоевания. В ходе археологических экспедиций, в дельте Волги и в Волго-Ахтубинской пойме, в угодьях, занятых заливными лугами и естественными возвышенностями – бэровскими буграми – на сегодняшний день выявлен целый ряд археологических памятников, которые могут быть датированы периодом до монгольского завоевания [6, с. 191].

Результаты экспедиций подвели нас к определенному выводу: Саксин – это не просто город, это целая область, это не до конца открытая страна в дельте Волги, история изучения которой продолжается и в наши дни. И тайна существования и местоположения города Саксин может быть приоткрыта благодаря работам археологов как раз в окрестностях села Татарская Башмаковка. Во всяком случае, одна из существующих в современной науке версий помещает остатки города Саксин именно сюда. Такое предположение делает, в частности, А.В. Шевченко, анализируя материалы могильника Кан (Хан)-Тюбе [38, с. 139–168].

На территории Татаробашмаковской сельской администрации следует выделить археологический комплекс Кан (Хан)-Тюбе и Тумак-Тюбе, включающий поселение Тумак-Тюбе и огромный грунтовый могильник на бугре

Кан (Хан)-Тюбе, а также не исследованные могильники и поселения на ближайших буграх. Первые раскопки на территории района были проведены в 1969 г. Раскопки проводились под общим руководством А.Н. Мелентьева и Е.В. Шнайдштейн².

На берегу старицы Волги в 32 км южнее Астрахани между сёлами Чаган и Татарская Башмаковка было выявлено и исследовано поселение Тумак-Тюбе (руководитель работ – Л.Б. Ерзакович (г. Алма-Ата, Институт археологии)). Поселение располагалось в низине у подножья одноименного бугра. Поселение было сильно разрушено при прокладке автодороги Астрахань–Чаган. Вплотную к западной оконечности бугра был заложен раскоп площадью 500 кв. метров, в котором был выявлен культурный слой мощностью 10 см. Изучено было 8 землянок и большое число хозяйственных ям. Установлено также, что культурный слой поселения распространяется и на поверхность самого бугра.

Комплекс обжигательных печей для керамики и грунтовый могильник был обнаружен на соседнем бугре Хан-Тюбе. Магниторазведка, проведённая К.К. Шиликом, выявила наличие на бугре 29 горнов для обжига керамики на площади 6000 кв.м. Из них 8 печей, повреждённых при строительстве рисовых чеков, было раскопано. Кроме того, было вскрыто два участка грунтового могильника, также повреждённого строительными работами. Исследовано 154 захоронения, выполненных по исламскому погребальному обряду. Исследователи считают захоронения синхронными комплексу обжигательных горнов и датируют их эпохой Золотой Орды (XIII–XIV вв.).

В 1991 году раскопки поселения «Тумак-Тюбе» были продолжены экспедицией Госдирекции охраны памятников истории и культуры Астраханской области под руководством С.А. Котенькова³. Исследования проводились на вершине бугра, частично разрушенной карьером. В ходе раскопок было исследовано 15 захоронений, 4 хозяйственных ямы и землянка с системой отопления в виде тандыра и канов, встроенных в лежанку-суфу. В 1993 году Д.В. Васильевым на территории археологического памятника было доисследовано одно разрушенное мусульманское захоронение эпохи средневековья⁴.

Поселение Тумак-Тюбе, вместе с могильниками в его окрестностях, привлекает внимание как один из интереснейших источников по истории Золотой Орды и её исламизации. Прежде всего следует отметить, что данный объект – небольшой периферийный населенный пункт периода Золотой Орды. В связи с этим сравнительный анализ могильников из этого поселения с могильниками крупных городищ, безусловно, может привести к небезынтересным выводам и результатам.

² Мелентьев А.Н., Шнайдштейн Е.В. Отчёт о работах Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в полевом сезоне 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Оп. №№ 3910. Д.3910-а.

³ Котеньков С.А. Отчёт об археологических раскопках на городище «Тумак-Тюбе» в 1991 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Оп. №13304/1, 13304/2.

⁴ Васильев Д.В. Отчёт о разведках в Приволжском, Красноярском, Икрянинском районах Астраханской области в 1993 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Оп. №16170.

Костяной «конёк» – инструмент для полировки кожи при кожевенном производстве. XIII–XIV вв. Золотая Орда. Раскопки Е.В. Шнайдштейн на поселении Тумак-Тюбе

Bone “skate” – a tool for polishing leather in the leather industry. 13th–14th centuries. Golden Horde. Excavations by E. Shnaidstein in the Tumak-Tyube settlement

Кувшин «афтоба» красноглиняный гончарный (умывальник). XIII–XIV вв. Золотая Орда. Раскопки Е.В. Шнайдштейн на поселении Тумак-Тюбе

“Aftoba” pitcher, red pottery. 13th–14th centuries. Golden Horde. Excavations by E. Shnaidstein in the Tumak-Tyube settlement

Светильник красноглиняный гончарный масляный. XIII–XIV вв. Золотая Орда. Раскопки Е.В. Шнайдштейн на поселении Тумак-Тюбе

Oil lamp, red clay pottery. 13th–14th centuries. Golden Horde. Excavations by E. Shnaidstein in the Tumak-Tyube settlement

А.В. Шевченко, антрополог из Санкт-Петербурга, в ходе исследования рассмотрел особенности краниологических характеристик серии черепов с грунтового могильника Хан-Тюбе, обратил внимание на несхожесть показателей этих черепов, относившихся, по мнению автора раскопок Е.В. Шнайдштейн, к XIV в., с показателями половецких черепов [38, с. 139]. Но ученый выявил их сходство с черепами из захоронений на Зливкинском могильнике и особенно на могильнике хазарского Саркела [38, с. 159].

Руководствуясь этими выводами, А.В. Шевченко выдвинул предположение о необходимости передатировки могильника более ранним временем. Он считает, что антропологические характеристики и некоторые черты по-

гребального обряда, которые отличаются от золотоордынских и мусульманских захоронений, относятся к хазарским временам и сохранились в последующий период у населения Саксина. И остатки этого поселения должны быть где-то поблизости [38, с. 156–157, 167–168]. Конечно, версия очень необычна. Но она позволяет нам иначе, по-новому взглянуть на достаточно известный археологический комплекс.

Следует также отметить, что разведки, которые проводились в районе поселений и могильников Хан(Кан)-Тюбе и Тумак-Тюбе, не показали наличие остатков крупного городища на бэровских буграх в междуречье Волги и Кизани. Правда, можно допустить, что поселение перекрыто иловыми отложениями в низинах между этими буграми. Но местность давно известна специалистам, здесь ведется и активная хозяйственная деятельность. Поэтому крупное городище в этих местах, если бы оно существовало, уже давно было бы обнаружено. Вероятным представляется предположение, что Хан(Кан)-Тюбе, как могильник, использовался в те времена для захоронений населением окрестных небольших населенных пунктов.

Тщательное изучение материалов, полученных в ходе раскопок и разведок, ставит ряд вопросов, нуждающихся в дополнительном разъяснении. Материалы могильника Тумак-Тюбе однозначно связаны с периодом Золотой Орды. Характер находок (специфическая красноглиняная круговая посуда, кувшины-афтоба, светильники, свинцовые пломбы) свидетельствует о золотоордынской эпохе в развитии материальной культуры. Обнаружены на этом поселении и остатки жилищ (заглублённые в землю, с канами и тандырами), которые также идентифицируются как золотоордынские. В отчёте Е.В. Шнайдштейн и А.Н. Мелентьева содержится лишь план могильника и план расположения горнов, выявленных геофизическими методами. К нашему сожалению, в нем отсутствует информация о конструкции восьми керамических горнов, обнаруженных на Хан-Тюбе (Кан-Тюбе).

Несмотря на абсолютную привязку к золотоордынскому периоду, здесь обнаружены немногочисленные погребения с инвентарем домонгольского периода. Это свидетельство того, что местность была заселена в эпоху до периода Золотой Орды.

Материалы исследований на Самосдельском городище в дельте Волги, которое является археологическими остатками города Саксина, свидетельствуют о высоком уровне исламизации местного оседлого населения еще в период до монгольского завоевания [6, с. 189–267]. Факт существования в данном регионе исламизированного населения с домонгольских времён только расширяет наши представления о распространении ислама в Нижнем Поволжье в золотоордынское время. На наш взгляд, новую «информацию к размышлению» о населении дельты Волги в предмонгольское время могут дать результаты статистических методов при исследовании погребений из могильников Тумак-Тюбе и Хан-Тюбе, которых сегодня обнаружено до полутора сотен единиц [8, с. 84–85].

Мы знаем, что уже с постхазарских времен ислам становится главной религией в крае. В связи с этим нам представляется весьма затруднительным (но вполне возможным) выделить специфические черты местного погребаль-

ного обряда, которые прослежены, например, на материалах захоронений с могильника Кан (Хан)-Тюбе.

Данные статистического анализа связей между признаками погребального обряда тоже показывает значительную его унификацию на могильниках окрестностей Тумак-Тюбе. Основу этих погребений составляют захоронения с признаками мусульманской обрядности (таких большинство, и они в значительной степени унифицированы) и захоронения с определенными отклонениями от требований ислама (в них присутствует инвентарь). Есть предположение, что здесь также присутствует еще одна группа захоронений, в которых усопшие уложены на спине, лицом вверх, в вытянутом положении. Неразнообразны и типы ям.

Следует отметить, что не обнаружены погребения, характерные для кочевников. Ни в одной из обнаруженных могил нет предметов конской сбруи, оружия. Однако обнаружены погребения с семенами сельскохозяйственных растений [9, с. 56; 10, с. 90].

Таким образом, нет сомнений, что эти могильники – остатки оседлой культуры населения Нижнего Поволжья домонгольского периода. Если бы процесс оседания кочевников на землю происходил в более позднее время, мы бы увидели это в особенностях погребений, в которых бы, безусловно, присутствовали следы кочевнических погребальных традиций.

Курганные некрополи кочевников Западного Казахстана и Нижнего Поволжья демонстрируют консервацию черт языческих погребальных традиций даже в период исламизации у кочевого населения. Между тем, у нас нет сравнительного материала, поскольку грунтовые могильники Нижнего Поволжья, обнаруженные на золотоордынских городищах, возникают гораздо позже, после запустения собственно городов Золотой Орды [8, с. 64–65].

Дельта Волги в золотоордынское время представляла собой очень неудобный для круглогодичного кочевания регион – многочисленные небольшие по площади заболоченные острова, перерезанные довольно широкими и глубокими протоками Волги (что позже, к концу XVIII в., повлияло и на предков современных юртовцев). Добавим к неблагоприятным для кочевания факторам то, что в XIV в. начался катастрофический подъём уровня Каспийского моря, который сделал невозможным существование крупных населённых пунктов в дельте. К этому периоду относится запустение Самосдельского городища, возникшего в домонгольский период [5, с. 43–47].

Унификация погребального обряда является косвенным признаком того, что он прошел длительный путь развития, и, возможно, на самом деле большая часть захоронений с могильников Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе принадлежит населению, мусульманизированному еще в домонгольский период, как предположил А.В. Шевченко [38, с. 156–157]. Мы не склонны оценивать иначе унификацию обряда и длительные традиции оседлости, отраженные в погребальном обряде населения, оставившего данные могильники. Данная точка зрения представляется нам правильной.

Итак, подводя итог вышесказанному, несомненно, что дельтовые острова в поздний домонгольский или раннезолотоордынский период стали ещё менее пригодны для кочевания. А население дельты золотоордынского периода представляло собой, скорее всего, по большей своей части, то же домонгольское («саксинское») население, которое доживало свой век в новых неблаго-

приятных природных (в связи с трансгрессией Каспия) и экономических (в связи с возникновением новых торговых центров – ордынских городов Нижневолжья) условиях. Период Астраханского ханства и дальнейшее развитие принесли уже новые реалии.

Рассмотренные археологические памятники интересны, богаты и перспективны для дальнейшей разработки, уже имеющей собственную традицию изысканий (длительностью в 40 лет), ведущихся постоянно силами астраханских археологов на территории Татаробашмаковского сельсовета.

Этнография села Татарская Башмаковка

Этническая история села Татарская Башмаковка – «Кизан – аула» также очень богата и своеобразна. Она неотделима от прошлого других татаро-«нугайских» поселений в близких окрестностях города Астрахани. Начать её рассмотрение целесообразно в общем комплексе регионального этнического развития, проблем здешнего краеведения.

Обратим внимание, прежде всего, на то, что местные жители, «юртовские», «нугайские» татары – это специфическая этническая группа тюркского населения Нижнего Поволжья, проживающая компактно в Приволжском р-не Астраханской области, а также в селе Солянка Наримановского района и предместьях города Астрахани – микрорайонах Мошаик и Нариманово (Зацарево, Тияк). Эта группа, как мы предполагаем, является наиболее ранним компонентом тюркского населения Астраханского края в составе России, и его формирование происходило под влиянием множества событий. Имея места жительства вокруг города Астрахани, юртовцы в течение своей истории впитывали в себя различные этнические элементы позднее пришедших народов (и это в предании о «Кыз – ана» подчёркнуто пусть косвенно, но всё же очень верно).

Имея наиболее вероятную «урало-ногайскую» («яицко-ногайскую») историческую основу при переселении (середина XVI в.), они уже к середине XIX в. начали ориентироваться на литературный язык и художественные образцы татар Среднего Поволжья, а затем и заключать браки с девушками из средневолжских семей-переселенцев⁵.

Издавна оседлые, казанские татары (полвека спустя – и мишарские) добровольно или по набору мигрировали на новый российский юг, начинали селиться в городе Астрахани (район нынешнего «Татар-базара» и микрорайон «Махалля») с конца XVII в. Число татар резко возросло за счёт участников похода Петра I «в Персиду» – за счёт т.н. «лашкаров», адмиралтейских государственных крестьян, оставшихся на жительство в Астрахани [18].

С основанием оседлых юртовских селений, средневолжские татары стали переезжать и в них. Потому в самом конце XVIII в. академик-энциклопедист И.-Г. (И.И.) Георги сообщал о юртовцах, что «все они происходят от ногайцев, однако ж находятся между ними немалое число и казанских татар, как

⁵ Отметим здесь тонкий (и, ситуативно, немаловажный) материально-денежный момент «встречи тюркских традиций». Калым при свадьбе (тюркск. и ног. «калын» – «остаток»), всегда традиционно богатый и объёмный у всех групп ногайцев, заменялся в случае, если невеста была из средневолжско-переселенческой, татарской семьи, сравнительно небольшим подарком, т.н. «бирнэ».

городских, так и деревенских» [15, с. 147–152]. В результате: не менее, чем каждая пятая семья в юртовских селениях (это отметил профессор Л.Ш. Арсланов [3, с. 506–513]) произошла от межобщинных браков в тюркской среде, и имеет в своем составе предков средневожских татар: казанских или же пензенско-нижегородских, «мишарских». Совершенно подтверждают этот тезис и наши исследования по населению Татарской Башмаковки.

Общий диалект татаро-башмаковских жителей (а казанские переселенцы переходят в сёлах на него, говоря «по-своему» обычно лишь дома) представляет собой интересное «островное» (лингво-пограничное, «межъязыковое») в тюркском мире – состояние (проф. Л.Ш. Арсланов): имеет ногайскую основу в лексике, отчасти, в фонетике, но сильное «наслоившееся» влияние (особенно, в грамматике) языка средневожских татар-переселенцев.

В юртовских ареалах средневожско-татарский язык казанских переселенцев – «*нечкэ сюзлэр*» (т.е. «тонкий, мягкий», близкий к элитно-литературному) – чётко отличается от здешнего особенного – «*ялтак сюзлэр*» («широкий, плоский», вроде бы, грубоватый, без строгих нормативных границ, свой собственный язык-диалект) – самими жителями, многие из которых владеют в разной мере и степени обоими речевыми стилями.

На базе знания юртовского диалекта, как замечалось и ранее [3, с. 506–513], легче изучать любой тюркский язык. И за счёт нечастого сочетания кыпчакских и огузских черт он будет всегда неплохо понятен и турку, и узбеку.

Старшее и, отчасти, среднее поколение здешних жителей обычно принимают для себя в быту два этнонима сразу – «*татар*» и «*нугай*» – как одинаково относящиеся к ним самим. Но если в юртовских сёлах на другом берегу Кизани при переписях проживающих встречаются проявления «ногайских» идентичности и самосознания, в Татарской Башмаковке это абсолютно не выражено.

Всегда отдельный, непростой вопрос – об «этнонимах», т.е. названиях народов и их групп (как своих собственных, так и данных «со стороны»). И три наименования – «ногайцы («нугайи»», «татары» и «юртовцы» сосуществуют уже несколько столетий. Пожалуй, «юртовцы» – это более точное историческое, летописное и научное обозначение. Однако оно употребляется и соседними тюрками.

Так, у отдалённо родственных юртовцам карагашей Красноярского р-на (ногайцев ещё и по самосознанию, только не «яицко-уральской», а «кубанской» ветви) жители Татарской Башмаковки и соседних сёл обозначаются как «карийле» (на татарский лад, в отдельных справочниках – «караюйлы»), т.е. как «черноюртовцы». Обозначение «юртовцы» встречается порой и у татар – потомков переселенцев из Среднего Поволжья в г. Астрахани (иногда связанных с таковыми родственно в семьях), оно становится всё более известным и самим представителям данной группы, стало даже встречаться в переписях.

Дело ещё и в том, что в современной отечественной науке юртовцы привлекают к себе всё более значительный интерес. Не утихают споры и дискуссии об истории и современном состоянии, этническом статусе и основах культуры данной группы – и в науке, и в СМИ, и в среде самого населения.

Некоторые учёные всегда и неизменно подчёркивали ногайские корни юртовцев (И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов [21], В.В. Трепавлов [33], В.М. Викторин [13] и др.). Другие рассматривали их в контексте развития поволжско-

татарского населения, не всегда поясняя и уточняя, имеются ли в виду «татары» прежнего Астраханского ханства (крайне малоизвестные науке) или «татары средневожские», переселявшиеся в город Астрахань и окрестности с конца XVII в. и, особенно, после Персидского похода императора Петра I, в XVIII–XIX вв. Данная версия особенно поддерживалась учёными из Казани и Москвы (Р.К. Уразманова, Д.М. Исхаков, в последние годы – И.В. Зайцев) [19]. Близко к данной точке зрения, но очень неточно (в связи с некими «астраханскими» татарами) интерпретируют материал молодые музыкальные этнофольклористы из Москвы и Казани Н.Р. Азизова [2] и Н.Г. Гайнуллина [14].

Учёные третьей группы вели речь о «переходном» типе этнокультурной традиции, «межъязыковом» статусе юртовского тюркского диалекта (Л.Ш. Арсланов [3], А.Р. Усманова [35] и др.). И.В. Торопицын в отношении юртовцев высказывает комбинированную точку зрения, что они при формировании вобрали в себя как компонент татар Астраханского ханства, пришедших из Волго-Уральского междуречья ногайцев и других представителей тюркских народов, позднее приписанных в юртовское сообщество [31; 32].

Для населения Татарской Башмаковки эти позиции приводят к формулированию следующих вопросов: сохранялось ли со времён Золотой Орды и Астраханского ханства (а иногда утверждают, что и более ранних периодов) население здесь, вокруг нынешнего села или/и на его месте? Или же состав жителей складывался заново, скажем, в период между рейдом отряда И. Заруцкого – М. Мамбеева – М. Мнишек с её сыном, и по итогам посещения края Петром I Великим, т.е. с начала XVIII по середину XIX вв.?

Но доказательств «хазарского» происхождения кого-либо из них не обнаруживается, а предполагаемая связь юртовцев с исчезнувшими «татарами орды и ханства» (И.В. Зайцев [19], Д.М. Исхаков [30] и др.) может заключаться лишь в том, что первые к середине XVIII в. заняли для своих поселений урочища (удобные природные объекты), покинутые вторыми в конце XIV – нач. XVI вв. (при походе Тамерлана, затем присоединении ханства к России). Этим и объясняется, как нам представляется, такое обилие старинных археологических памятников (отмеченных ранее – уже давно установленных и открываемых заново) в ареале проживания нынешних юртовцев вокруг города Астрахани.

Наша точка зрения на обозначенную проблему следующая: юртовцы (с выделявшимися в ревизиях до 1840-х гг. «джети/едисанцами» и зависимыми от музр Урусовых и Тим(н)баевых «джем/эмеками») – это уже сложившаяся общность. Все они (11 селений, но с различиями по 2–3 подгруппам) уже почти два века осознают свою субэтническую связь, диалектное единство и хозяйственно-культурную общность.

За время оседлого, стабильного проживания под Астраханью (примерно 2,5 века) в составе юртовской субэтнической общности возникла и некоторая оригинальная, но малоизученная внутренняя специфичность. Юртовцы разделяются по особенностям в говоре и прежнем родоплеменном составе, по названиям рек, где селения расположены. Это «зацаревско-кизанская», изначально собственно «юртовская» подгруппа (поселок Зацарево-Нариманово, села Каргали, Яксатово и Татарская Башмаковка) – до 10 тыс. чел., а также «болдинокутумская», иначе «джетисанская» (поселок Мошаик, села Килинчи, Три Протока, Кулаковка) – до 10 тыс. чел., и переходная между ними – «семиково-осып-

нобугровская» («прицаревская») – около 5 тысяч человек, ещё одна «солянская» (ранее – «соляно-кучергановская»), правобережная – около 5 тысяч человек.

Итак, согласно достоверным историческим источникам (хроникам, документам, свидетельствам путешественников), а также собственной фольклорной памяти, юртовцы (в первую очередь, именно «зацаревско-кизанские») являются потомками переселенцев-тюрок – очень давних, прибывавших добровольно в уже ставшее российским Нижнее Поволжье начиная с сер. XVI в.

Формирование этнической группы юртовцев (под их нынешним названием), завершилось к середине XVIII в. По примеру первоначального полукочевого поселения при Астрахани «Юрт» («Йорт»), основным типом дальнейших мест их стабильного проживания тогда были именно зимние стоянки. Они состояли из групп особых (небольших и неразборных) юрт, разбросанных зачастую без чёткого плана, но по определенному территориальному или родовому принципу.

Нами рассматривалось в этой связи и сообщение голштинского путешественника и художника А. Эльшлегера-Олеария от начала XVII в., что ногайцы «делятся на несколько орд или отрядов, идут к Астрахани» [28, с. 123], поселяются в конце осени именно так, вблизи города. Действительно, для данного периода было характерно кочевание юртовцев большими группами – улусами (иногда – «ордами»), во главе с «табунными головами». Юртовцы (и едисан / джетисанцы) делились административно-территориально на 15 улусов или табунов (очевидно от монгольского – «тумен», «туман» – 10 тыс. человек, воинов).

Астрахань. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...». Середина 1630-х – первая половина 1640-х гг.

Astrakhan. Engraving from A. Olearius's book "Description of a travel to Muscovy ...". The mid 1630s – the first half of the 1640s

Это было (как показали исследования в Государственном архиве Астраханской области) население каждого из их будущих сёл. Поскольку согласно известному в исторической науке правилу (Ф. Энгельс о сельской общине – «марке» у ранних германцев в Западной Европе), «каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников» [25, с. 330].

В качестве предводителей, «глав, голов» таких подразделений, выступали лучшие воины и их потомки («батыры, агалары»), а чаще – знатные «мурзы», прямые потомки легендарного Идегея, из фамилий Урусовых и Тинбаевых (Тимбаевых), часть которых впоследствии приняла христианство [27, с. 13].

Но кроме новой, возникшей в Нижневолжье, «улусной» системы деления, сохранялась и более архаичная – по родоплеменному признаку. Известно, что для всех кочевников и полукочевников принципиально значимо их родоплеменное устройство. Принадлежность «родовая» (литературное тюрко-татарское «ыру(г)», астраханско-тюркское «ру» – «род») была сопряжена для её носителей с особой территорией для совместных кочёвок, военной службой и боевым кличем – «уран» (сегодня они прочно забыты), отдельным кладбищем, обязанностью заключать брак «вне» своего рода (т.н. «экзогамия»), общей эмблемой, гербом – «тамгой», единым древним названием, сказанием о происхождении от знаменитого общего родоначальника, непреложным правилом для каждого «знать семь поколений предков» и мн. др.

В материалах о Нижневолжье в официальных документах царских приказов под датой 1648 г. (т.е. после переселения первых едисанцев/джетисанцев, но ещё до мощной экспансии калмыков) в документах названы 23 собственно юртовские родоплеменные группы, чьи названия отчасти памятны и сейчас: арслан – белек, ас, бурут (кыргыз), кан(г)лы, кенегес (кенегеш), кырк, курнат (исходное «кунград»), кыпчак (кымчак), кытай, найман (и каранайман), мын (ещё и с подразделениями оба и казан – (к)улаклы) и мангыт (с подразделением эсеней), нукус (нокус), оймаут, ток (тог-енче и тог-енгур), югур (уйгур), юйшун (уйсун). Упомянуты ещё два едисан/джетисанских, что очевидно: келечи и ту(й)лага (байрам), и одно иноэтническое – трухмен [34, с. 51]. Потомки группы рода керит были обнаружены соавторами этой статьи и их коллегами позже в с. Карагали (с 80-х гг. XX в.).

Учёными-номадологами, т.е. кочевниковедами, в России эти важные аспекты внимательно изучаются, начиная с середины XIX в. и до сих пор. Среди них выделяются такие имена, как Н.А. Аристов, семья Харузиных, С.М. Абрамзон и Л.П. Потапов, Ю.А. Зуев, Н.А. Баскаков и А.-Х.Ш. Джанибеков, Д.Г. Савинов, Р.Г. Кузеев, Г.Е. Марков, В.В. Востров и М.С. Муканов, В.В. Трепавлов, Р.Х. Керейтов [22] и др. Ими же исследованы были процессы седентаризации (оседания на землю) кочевников, с существеннейшей модификацией их культуры и быта – но обычно при сохранении (нередко весьма длительном) прежних степных традиций, правда, с наполнением их новым, резко отличным от прежнего, содержанием. Примеры тому в бытовых традициях тюркских и иных ранее кочевых народов весьма многочисленны.

При оседании на землю «родовая» община сменялась у множества народов мира «сельско-соседской», население перемешивалось и пополнялось новыми переселенцами. Прежние обязательства по строгой «родовой» принадлежности распались. Так вполне ощутимо происходило у юртовцев с середины

XVIII в., в т.ч. в Кизан-ауле, Татарской Башмаковке. И поныне многое из традиционных элементов прошлого сохранилось в памяти наиболее пожилых жителей села, что само по себе является большой удачей для ученых.

Не вызывает споров (или принимается всеми авторами как данность), что территория Татарской Башмаковки исторически заселялась в западном направлении по реке Кизань. В итоге в большом ауле возникло четыре малых общества, обычно именуемых «махалля» – «посёлок, квартал». Они составили пять «аулов – махалля», которые удалось выявить астраханским исследователям в экспедиционной работе 80-х гг. XX в. Это были «Курнат-аул», «Кинегес-аул», «Базар-аул» и «Куж-аул» («Ходжаул»).

Фото мечети «Базар-аула». 1928 г.

Photo of the “Bazar-aul” mosque. 1928

В каждой «махалля» находилась своя мечеть, которую представителям других обществ села (в нарушение иных основ ислама) посещать не полагалось. Органом общественного (само)управления был «маслагат, маслихат» – совет при мечети, рассматривающий самые ключевые вопросы жизни «аула» и бытовые проступки, правонарушения, во главе с самым уважаемым аксакалом (имам-настоятель мечети входил в него в качестве одного из равноправных членов). Но семьи многих наших собеседников, по их словам, меняли местожительство в разных концах Татарской Башмаковки, а, значит, и свои «махалля», поэтому о «чистоте» их состава говорить не приходится.

Предпосылкой для возникновения «махалля», как указывалось ранее (С.Г. Гмелин [16], П.А. Небольсин [27]), могли вполне быть зимовья («кишлак, кстау»), знаменовавшие переход от кочеваний к полукочевничеству: «на зимних стоянках постепенно возникали хозяйственные постройки – загоны

для скота..., которые сооружались из бурьяна и камыша. Они как бы свидетельствовали о праве собственности того или иного общества на этот участок. На зимних стоянках обычно оставляли и топливо (кизяк), которое заготавливали весной на следующую зиму... На зимовьях в начале в небольших размерах, а затем все в больших стали заготавливать также сено» [27, с. 34].

Название первых двух «махалля» Курнат и Кинегес связано с наименованиями древних тюрко-монгольских («чагатайских») племён: «кунград» и «кенегес», широко представленными и у других кыпчакских народов. Есть мнение, что «махалля» «Курнат» является для села исходной, наиболее ранней (мечеть «Курнат» существовала до конца 1930-х гг.). Эти термины («кунград (курнат)» и «кенегес») уцелели и памятны до сих пор. В других «махалля» старинные названия уже были забыты (и восстановить их уже вряд ли получится у нас или коллег), утрачены и заменены на другие, более понятные живущим («кужа» – ходжа, «базар»).

Таким образом, иногда старинный род (исторический «ру») мог давать название целому посёлку («махалля») в составе села. Более того, части одного и того же рода – «ру» – могли в XVI–XVII вв. оказываться совсем в разных «табунах», оседать в различных будущих сельских группах. Так, «махалля» Кинегеш-аул (с чуть изменённым названием) представлено и в микрорайоне Нариманово-Зацарево (Тияк-аул – бывший Юрт, Йорт). Также в соседних населённых пунктах юртовцев по рекам Цареву и Кизани отмечены «кыпчак (кымчак)», «бешогул», «керит» и др. (к башмаковцам они могли проникать по женской линии, через браки). В сёлах на другой стороне Волги представлены названия «каньга» (предположительно «кан(г)лы») и «кыргыз».

Но и сами «махалля» имели непростую внутреннюю структуру. Целые семьи (или даже группы семей, у А.Д. Мусаева – «кланы») имели свои, прежде общеизвестные, наименования. Данным автором выявлена также (уже внутри каждой «махалля») система таких семейных и межсемейных «прозвищ» (по-местному, – «атаклár», «ата́к»ов) [26, с. 294–296].

В итоге, становится ясно, что древние «родовые» обозначения (исторические «ру») модифицировались с конца XVIII в., не определяясь больше экзогамией (запретом браков внутри рода). Они сохраняли своё старинное звучание по отцовской линии лишь в силу традиции, становясь первыми «атак»ами, создавая примеры для возникновения новых, зачастую заменяясь ими.

Например, с научной точки зрения представляют интерес имена чагатайского «найман» (как «кунград, курнат» и «кенегес»), ещё древнетюркского «уйгур», общекыпчакского «алаш» и другие. Они остались в памяти населения и сохраняются помимо структуры «махалля» в обозначениях семейной передачи у части жителей Татарской Башмаковки.

Такой же интерес представляют сохранившиеся (в основном, на кладбищенских памятниках), остаточные «тамги» – в давние времена знаки собственности у оседавших кочевников, а позже и поныне – эмблемы-гербы ряда древних «ру» и некоторых, заложивших себе подобную же традицию, более новых «атак»ов.

Отметим только, что наиболее распространённое в казахской среде «алаш» показывает в Татаро-Башмаковке не более, чем связь народов тюрко-кыпчакского корня (включая всех ногайцев и юртовцев).

И совсем уж большой натяжкой было бы связывать напрямую, как порой делается (тем же А.Д. Мусаевым в соавторстве с Р.У. Джумановым [17]), по происхождению, диалекту и особенностям культуры, «ру» «уйгур», тамга – см. №1 в табл. – в Татарской Башмаковке с этносом уйгуров в китайском Синьцзяне (прежнем Восточном Туркестане), а «найман» – с большим и сильным, известным тюркским, монгольским или переходным меж ними племенем того же названия в Центральной Азии средних веков, враждебным Чингиз-хану и склонном к несторианскому христианству. Ничего подобного тем традициям, общей антропологии или прямой близости по языку, кроме сходного наименования, ныне не осталось.

Таблица. Тамги

Можно предположить, что существовали и другие связи с «правой» стороной Волги. В Татарской Башмаковке известно также название «рода» «утар» (Ахмедовы, тамга «шэнешке», литературное татарское «чэнечке» – «вилка» – см. №2 в табл.). Оно, возможно, отсылает к смешанной группе «кочевых юртовцев», утаро-алабугатцев (на самом деле, совокупности 4–6 отдельных родов), возникшей между 1771–1782 гг. и жившей недалеко от нынешнего мишаро-татарского села Янго-Аскер (бывший аул Иш-Тюбе) до калмыцкой границы. Действительно, некоторые семьи здесь имели родственные связи с татаро-башмаковцами. Впрочем (для сопоставления), в джетисанском по истокам селе Тулугановка (Кундрау) такой же «род» «утар» просто объединил потомков мужчины по имени Утар, жившего на рубеже XIX–XX вв.

Подчас равноправными с «родовыми» именами становились всё чаще и простые семейные имена, наподобие прозвищ. Так, рассказывают о себе представители нового «ру» – «манже», тамга «кылыш» – «меч, сабля» – см. №3 в табл. (Абдулвагаповы): «дед с калмыком дружил, тоже духовного, похожего на своё, звание; они часто виделись, и их одинаково стали звать»

(калмыцкое «манжи(к)» – младший священнослужитель или ученик). Похожим образом могло возникнуть и обозначение «кукан» (Мусаевы), их переосмысленная старинная тамга «с остриём». Как и совсем особая, широко известная тамга рода «алаш» – см. №4 в табл. (Мулляминовы).

Фото тамговых знаков на плитах кладбища
с. Татарская Башмаковка. 2009 г.

Photo of tamga marks on the plates of the cemetery
of the Tatarskaya Bashmakovka village. 2009

Точно так же обстоит дело и с родовыми знаками – «тамгами» – поначалу соответствовавшими отдельным «ру». В принципе, общей положительной оценки заслуживают (с замечаниями по короткому сроку привлечённого материала, в основном – конец 30-х гг. XX в.) усилия местных краеведов Р.У. Джуманова и А.Д. Мусаева, осуществивших осенью 2008 г. сбор надписей на уцелевших памятниках сельского кладбища, холм «Кос-Тюбе» [17]. Тогда было обработано свыше 60-и знаков-«тамг», в т.ч. 15 составных, относящихся к 17 фамилиям («атак», иногда «ру»), бытующим в селе и по сей день. Авторами данной статьи, в процессе полевых опросов, было добавлено ещё 5. Все они, конечно, отражали связи одинаково обозначаемых семей, их общие интересы.

Символы эти имеют, действительно, достаточно древнее происхождение, несколько схожих с аналогичными у других тюркских народов юга России и Средней Азии. Однако имеются серьёзные основания для того, чтобы считать таковые уже не «родовыми», а именно «семейно-групповыми».

Эти знаки-тамги, разумеется, крайне важны – и в культурно-бытовом, и в исследовательском плане, поскольку всегда информативны, хотя весьма неоднозначны и очень переменчивы. По словам одного из ведущих учёных по проблеме, ногаевода Р.Х. Керейтова, все они отражают «если не родственные, то другие связи, хотя ... указывая на принадлежность к определённом племени, могут ввести и в заблуждение» [23, с. 149]. Обозначенный тонкий момент эволюции и модификаций, многозначности и сочетания, смычки знаков-тамг, нужно всегда и непременно, как представляется, иметь в виду, прослеживать на примерах.

Так, тамга «ковш» – «шомыш» в разных её формах – см. №5 в табл.) использовалась в разных «махалля» и носителями различных «родовых» названий. А представители того же рода «найман» могли жить в отдалённых друг от друга концах села, где строили свои стационарные жилища, иметь прори-

совки «тамг» довольно различные («кылыш» – «меч» – см. №6 в табл. и один из вариантов «сэнэк» – «вилы» – см. №7 в табл.).

Условно можно считать (материалы Р.У. Джуманова и А.Д. Мусаева, а также И.З. Абдулвагапова и др., в общем, отвечают такому выводу), что с семьями в «махалля» Курнат могли соотноситься тамги «бусага» – «порог» – см. №8 в табл. и «казаяк» – «гусиная лапка» – см. №9 в табл., а в «махалля» «Кинегес» – в большей мере, тамга «тарак» – «расчёска, гребень» в различных её начертаниях – см. №10 в табл. Но проверка этого тезиса в современных условиях весьма непроста и выходит за рамки нашего исследования.

Причём, в отличие от собственно кочевников, «тамга» у юртовцев уже не была «тавром»; скот метился иначе. Семейной «тамгой» обозначались участки земли, она выбивалась на надмогильных памятниках, иногда служила знаком на перстне-печатке, изредка могла изображаться на фронте дома.

Итак, внутрисельская, групповая (межсемейная) структура жителей Татарской Башмаковки изначально, со времён оседания и становления земледелия, была весьма сложной. Остаётся она, отчасти, таковой и по сей день – сохраняясь в веках с переосмыслением или оформляясь заново, но по-прежнему, традиционному типу. И процесс перехода от кочевой жизни к полукочевой-полuosедлой и, наконец (после петровского Персидского похода 1722–1723 гг.), к оседлому земледелию (седентаризация) заслуживает в истории юртовцев отдельного внимания. Равно как и образование 11 отдельных населённых пунктов, их внутренняя структура (кварталов, микрорайонов – «махалля»), новые структуры социального устройства и управления (обычно отдалённо напоминавшие прежние, кочевые, но наполненные новым содержанием).

* * *

Рассматриваемая территория села Татарская Башмаковка и окрестностей предельно богата и интересна в общекраеведческом, археологическом, историческом, этнокультурном, топонимическом отношении, и многих других важных аспектах. Они связаны между собой разновременными культурными контекстами. Археологическое наследие территории требует дальнейшего изучения, особенно в связи с исследованием памятников культурной округи Саксина. Следует продолжать исследования и в этнографическом направлении. Можно констатировать, что в данной местности произошла локализация одной из ранних тюркских групп населения Астраханского края, юртовских татар, которые стали связующим звеном в преемственности традиций нижне-волжского населения от средневековья к новому и новейшему времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Хамид ал-Гарнати*. Сочинения. М., 2010. 184 с.
2. *Азизова Н.Р.* Традиционно-обрядовая культура локальных этнических групп в современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии. М., 2009. 330 с.
3. *Арсланов Л.Ш.* Юртовских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек., 1997. С. 506–513.
4. *Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2001. 688 с.

5. *Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А.* Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий*. Астрахань, 2001. С. 43–47.
6. *Васильев Д.В.* Новые данные о городе и области Саксин // *Поволжская археология*. 2015. №2.(12). С. 189–267.
7. *Васильев Д.В.* Где находились город и область Саксин? (постановка проблемы) // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2012. №4 (33). С. 13–20.
8. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. 191 с.
9. *Васильев Д.В.* Захоронения из окрестностей поселения Тумак-Тюбе // *Астраханские краеведческие чтения*. Т. I. Астрахань, 2009. С. 53–57.
10. *Васильев Д.В.* Могильники Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе // *Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки*. Вып. 1. Астрахань, 2009. С. 85–92.
11. *Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д.* К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // *Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации*. Астрахань, 2011. С. 158–166.
12. *Васькин Н.М.* Заселение Астраханского края. Волгоград – Астрахань, 1973. 47 с.
13. *Викторин В.М.* Мурзы и эмеки: О социальной и этнической структуре астраханских юртовских ногайцев в XVII–XIX вв. // *Научный вестник Астраханского филиала ВАГС*. Волгоград, 2005. Вып. 2. С. 57–74.
14. *Гайнуллина Н.Г.* Эпическая традиция ногайских татар Астраханской области. Диссертация на соискание ученой степени канд. искусствоведения. Казань, 2003. 606 с.
15. *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. СПб., 2007. 799 с.
16. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкасска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах. СПб., 1806. 272 с.
17. *Джуманов Р.У., Мусаев А.Д.* История села Башмаковка. Астрахань, 2008. 10 с.
18. Дополнения к Актам историческим, изданным Археографической комиссией. Т.Х. СПб., 1867. 504 с.
19. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. 303 с.
20. Из глубины столетий / Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л. Хамидулина. Казань, 2000. 271 с.
21. *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. Черкесск, 1988. 233 с.
22. *Керейтов Р.Х.* Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей). Ставрополь-Черкесск, 1999. 174 с.
23. *Керейтов Р.Х.* Ногайцы: особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь-Черкесск, 2009. 463 с.
24. Листая памяти страницы ... (Юбилейный сборник к 25-летию со дня образования Приволжского района) / ред. Л.В. Боярчук. Астрахань, 2005. 126 с.
25. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. М., 1961. 670 с.
26. *Мусаев А.Д.* Трансформация родоплеменных сообществ юртовцев (карайиле) в семейно-клановые группы в современности // *Астраханские краеведческие чтения*. Т. 2. Астрахань, 2010. С. 294–296.
27. *Небольсин П.И.* Очерки Волжского Понизовья. СПб., 1852. 213 с.
28. *Олеарий А.* Путешествие в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 582 с.
29. Список фабрик и заводов Российской империи / Под ред. Е.В. Варзара. Ч.1. СПб., 1912. 720 с.
30. Татары. М., 2001. 583 с.

31. *Торопицын И.В.* Юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в первой половине XVIII в. // Тюркологический сборник. М., 2013. С. 375–412.
32. *Торопицын И.В.* Взаимоотношения астраханских властей с привилегированным слоем астраханских юртовских татар в XVIII в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. №2 (39). С. 228–234.
33. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.
34. *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Т. VII. М.-Л., 1949. 264 с.
35. *Усманова А.Р.* Этномузыкальные параллели татар и тюркских этнических групп (ногайцев-карагашей, туркмен и казахов) Астраханской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Астрахань, 2008. 22 с.
36. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 276 с.
37. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы. 1969. № 169. С. 253–261.
38. *Шевченко А.В.* Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (По краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XXXVI. Л. 1980. С. 139–168.

Сведения об авторах: Виктор Михайлович Викторин – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков Астраханского государственного университета (414056, ул. Татищева, 20а, Астрахань, Российская Федерация). E-mail: victvic@mail.ru

Дмитрий Викторович Васильев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета, руководитель Центра «Археология Нижнего Поволжья» Астраханского государственного университета (414056, ул. Татищева, 20а, Астрахань, Российская Федерация). E-mail: hvdv@mail.ru

Эльдар Шамигуллович Идрисов – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (414024, ул. Б. Хмельницкого, 33, корп. 1, Астрахань, Российская Федерация). E-mail: idrisel@mail.ru

Марина Маратовна Имашева – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, этнологии и археологии Казанского (Приволжского) Федерального университета (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация). E-mail: imaschewa@yandex.ru

*Поступила 14.01.2019 Принята к публикации 01.03.2019
Опубликована 29.03.2019*

REFERENCES

1. Abu Khamid al-Gharnati. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, 2010. 184 p. (In Russian)
2. Azizova N.R. *Traditsionno-obryadovaya kul'tura lokal'nykh etnicheskikh grupp v sovremennoy Rossii* [Traditional ritual culture of local ethnic groups in modern Russia].

Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora kul'turologii [Dissertation for the degree of doctor of cultural studies]. Moscow, 2009. 330 p. (In Russian)

3. Arslanov L.Sh. Yurtovskikh tatar (astrakhanskikh nogaytsev) yazyk [The language of the Yurt Tatars (Astrakhan Nogais)]. *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [World languages. Turkic languages], Bishkek, 1997, pp. 506–513. (In Russian)

4. Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [The history of the Khazars]. St.Petersburg, 2001. 688 p. (In Russian)

5. Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P., Arzhantseva I.A. Gorodishche «Samosdelka»: predvaritel'nye rezul'taty i perspektivy kompleksnykh pochvenno-landshaftnykh issledovaniy [Ancient settlement “Samosdelka”: preliminary results and prospects of complex soil and landscape research]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya na rubezhe tysyacheletiy* [Archaeology of the Lower Volga region at the turn of millennia]. Astrakhan, 2001, pp. 43–47. (In Russian)

6. Vasil'ev D.V. Novye dannye o gorode i oblasti Saksin [New data about the city and region of Saqsın]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga region archaeology]. 2015, no. 2.(12), pp. 189–267. (In Russian)

7. Vasil'ev D.V. Gde nakhodilis' gorod i oblast' Saksin? (postanovka problemy) [Where was the city and the region of Saqsın? (formulation of the problem)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economy, culture]. 2012, no. 4 (33), pp. 13–20. (In Russian)

8. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoy Orde: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Islam in the Golden Horde: historical and archaeological research]. Astrakhan, 2007. 191 p. (In Russian)

9. Vasil'ev D.V. Zakhoroneniya iz okrestnostey poseleniya Tumak-Tyube [Burials from the vicinity of the settlement of Tumak-Tyube]. *Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya* [Astrakhan local lore readings]. Astrakhan, 2009, Vol. 1, pp. 53–57. (In Russian)

10. Vasil'ev D.V. Mogil'niki Khan-Tyube i Tumak-Tyube [Burials of Khan-Tyube and Tumak-Tyube]. *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki* [The crossroads of history. Actual problems of historical research]. Astrakhan, 2009. Is. 1, pp. 85–92. (In Russian)

11. Vasil'ev D.V., Zilivinskaya E.D. K voprosu ob interpretatsii Samosdel'skogo gorodishcha na raznykh etapakh ego sushchestvovaniya [To the question of interpretation of the Samosdel'ska ancient settlement at different stages of its existence]. *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniya i interpretatsii* [The Samosdelka ancient settlement: issues of research and interpretation]. Astrakhan, 2011, pp. 158–166. (In Russian)

12. Vas'kin N.M. *Zaselenie Astrakhanskogo kraya* [The settlement of the Astrakhan region]. Volgograd – Astrakhan, 1973. 47 p. (In Russian)

13. Viktorin V.M. Murzy i emeki: O sotsial'noy i etnicheskoy strukture astrakhanskikh yurtovskikh nogaytsev v XVII–XIX vv. [The Murzas and Yemeks: On the social and ethnic structure of the Astrakhan Yurt Nogais in the 17th–19th centuries]. *Nauchnyy vestnik Astrakhanskogo filiala VAGS* [Scientific Bulletin of the Astrakhan branch of VAGS]. Volgograd, 2005, Iss. 2, pp. 57–74. (In Russian)

14. Gaynullina N.G. *Epicheskaya traditsiya nogayskikh tatar Astrakhanskoy oblasti*. [Epic tradition of the Nogai Tatars of the Astrakhan region]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kand. iskusstvovedeniya [Ph.D. thesis in art criticism]. Kazan, 2003. 606 p. (In Russian)

15. Georgi I.-G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostoprimechatel'nostey* [Description of all peoples living in the Russian state: their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, entertainments, religions and other characteristics]. St. Petersburg, 2007. 799 p. (In Russian)

16. Gmelin S.G. *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv estestva*. Ch. 1. *Puteshestvie iz Sankt-Peterburga do Cherkasska, glavnogo goroda donskikh kazakov v 1768 i 1769 godakh* [Journey through Russia aimed at researching the three kingdoms of nature. Part 1. Travel from St. Petersburg to Cherkassk, the main city of the Don Cossacks in 1768 and 1769]. St. Petersburg, 1806. 272 p. (In Russian)

17. Dzhumanov R.U., Musaev A.D. *Istoriya sela Bashmakovka* [The history of the village Bashmakovka]. Astrakhan, 2008. 10 p. (In Russian)

18. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, izdannym Arkheograficheskoy komissiei* [Additions to historical acts, published by the Archeographic Commission]. Vol. X. St. Petersburg, 1867. 504 p. (In Russian)

19. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan khanate]. Moscow, 2006. 303 p. (In Russian)

20. *Iz glubiny stoletiy* [From the depths of centuries]. Sost., vstupitel'nye stat'i i komm. B.L. Khamidullina. Kazan, 2000. 271 p. (In Russian)

21. Kalmykov I.Kh., Kereyrov R.Kh., Sikaliyev A.I. *Nogaytsy* [The Nogays]. Cherkessk, 1988. 233 p.

22. Kereyrov R.Kh. *Etnicheskaya istoriya nogaytsev (k probleme etnogeneticheskikh svyazey)* [Ethnic history of the Nogais (to the problem of ethnogenetic relations)]. Stavropol-Cherkessk, 1999. 174 p. (In Russian)

23. Kereyrov R.Kh. *Nogaytsy: osobennosti etnicheskoy istorii i bytovoy kul'tury* [The Nogais: peculiarities of ethnic history and everyday culture]. Stavropol-Cherkessk, 2009. 463 p. (In Russian)

24. *Listaya pamyati stranitsy... (Yubileyny sbornik k 25-letiyu so dnya obrazovaniya Privolzhskogo rayona)* [Flipping through the memory page ... (Jubilee collection for the 25th anniversary of the Cis-Volga region)]. Red. L.V. Boyarchuk. Astrakhan, 2005. 126 p. (In Russian)

25. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings]. Vol. 19. Moscow, 1961. 670 p. (In Russian)

26. Musaev A.D. Transformatsiya rodoplemennykh soobshchestv yurtovtsev (karaiyle) v semeyno-klanovye gruppy v sovremennosti [The transformation of the tribal communities of the Yurtovtsy (Karayle) into the family and clan groups of our time]. *Astrakhanskies kraevedcheskie chteniya* [Astrakhan local lore readings]. Vol. 2. Astrakhan, 2010, pp. 294–296. (In Russian)

27. Nebol'sin P.I. *Ocherki Volzhskogo Ponizov'ya* [Essays on the Volga lower reaches]. St. Petersburg, 1852. 213 p. (In Russian)

28. Olearius A. *Puteshestvie v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [The journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. St. Petersburg, 1906. 582 p. (In Russian)

29. *Spisok fabrik i zavodov Rossiyskoy imperii* [List of factories and plants of the Russian Empire]. Pod red. E.V. Varzara. Vol. 1. St. Petersburg, 1912. 720 p. (In Russian)

30. *Tatary* [The Tatars]. Moscow, 2001. 583 p. (In Russian)

31. Toropitsyn I.V. Yurtovskie tatary v orbite vnutrenney i vneshney politiki Rossii v pervoy polovine XVIII v. [The Yurt Tatars in the orbit of domestic and foreign policy of Russia in the first half of the 18th century]. *Tyurkologicheskii sbornik* [Turkological collection]. Moscow, 2013, pp. 375–412. (In Russian)

32. Toropitsyn I.V. Vzamootnosheniya astrakhanskikh vlastey s privileirovannym sloem astrakhanskikh yurtovskikh tatar v XVIII v. [Relations between the Astrakhan authorities and the privileged layer of the Astrakhan Yurt Tatars in the 18th century]. *Kaspiyskiy region: politiki, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economy, culture]. 2014, no. 2 (39), pp. 228–234. (In Russian)

33. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, 2002. 752 p. (In Russian)

34. Trofimova T.A. *Etnogenez tatar Povolzh'ya v svete dannykh antropologii* [Ethnogenesis of the Tatars of the Volga region in the light of the data of anthropology]. Vol. VII. Moscow–Leningrad, 1949. 264 p. (In Russian)

35. Usmanova A.R. *Etnomuzikal'nye paralleli tatar i tyurkskikh etnicheskikh grupp (nogaytsev-karagashey, turkmen i kazakhov) Astrakhanskoy oblasti* [Ethnomusical Parallels of Tatars and Turkic ethnic groups (Nogais-Karagash, Turkmens and Kazakhs) of the Astrakhan region]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata iskusstvovedeniya [Ph.D. thesis in art study]. Astrakhan, 2008. 22 p. (In Russian)

36. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [The Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde's khans]. Moscow, 1966. 276 p. (In Russian)

37. Fedorov-Davydov G.A. Gorod i oblast' Saksin v XII–XIV vv. [The city and the region of Saqs in the 12th–14th centuries]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy* [Antiquities of Eastern Europe]. 1969, no. 169, pp. 253–261. (In Russian)

38. Shevchenko A.V. Antropologicheskaya kharakteristika srednevekovogo naseleniya nizov'ev Volgi (Po kraniologicheskim materialam iz mogil'nika Khan-Tyube) [Anthropological characteristics of the medieval population of the lower Volga (based on craniological materials from the Khan-Tyube burial ground)]. *Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii AN SSSR* [Research in paleoanthropology and craniology of the USSR. The collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Vol. XXXVI, Leningrad, 1980, pp. 139–168. (In Russian)

About the authors: Victor M. Victorin – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Astrakhan State University (20a, Tatischev Str., Astrakhan 414056, Russian Federation). E-mail: victvic@mail.ru

Dmitry V. Vasil'ev – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Astrakhan State University (20a, Tatischev Str., Astrakhan 414056, Russian Federation). E-mail: hvdv@mail.ru

Eldar Sh. Idrisov – Cand. Sci. (Politology), Assistant Professor, Astrakhan branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (33, building 1, B. Khmel'nitsky Str., Astrakhan 414024, Russian Federation). E-mail: idrisel@mail.ru

Marina M. Imasheva – Dr. Sci. (History), Assistant Professor, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation). E-mail: imaschewa@yandex.ru

Received January 14, 2019 Accepted for publication March 1, 2019

Published March 29, 2019

УДК 93(093)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.115-130

ЕЩЕ РАЗ О СОЧИНЕНИИ КАДЫР-АЛИ-БЕКА («ДЖАМИ АТ-ТАВАРИХ / СБОРНИК ЛЕТОПИСЕЙ»)*

Хироюки Нагаминэ

*Национальный институт технологии, Ояма колледж
Ояма, Япония*

h_nagamine@oyama-ct.ac.jp

Цель: проанализировать вопросы о рукописях сочинения Кадыр-Али-бека, исследовать его ценность в качестве исторического источника, его источники и их влияние на историческое понимание автора.

Материалы исследования: в ходе изучения рукописей сочинения Кадыр-Али-бека были проанализированы и другие исторические источники: «Чингиз-наме/Кара таварих» Утемиша-хаджи, «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми, анонимное сочинение «Дафтар-и Чингиз-наме», помимо специализированных научных работ по истории Джучидов и позднеджучидских государств.

Результаты и научная новизна: в результате анализа трех рукописей сочинения Кадыр-Али-бека мы пришли к выводу что, в отличие от Санкт-Петербургской и Казанской рукописей, Парижская рукопись принадлежала другому лицу. Из анализа этого сочинения мы выяснили, что отношения между Джучидами и мангытами стали более тесными благодаря отношениям между ханом и беками/бийами и брачным связям (*куда-анда*). В качестве влияния этого сочинения на поздний период мы указали на возможность того, что оно повлияло прямо или косвенно на генеалогию Юсуповых. Кроме того, в этом сочинении проявляется следующее историческое восприятие: автор пытался утверждать легитимность и идентичность Касимовского ханства на основе «принципа Чингизида»; это сочинение наследовало традицию тюрко-монгольской историографии, основанной на всеобщей истории «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина; автор воспринимал историю позднеджучидских государств как непрерывно продолжавшуюся от Джучидов (Монгольской империи) и считал распад государства Джучидов не новой эпохой, а периодом реорганизации и смены правящих линий внутри династии Джучидов; историческое понимание автора также глубоко отразилось в порядке дастанов в оригинальной части; автор оправдывал или не мог не оправдывать господство Московского царя над позднеджучидскими государствами, и фраза «долг соли и хлеба (*туз-өтмэк хаккы*)» хорошо показывает, что Касимовское ханство фактически принимало господство «языческого» московского царя и теоретически узаконивало такое положение.

Ключевые слова: сочинение Кадыр-Али-бека, Касимовское ханство, историческое понимание, «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина, *куда-анда*, генеалогия Эдиге, «принцип Чингизида», тюрко-монгольская историография, непрерывность от Джучидов, «долг соли и хлеба (*туз-өтмэк хаккы*)»

Для цитирования: Нагаминэ Х. Еще раз о сочинении Кадыр-Али-бека («Джами ат-таварих / Сборник летописей») // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 115–130. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.115-130

* Эта статья написана на основе доклада, сделанного на Международной научной конференции, посвященной 200-летию выдающегося татарского ученого-просветителя «Научное наследие и общественная деятельность Шигабутдина Марджани» (г. Казань, 20–21 сентября 2018 г.). Кроме того, эта статья частично основана на [34].

RETHINKING QĀDIR ‘ALĪ BEG’S HISTORIOGRAPHY (JĀMI‘ AL-TAVĀRĪKH)*

Hiroyuki Nagamine

*National Institute of Technology, Oyama College
Oyama, Japan
h_nagamine@oyama-ct.ac.jp*

Abstract: *Research objective:* To analyze the issues concerning the manuscripts of Qādir ‘Alī Beg. To investigate the value of his work as a historical source, its sources and their influence on the historical perceptions of the author.

Research materials: In the course of studying the manuscripts of Qādir ‘Alī Beg’s work, other historical sources were also analyzed: *Chingīz-nāme/Qara Tavārīkh* of Ötāmish Hājī, *‘Umdet al-Akhhbār* of ‘Abd al-Ghaffār Qīrīmī, the anonymous *Daftar-i Chingīz-nāme*, in addition to specialized research on the history of the Jochids and the Later Jochid States.

Results and novelty of the research: An analysis of the three manuscripts of Qādir ‘Alī Beg’s work suggests that unlike those of St. Petersburg and Kazan, the Paris manuscript belonged to another person. From the analysis of the work, we found that the relationship between the Jochids and the Manghits was strengthened through the relations of khan–beg/bī and marriage (*quda-anda*). In terms of the influence of this work on later periods, we noted the possibility that it influenced, either directly or indirectly, the Yusupov genealogy. In addition, in this work, in terms of historical recognition, the author tried to assert both the legitimacy and the identity of the Kasimov khanate using the “principle of Chinggisid”. Thus, the work inherited the tradition of Turco-Mongolian historiography being connected with general history which was prevalent after the composition of the *Jāmi‘ al-Tawārīkh* of Rashid al-Dīn. The author recognized the history of the Later Jochid States as continuing from the Jochids (the Mongol Empire) and considered the collapse of the Jochids not as a new epoch following the disappearance of the Jochid State, but as one of reorganization and changes within the ruling Jochid lineages. The historical recognition of the author is also deeply reflected in the order of dastans in the original. Although the author justified, or could not but justify, the domination of the Muscovite tsar over the Later Jochid States, the phrase “duty of salt and bread (*tuz-ötmāk haqqī*)” well illustrates that the Kasimov Khanate actually accepted the domination of the “pagan” Muscovite tsar and theoretically legitimated this situation.

Keywords: Qādir ‘Alī Beg’s historiography, Kasimov khanate, historical recognition, *Jāmi‘ al-Tawārīkh* of Rashid al-Dīn, *quda-anda*, genealogy of Edigü, “principle of Chinggisid”, Turco-Mongolian historiography, continuousness from the Jochids, “duty of salt and bread (*tuz-ötmāk haqqī*)”

For citation: Nagamine H. Rethinking Qādir ‘Alī Beg’s Historiography (*Jāmi‘ al-Tavārīkh*). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 115–130. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.115-130

* This article was written on the basis of a presentation at the International Scientific Conference on 200th anniversary of the prominent Tatar scholar, enlightener “Scientific Legacy and Social Activities of Shihab al-Din al-Marjani” (Kazan, September 20–21, 2018). In addition, this article is partially based on [34].

Сочинение Кадыр-Али-бека («Джами ат-таварих/Сборник летописей»)¹ является тюркским источником, составленным в 1602 г., его автор был из племени джалаир и служил Касимовскому хану Ураз-Мухаммеду (1600–10 гг.). Согласно тому, как его представили И. Березин и М.А. Усманов [2; 3; 18, с. 33–95], содержание этого сочинения является нижеследующим:

I. Введение и посвящение царю Борису Годунову (1598–1605 гг.).

II. Тюркский сокращенный перевод (или переложение) тома I «истории монголов» «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина (сост. в начале XIV в.), сосредоточенный на генеалогической информации об Огуз-хане, предках Чингиз-хана, Чингиз-хане и его потомках.

III. Оригинальная часть, состоящая из девяти дастанов о линиях Джучидов от Урус-хана (1368/69–78 гг. предок Ураз-Мухаммед-хана) до Ураз-Мухаммед-хана – дастан-и Урус-хан, Токтамыш-хан, Тимур-Кутлу-хан (Тимур-Кутлук-хан), Хаджи-Гирей-хан, Хаджи-Мухаммед-хан, Булгаир-хан (Абу-л-Хайр-хан), Йадкар-хан и Ураз-Мухаммед-хан – и Идиге (Идегей, Эдиге, Едигей, Эдигу) из мангытов (Ногайской Орды).

В частности, оригинальная часть, не описанная в «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина, включает в себя оригинальную информацию о Джучидах (*Улус-и Джучи*, Золотая Орда, Golden Horde) и позднеджучидских (позднезолотоордынских) государствах в XIV–XVI веках.

Источники, написанные в позднеджучидских государствах, в том числе и это сочинение, имеют характер письменных источников, следовательно, в них можно найти исторические факты или их отражения [35, р. xiii–xxv; 8, с. 44–52], хотя и на фоне устной традиции в кочевом обществе [20, с. 25–26; 21, с. 57]. Кроме того, они сохраняют повышенную возможность того, что мы можем найти отображение исторического восприятия в эпоху Джучидов и позднеджучидских государств.

В этой статье мы анализируем вопросы о рукописях этого сочинения и исследуем его ценность в качестве исторического источника, его источники и влияние на поздний период и историческое понимание автора. Об истории исследования этого сочинения [см. 18, с. 33–35; 13, с. 6–26; также 34, р. 6–8]². Критический текст этого сочинения на основе Санкт-Петербургской рукописи [2. К сожалению, он отражал недостающие части рукописи в оригинальной части], транскрипции и переводы [13; 14; 9; 6, б. 7–36 и др].

¹ На самом деле название этого сочинения неизвестно, но обычно оно называется «Джами ат-таварих / Сборник летописей» в честь сочинения Рашид ад-дина [2, с. 544; 3, с. II].

² Трудно окончательно разрешить вопросы о личности Кадыр-Али-бека и языке этого сочинения. Усманов считал, что Кадыр-Али-бек является неким карачи (карача), который был захвачен Москвой с Ураз-Мухаммедом в Сибири в 1588 году [18, с. 40–46]. Но, как А.В. Беляков также критиковал недавно [1, с. 233–234], карачи принадлежал Сибирскому ханству, то есть это противоречит описанию самого Кадыр-Али-бека: находился «на служении от [поколения] предков Его величества Ураз-Мухаммед-хана» [40, ф. 157а; 41, ф. 68б. Усманов рассматривал это описание лжесвидетельством]. Для разрешения этого вопроса требуется более тщательное обследование.

Рукописи сочинения Кадыр-Али-бека

1. Санкт-Петербургская рукопись, Казанская рукопись

В настоящее время известны только две рукописи: Санкт-Петербургская рукопись [40] и Казанская рукопись [41, ф. 1а–69а]³, которые содержат почти все это сочинение, особенно оригинальную часть. Усманов подробно представил информацию о двух рукописях [18, с. 35–39]. Санкт-Петербургская рукопись (дата списка 1051/1641–42 г.), использованная для текста Березина, включает посвящение Борису Годунову (первое фолио отсутствует), но некоторые части отсутствуют в оригинальной части, и ее фолио частично не соответствуют порядку. Однако, кажется, она содержит больше положительных моментов (точность написания слов, правильность предложений и т.д.), чем Казанская рукопись. С другой стороны, в Казанской рукописи (дата списка 5 рамазана 1144/2 марта 1732 г.) отсутствует посвящение Борису Годунову, но ее оригинальная часть почти полна.

2. Берлинская рукопись, Лондонская рукопись, Парижская рукопись.

С другой стороны, Х.Ф. Хофман упоминает, за исключением рукописей Санкт-Петербургской и Казанской, три рукописи [29, р. 115]: Берлинскую рукопись, Лондонскую [39, f. 1b–26a] и Парижскую [38]. Номер Берлинской рукописи неизвестен, мы не можем подтвердить ее существование. Лондонская рукопись содержит только часть, связанную с Огуз-ханом, после чего следуют «Шаджара-йи турк» Абу-л-Гази (сост. в Хивинском ханстве в 1665 г.) и др. [см. также 42, р. 282–283].

Парижская рукопись заслуживает внимания. По словам Э. Блоше, Парижская рукопись (сост. в 1005/1596–97 г., и дата списка 7 сафара 1258/20 марта 1842 г.) – «тюркский перевод «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина (*тарджума-йи турки-йи Джами'-и Рашиди*)», который состоит из истории мира и истории монголов [38, f. 1a; 23, р. 57–58]. Однако в этой рукописи отсутствует оригинальная часть⁴. Можно строить гипотезу на информации Блоше о том, что Парижская рукопись – перевод «Джами ат-таварих» Рашида, сделанный до восшествия Ураз-Мухаммеда на престол Касимова (1600 г.), и что Кадыр-Али-бек после восшествия Ураз-Мухаммеда, сократив часть истории монголов, добавил посвящение царю Борису Годунову и оригинальную часть, а затем завершил это сочинение.

Однако мы не можем подтвердить, что автором Парижской рукописи является Кадыр-Али-бек, и сомневаемся в этом. Насколько Санкт-Петербургская рукопись и Казанская рукопись переведены в соответствии с содержанием «Джами ат-таварих» Рашида, настолько описание Парижской рукописи часто отличается от нее (например, большая часть описания Чингиз-хана и его потомков, включая Джучидов, опущена, кроме Чингиз-хана и Хулагидов до Аргун-хана), и ее стиль не такой, как в Санкт-Петербургской и Казанской рукописях. Если мы рассматриваем сокращение, исправление и перемену в

³ Последняя часть Казанской рукописи [ф. 70а–79б] содержит «Дафтар-и Чингиз-наме».

⁴ Д. ДеВиз и А.Дж. Франк также упоминают Парижскую рукопись с небольшим сомнением в отношении нее, при этом Франк указывает, что в этой рукописи отсутствует оригинальная часть [24, р. 382, п. 123; 26, р. 13, п. 5].

копировании, трудно представить, что описания сочинения того же человека отличаются настолько сильно. Из вышесказанного вполне вероятно, что Парижская рукопись принадлежит другому человеку.

Ценность сочинения Кадыр-Али-бека в качестве источника

Это сочинение считается важным в качестве генеалогического источника, как его использовал В.В. Трепавлов [15], оно содержит ценную информацию об отношениях хан–бека/бий и брачных связях между Джучидами (Чингизидами) и мангытами (Ногайской Ордой). Мангыты, которые были *кара киши* (люди из племен, не принадлежащие к Чингизидам), стали сильны, поддерживая Чингизидов в качестве ханов и становясь его беками, а также через брачные связи с Чингизидами⁵. Обращаем внимание на интересную фразу «куда-анда», связанную с этими отношениями в этом сочинении [41, ф. 65а]. «Куда-анда» истолковывается как «присяжный друг, основанный на брачных связях», в этом отношении часто происходили непрерывные брачные связи (обменный брак) [см. 5, с. 47–48; 44, р. 58–59, п. 11; 46, р. 140–153]. Из описания этого сочинения [41, ф. 65а] можно указать некоторые интересные случаи отношений хан–бека и брачных связей между Джучидами и мангытами (см. ниже)⁶.

Хаджи-Мухаммедид	Хаджи-Мухаммед-хан	=====	Мансур-бий
	○ Ибак-хан	=====	Ак-бийм
Абу-л-Хайрид	Булгаир-хан (Абу-л-Хайр-хан)	=====	Укас-бий (Ваккас-бий)
	 Суюнчак-хан	=====	Афай-бийм
Тимур-Кутлукид	Тимур-Кутлу-хан (Тимур-Кутлук-хан)	=====	Идиге-бий (Эдигу-бий)
	○ ○ 		
	Ахмад-хан трона ⁷	=====	Девлет-Султан-бийм

Из схемы ясно, что отношения хан–бека и браки между Джучидами и мангытами часто устанавливались с одной и той же линией Джучидов снова

⁵ В кочевом государстве прецеденты, связывающие правящий род и определенное племя в такие отношения, можно проследить до хунну в древние времена [43, р. 136–140].

⁶ В схеме жирная линия показывает отношения хана-бека, а двойные линии – брачные связи. Имена, написанные жирным шрифтом, показывают беки/бий мангытов, а имена, написанные курсивом, – женщин мангытов.

⁷ *Тахтның Ахмад-хан*. Ахмад-хан (1465?–81 гг.) из Тимур-Кутлукидов известен как правитель так называемой «Большой Орды», а «трон (*тахт*)» означает трон Сарая. Официальным названием Большой Орды было «Тронное владение (*Тахт эли*)», «Престольная держава (*Тахт мемлекети*)» и др. [16, с. 3–10]. Это показывает, что историческое понимание того, что Ахмад-хан был правителем трона Сарая или Большой Орды, широко сохранялось, что весьма интересно.

и снова. Хотя неясно, были ли заключены обменные браки, Кадыр-Али-бек называет такие двойные связи *куда-анда*⁸. Отношения обоих стали сильнее благодаря таким двойным связям (*куда-анда*).

Важной ценностью этого сочинения является то, что можно восстановить историю Джучидов и позднеджучидских государств в XIV–XVI веках, сравнивая его с «Чингиз-наме/Кара таварих» Утемиша-Хаджи (сост. в Хивинском ханстве в середине XVI в.)⁹ и «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми (сост. в Крымском ханстве в середине XVIII в.) и др.¹⁰ И это сочинение содержит важное описание, помогающее узнать социальную систему, кочевые элементы, исламские элементы и т.д. в Касимове в начале XVII века¹¹. Конечно, ценность его в качестве источника, современного Ураз-Мухаммедхану и Борису Годунову, высока.

Источники сочинения Кадыр-Али-бека и его влияние на поздний период

Как источник этого сочинения, конечно, прежде всего упоминается «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина. Кадыр-Али-бек упоминает название «книги Джами ат-таварих (*китаб-и Джами 'ал-таварих*)» в тюркском сокращенном переводе, кроме того, свидетельствует в другом месте, что перевел с персидского «книгу Чингиз-наме (*Чингиз-наме китабы*)», которой считается «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина¹², на тюркский язык [40, ф. 8б, 157а-б; 41, ф. 68б; 18, с. 52]. Также в этом сочинении, «Чингиз-наме/Кара таварих» и «Умдет ал-ахбар» и др. представлены аналогичные описания некоторых событий, поэтому они могут иметь прямые или косвенные взаимоотношения со справкой или иметь общие источники¹³.

⁸ Барак-хан (внук Урус-хана), и Мансур из мангытов были в отношениях племянника–дяди, но они также считаются в отношениях хан–бека. То есть предполагается, что существовала аналогичная связь (*куда-анда*) между ними.

⁹ Что касается этого источника, то до сих пор мы могли использовать только Ташкентскую рукопись под названием «Чингиз-наме». Однако факсимиле, транскрипция и русский перевод рукописи (так называемая рукопись Ризаэтдина Фахретдина), которая кажется более полной, была опубликована в 2017 г. [19]. Эта рукопись называется «Кара таварих» [см. 11; 32, р. 43–44]. Дальнейший прогресс исследований по этому источнику ожидается в будущем, включая вопросы названия, отношений и различия между двумя рукописями.

¹⁰ В качестве подобного исследования можно упомянуть [21; 10; 33; 34 и др.]. Например, мы можем восстановить историю о политических потрясениях и восстановлении левого крыла Тукай-Тимуридами, о деятельности Урусидов и т.д. [см. прим. 13].

¹¹ Отмечается, что они сохраняли кочевую тюрко-монгольскую систему с древних времен: систему четырех беков, систему для размещения ведущих племен на правой и левой стороне (крыле) и т.д., и что в Касимове были каменная мечеть, *'улама* и ведущая семья *сейидов* [4, с. 411–437; 12, с. 65–77; 28, р. 144–149; 34, р. 19–23].

¹² Том I, «история монголов», «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина был известен под другим названием «Чингиз-наме» в «персоязычных обществах» по первую половину XIX века [36, р. 95].

¹³ Аналогичные описания встречаются в отчетах об узурпации власти *карой киши*, легенде об обращении Узбек-хана в ислам и восстановлении левого крыла Тукай-Тимуридом и т.д. [21, с. 72; 35, р. xvii; 8, с. 47]. Эти тюркские источники, в том числе «Дафтар-и Чингиз-наме», вместе содержат оригинальные исторические сведения, не

Затем мы рассмотрим влияние этого сочинения на поздний период. Это сочинение содержит генеалогию Идегея, в которой легендарный святой Баба-Туклес, сыгравший, как говорят, большую роль в обращении Узбек-хана в ислам, появляется как предок Эдиге, более того, Баба-Туклес рассматривается как потомок Абу-Бакра, первого халифа [40, ф. 149а–б, 143а; 41, ф. 62б–64а]¹⁴. Интересно, что анонимный «Дафтар-и Чингиз-наме» (сост. в конце XVII в.), скорее всего, ссылался прямо на эту генеалогию Идегея, или они имели общие источники [31, s. 88–89; 22, f. 64b–65b; 18, с. 116].

С другой стороны, также интересно, что Юсуповы и др., которые были татарской знатью и потомками Идегея, приняли аналогичную генеалогию [24, р. 396–407; 47, р. 736–739]¹⁵. Трудно судить, ссылалась ли генеалогия Юсуповых прямо на сочинение Кадыр-Али-бека. Однако это сочинение, вероятно, было привезено в Москву [26, р. 13; 34, р. 12], поэтому предполагается, что описание этого сочинения повлияло прямо или косвенно на генеалогию Юсуповых, или генеалогия, которая являлась общим источником информации для них, была широко распространена¹⁶. Несмотря на то, что требуется дальнейшее изучение распространения генеалогии Идегея, по всей видимости имел большое влияние тот факт, что она была записана в сочинении Кадыр-Али-бека.

Историческое понимание сочинения Кадыр-Али-бека

1. «Принцип Чингизида»

М.А. Усманов заявил о цели написания этого сочинения: «автор хочет показать, что Ураз-Мухаммед как подлинный чингизид, имеет все права занять престол в Касимове» [18, с. 88]; и это очень метко сказано. Так называемый «принцип Чингизида» – никто не может стать ханом, кроме потомков по мужской линии Чингизида, – хорошо понимается также в описаниях этого сочинения. Источники, в том числе сочинение Кадыр-Али-бека и «Чингиз-наме/Кара таварих» Утемиша-хаджи, составленные в позднедзучидских государствах, пытались утверждать легитимность и идентичность этих государств, руководствуясь «принципом Чингизида»¹⁷.

встречающимися в других источниках. Мы называем такую генеалогию источников «системой историографии в Дешт-и Кипчаке, основанной на оригинальных источниках информации» [35, р. xxiii–xxv; 8, с. 49–50].

¹⁴ Эта генеалогия считается попыткой обосновать власть Идегея, противопоставленную авторитету Чингизидов, используя авторитет ислама [18, с. 82–84; 24, р. 382; 47, р. 740–744; 35, р. 32, п. 76].

¹⁵ Аналогичные генеалогии найдены в документах Юсуповых, составленных в 1654 и 1686 гг. Борис Ишболдин, который, как говорят, является потомком Идегея, использует подпись «Борис Ишболдин ал-Бакри» в честь Абу-Бакра в книге, посвященной истории татар, и вводит аналогичную генеалогию со ссылкой на «Дафтар-и Чингиз-наме» и др. [30, р. 159–160]. Кроме того, генеалогия Идегея не была включена в генеалогические книги: «Государев родословец» (сост. в 1555 г.) и так называемую «Бархатную книгу» (сост. 1687 г.); но её первоначально планировалось включить в них [47, р. 733–734].

¹⁶ ДеВиз сомневается в том, что составитель генеалогии использовал сочинение Кадыр-Али-бека [24, р. 398–399].

¹⁷ О «принципе Чингизида» в описаниях «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи [см. 35, р. xxv; 8, с. 50].

2. Традиция тюрко-монгольской историографии

Более того, мы должны обратить внимание на то, что рассказ об Огуз-хане приобретает важность в этом сочинении. Отмечается, что рассказ об Огуз-хане в «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина сыграл важную роль в связывании истории монголов с исламской мировой историей [45, р. 44–53]. Кроме того, Рашид ад-дин включил не только историю монголов, но и историю всех тюрко-монгольских племен во всеобщую историю, связав рассказ об Огуз-хане с всеобщей историей [37, р. 192–194]. То есть сочинение Кадыр-Али-бека не только использовало «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина в качестве авторитета для утверждения родословия Чингизида с «принципом Чингизида», но также наследовало традицию тюрко-монгольской историографии, связанной с всеобщей историей после «Джами ат-таварих». Генеалогия «Нух – Огуз – хиджра – Чингиз-хан» в этом сочинении [40, ф. 157а-б; 41, ф. 68б] просто отражает этот факт.

Влияние «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина в позднем периоде было довольно сильным, и том I «История монголов» продолжал сохранять авторитет в повествовании истории тюрко-монгольских племен в «персоязычных обществах» [36, р. 95]. «Джами ат-таварих» был переведен в тюркские (чагатайские) сочинения, и, помимо сочинения Кадыр-Али-бека, несомненно, сильно повлиял на тюркские исторические сочинения¹⁸. Это также указывает на то, что в Касимове существовала(и) рукопись(и) «Джами ат-таварих» [28, р. 147]. Существование сочинения Кадыр-Али-бека четко свидетельствует о том, что авторитет «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина продолжал сохраняться в Касимове, так сказать, на границе тюрко-монгольского мира или «персоязычных обществ», в начале XVII века.

3. Непрерывность от Джучидов до позднеджучидских государств

В этом сочинении есть интересная структура, в которой оригинальная часть написана непрерывно после тюркского перевода из тома I «истории монголов» «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина. Более того, начало главы «дастан-и Урус-хан», находящееся в начале оригинальной части, является кратким изложением «дастан-и Джучи-хан» в «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина, хотя детали разнятся [40, ф. 142а-б; 41, ф. 60а]. Здесь мы можем прочитывать сильное намерение автора Кадыр-Али-бека, основываясь на «принципе Чингизида», попытаться восстановить историю от Урус-хана до Ураз-Мухаммед-хана, связав ее с историей периода Монгольской империи, описанного в «Джами ат-таварих», особенно с историей Джучидов. Другими словами, Кадыр-Али-бек понимает историю позднеджучидских государств после Урус-хана как непрерывно продолжающуюся от Джучидов (Монгольской империи).

В общем, позднеджучидские государства называются «ханствами» по названию правившего, по месту или народам, но такие названия почти не найдены в описании сочинения Кадыр-Али-бека, и именно правящие линии Джучидов считаются важными. То есть в этом сочинении есть историческое понимание того, что автор считал распад Джучидов после второй половины

¹⁸ О чагатайских переводах [см. 25, р. 105–108].

XIV века не новой эпохой после исчезновения Джучидов, а эпохой реорганизации и смены правящих линий внутри Джучидов¹⁹.

4. Порядок дастанов в оригинальной части

Мы также обратим внимание на порядок дастанов в оригинальной части. Прежде всего, очевидно, что из-за того, что Кадыр-Али-бек осознавал линию Ураз-Мухаммеда, «дастан-и Урус-хан (предок Ураз-Мухаммед-хана)» помещен в начало, а «дастан-и Ураз-Мухаммед-хан» – в конец. Это является проявлением намерения автора, того что он попытался ясно показать, что Ураз-Мухаммед-хан принадлежит к линии Урусиды среди Джучидов, которая сформировала ядро восстановления левого крыла и позже основала так называемое «Казахское ханство». Это также должно быть структурой, полностью осознающей «принцип Чингизида».

Что касается порядка дастанов, то четыре дастана Тукай-Тимуридов размещены в первой половине, «дастан-и Идиге-бек» – посередине, а три дастана Шибанидов – во второй половине. То есть автор четко различает Тукай-Тимуридов, к которым принадлежат Урусиды и Ураз-Мухаммед-хан, и Шибанидов. Кроме того, дастаны также, по-видимому, размещены в таком порядке линий, потому что Ураз-Мухаммед-хан или Кадыр-Али-бек считали их более важным или имели о них больше информации среди Тукай-Тимуридов и Шибанидов. Дастаны, размещенные ранее, имеют богатое описание и конкретную информацию, но дастаны, размещенные позже, имеют менее конкретную информацию, кроме генеалогии, и иногда путаное описание²⁰.

Интересно, что «дастан-и Идиге-бек» размещены посередине. Причиной этого считаются близкие и многослойные отношения (отношения хан-бека и брачные связи) между Джучидами и мангытами, практическая расширяющаяся сила мангытов (Ногайской Орды) или распространение ногайских эпосов и т.д. Во всяком случае историческое понимание автора, вероятно, глубоко отразилось в порядке дастанов в оригинальной части.

5. Авторитет и защита царя, а также «долг соли и хлеба»

Это сочинение подчеркивает «принцип Чингизида», с другой стороны, оно восхваляет Бориса Годунова, защитника Ураз-Мухаммеда, неся посвящения ему в начале. Более того, оно подчеркивает, что Ураз-Мухаммед стал ханом Касимова при поддержке Бориса Годунова [40, ф. 1а–5б, 153а–157б; 41, ф. 66б–68б]²¹.

¹⁹ О такой непрерывности [также см. 17]. Слово «казак (казах)», например, ни разу не встречается в описании этого сочинения. С этой точки зрения, Кадыр-Али-бек считал линию Ураз-Мухаммед-хана не «Казахским ханством», а «Урусидом/Урусидами» [33, р. 14; 34, р. 25–26].

²⁰ Описание «дастан-и Хаджи-Гирей-хан», помещенного в последний Тукай-Тимуридов, особенно путано (что касается путаницы этого описания [см. 7, с. 231–232]). Усманов также указывает на отдаленные отношения между Касимовым и Крымом после XVI века [18, с. 81–82]. Причиной того, что «дастан-и Хаджи-Мухаммед-хана» помещен в первый Шибанида, считается пребывание Ураз-Мухаммед-хана в Сибири, тесная связь между Хаджи-Мухаммедом и родом Эдиге и т.д.

²¹ Предыдущие исследования также обращают внимание на это. Усманов видел здесь положение и стремление «той части татарских феодалов, которая из-за близости к царскому двору несомненно играла большую роль в определении политики царизма по отношению к татарскому народу» [2, с. 544–549; 3, с. II–III; 18, с. 68–74].

Здесь мы обратим внимание на фразы «хан, которому доверен престол» Казани, Хаджи-тархана (Астрахана) и др., когда Кадыр-Али-бек восхваляет Бориса Годунова [40, ф. 16]. Известно, что правители Московии (России), покорившие позднедзучидские государства, добавили фразы «царь Казанский», «царь Астраханский» и др. к своему титулу [48, р. 22–23], и они совпадают с вышесказанными фразами. Мы, конечно, должны думать о подхалимстве в некоторой степени в пользу Бориса Годунова, который был фактическим правителем, однако мы можем прочитывать здесь историческое понимание автора Кадыр-Али-бека, что он оправдывал или не мог не оправдывать господство Московского царя над позднедзучидскими государствами.

Кадыр-Али-бек писал: «[это сочинение] было написано для справедливого долга соли и хлеба (*туз-өтмэк 'адл хаккы*) императора Бариса Фидравича хана²² (Бориса Годунова)» [40, ф. 157а; 41, ф. 68б]. Фраза «справедливый долг соли и хлеба» заслуживает большого внимания, и это – термин, выраженный вообще как «долг соли и хлеба (*туз-өтмэк хаккы*)», и означает «долг» перед благодеянием «соли и хлеба» от правителя [27, р. 136–139]. Касимовское ханство под защитой Московского царя, который был христианином, так сказать, находилось в пространстве, смешивающим «дома ислама (*дар ал-ислам*)» и «дома войны (*дар ал-харб*)». По существу, Москва, которая была язычником для мусульманина Касимовского ханства, могла стать мишенью «священной войны (*джихад*)», однако фраза «долг соли и хлеба» хорошо показывает, что Касимовское ханство фактически принимало господство языческого Московского царя и теоретически узаконивало такое положение²³.

В этой статье мы проанализировали вопросы о рукописи сочинения Кадыр-Али-бека, и исследовали его ценность в качестве исторического источника, его источники и влияние на поздний период и историческое понимание автора. Из этого сочинения мы можем получить ценную информацию об отношениях хан-бека и брачных связях (*куда-анда*) между Дзучидами и мангытами, восстановить некоторые сцены истории Дзучидов и позднедзучидских государств, сравнивая с другими историческими источниками («Чингиз-наме/Кара таварих» Утемиша-хаджи, «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми, анонимный «Дафтар-и Чингиз-наме» и др.). Кроме того, хотя до сих пор этому не уделялось достаточного внимания, мы прочитываем историческое понимание автора Кадыр-Али-бека, скрытое в этом сочинении, показываем, как автор попытался очертить историю Дзучидов и позднедзучидских государств.

В этой статье мы сосредоточились на сочинении Кадыр-Али-бека, но в будущем мы хотели бы изучить другие позднедзучидские исторические источники.

²² «Хана» нет в [40].

²³ Интересно, что Кадыр-Али-бек называет Бориса Годунова «императором всех христиан» (*джумлат ал-киристан падишахы*), с другой стороны, он называет «Казахского» Таваккул/Тевекел-хана (дядю Ураз-Мухаммед-хана) и Ураз-Мухаммед-хана «императором ислама (*падишах-и ислам*)» [40, ф. 1а–б, 153а, 156б–157а; 41, ф. 66б, 68б].

Благодарности

Совместное исследование этого сочинения с доктором Т. Кавагучи в настоящее время продолжается, и мы стремимся к публикации критического текста и перевода (на английском и японском языках). Я выражаю глубокую благодарность доктору Т. Кавагучи за советы по этой статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.
2. *Березин И.* Татарский летописец, Современник Бориса Федоровича Годунова // Москвитянин. 1851. № 24. Кн. 2. С. 543–554.
3. *Березин И.* Библиотека восточных историков. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. Т. II. Ч. I. Казань: Тип. губернского правления, 1854. VII + 171 с.
4. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. II. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1864. XVI + 498 с.
5. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. XII + 224 с.
6. *Гыйләжәтдинов С.* Мирастан биш сәхифә. XVII–XIX ғасырлар әдәби-тарихи ядкарлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 331 б.
7. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: «Вост. лит-ра» РАН, 2009. 304 с.
8. *Кавагучи Т., Нагаминэ Х.* Некоторые новые данные о «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 3, 2010. С. 44–52.
9. *Қадырғали Жалайыр.* Шежірелер Жинағы / *Н. Мингулов, Б. Кәмеков, С. Өтениязов.* Алматы: «Қазақстан», 1997. 128 б.
10. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: «Рауан», 1992. 376 с.
11. *Миргалеев И.М.* «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. 2011. Вып. 4. С. 14–19.
12. *Рахимзянов Б.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд., 2009. 207 с.
13. *Сыздыкова Р.Г.* Язык “Жами‘ ат-таўәрих” Жалаири. Алма-Ата: Изд. «Наука» Каз. ССР., 1989. 243 с.
14. *Сыздыкова Р., Қойгелдиев М.* Қадырғали би Қосымұлы және оның Жылнамалар Жинағы. Алматы: «Қазақ университеті», 1991. 272 б.
15. *Трепавлов, В.В.* История Ногайской Орды. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2001. 752 с.
16. *Трепавлов, В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: «Гриф и К», 2010. 112 с.
17. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда после распада: воспоминания о единстве // Тюркологический сборник 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2011. С. 360–383.
18. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.. Казань: Изд. Казан. Университета, 1972. 223 с.
19. *Утемиш-хаджи.* Кара Таварих / Транскр. *И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова;* Пер. *И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой;* Общая и научная ред. *И.М. Миргалеева.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

20. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскр., текстл. примеч., исслед. В.П. Юдина; Подготовила к изданию Ю.Г. Баранова; Коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: «Гылым», 1992. С. 14–56.

21. Юдин В.П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тока-тимуридов в казахских степях в XIV в. (К проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме, 1992. С. 57–75.

22. Anonymous. Daftar-i Chingīz-nāma. MS. Edinburgh University Library. Or. Ms. 614.

23. Blochet E. Catalogue des manuscrits turcs. Tome II. Supplément. nos 573–1419. Paris: Bibliothèque nationale, 1933. 314 p.

24. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1994. 638 p.

25. DeWeese D. Chaghatay Literature in the Early Sixteenth Century: Notes on Turkic Translations from the Uzbek Courts of Mawarannahr // *Turkish Language, Literature, and History: Travelers' tales, sultans, and scholars since the eighth century* / Eds. by B. Hickman and G. Leiser. London and New York: Routledge, 2016. P. 99–117.

26. Frank A.J. Islamic Historiography and 'Bulghar' Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Leiden, Boston, Köln: Brill, 1998. viii + 232 p.

27. Hamada M. «Shio no gimu» to «seisen» tono aida de [Between the «Duty of Salt» and «Jihād»] // *Tōyōshi kenkyū* [The Journal of Oriental Researches]. Vol. 52. № 2, 1993. P. 122–148.

28. Hamamoto M. «Seinaru Rosia» no isurām: 17–18 seiki tatāru jin no seikyō kaishū [Islam in Holy Russia: The Tatar Conversion to the Russian Orthodox Church]. Tokyo: University of Tokyo Press, 2009. vii + 283 p.

29. Hofman H.F. Turkish Literature: A Bio-Bibliographical Survey. Section III. Part 1. Vol. 5. Utrecht: The Library of the University of Utrecht, 1969. 305 p.

30. Ischboldin, B. Essays on Tatar History. New Delhi: New Book Society of India, 1963. 184 p.

31. Ivanics, M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Dāftār-i Čingiz-nāmā). I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Szeged: Dept. of Altaic Studies, University of Szeged, 2002. 324 s.

32. Kawaguchi T., Nagamine H. Jochi urusu shi saikō [Rethinking the History of «Ulūs-i Jūchī/Jōchī»] // *Nairiku ajia shi kenkyū* [Inner Asian Studies]. № 28, 2013. P. 27–51.

33. Nagamine H. «Kazaku han koku» keisei shi no saikō: jochi urusu sayoku kara «kazaku han koku» he [Rethinking the Foundation of the «Qazaq Khanate»: From the Left Hand of the «Ulūs-i Jūchī» to the «Qazaq Khanate»] // *Tōyō gakuhō* [Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. Vol. 90. № 4, 2009. P. 1–26.

34. Nagamine H. Kādhiru arī begu no shisho ni tsuite: Jochi urusu keishō seiken shiryō no shiryō teki kachi to sono rekishi ninshiki [On Qādir 'Alī Beg's Historiography: Values as Sources and Historical Perceptions of the Historiographies of Successor States to «Ulūs-i Jūchī/Jōchī»] // *Isuramu sekai* [The world of Islam]. Vol. 81, 2014. P. 1–31.

35. Ōtamiš Hājī. Čingīz-nāma / Introduction, Annotated Translation, Transcription and Critical Text by T. Kawaguchi, H. Nagamine; Supervision by M. Sugahara. Tokyo: Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa, 2008. xl + 100 + 46 p.

36. Otsuka O. «Shūshi» no denshō to juyō no rekishi: mongoru shi kara sekaishi he [The Transmission and Reception of the «Jāmi' al-Tawārīkh»: From a History of the Mongols to a History of the World]. *Tōyōshi kenkyū* [The Journal of Oriental Researches]. Vol. 75. № 2, 2016. P. 68–103.

37. *Otsuka O.* Fuhenshi no henbō: Perushia go bunkaken ni okeru kēsē to tenkai [The Transformation of the General Histories in Persianate Societies]. Nagoya: University of Nagoya Press, 2017. x + 444 p.

38. *Qādir ‘Alī Beg. Jāmi’ al-Tavārīkh*, MS. Bibliothèque Nationale. Suppl. Turc 758.

39. *Qādir ‘Alī Beg. Jāmi’ al-Tavārīkh*. MS. British Library. Add. 11,726.

40. *Qādir ‘Alī Beg. Jāmi’ al-Tavārīkh*. Рукопись. Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Ms. O. 59.

41. *Qādir ‘Alī Beg. Jāmi’ al-Tavārīkh*. Рукопись. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. Т. 40.

42. *Rieu Ch.* Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Library. London: the British Library, 1888. 345 p.

43. *Sawada I.* Kyōdo: Kodai yūboku kokka no kōbō [Xiongnu: Rise and Fall of the Ancient Nomadic State]. Tokyo: Tōhō shoten, 1996. 213 p.

44. *Uno N.* Chingisu kan ke no tsūkon kankē ni mirareru taishō teki kon’in engumi [Symmetric Marriage Alliance in the Marriage Relationships of Chinggis Khan’s Family] // Kokuritsu minzoku hakubutsukan kenkyū hōkoku bessatsu: Yūrashia yūboku shakai no rekishi to genzai [Bulletin of the National Museum of Ethnology Special Issue: History and Present of the Eurasian Nomadic Societies] / Eds by M. Matsubara et al. № 20, 1999. P. 1–68.

45. *Uno N.* «Shūshi» no kōsei ni okeru «oguzu kan setsuwa» no imi [The Significance of «the Tale of Oghuz Khan» in the Structure of the «Jāmi’ al-Tavārīkh»] // Tōyōshi kenkyū [The Journal of Oriental Researches]. Vol. 61. № 1, 2002. P. 34–61.

46. *Uno N.* Mongoru tēkoku jidai no zōyo to saibunpai [Gift and Redistribution in the Mongol Empire Period] // Yūrashia sōgen kara no messēji: Yūboku kenkyū no saizensen [Message from the Eurasian Steppe: The Front Line of Researches on Nomads] / Eds. by M. Matsubara et al. Tokyo: Heibonsha, 2005. P. 139–162.

47. *Vásáry I.* Russian and Tatar Genealogical Sources on the Origin of the Iusupov Family // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 19, 1995. P. 732–746.

48. *Vásáry I.* The Crimean Khanate and the Great Horde (1440s-1500s): A Fight for Primacy // The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century) / Ed. by Denise Klein. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 13–26.

Сведения об авторе: Хироюки Нагаминэ – магистр литературы, лектор, отдел общего образования, Национальный институт технологии, Ояма колледж (771, Нака-куки, Ояма, Точиги 3230806, Япония). E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Поступила 30.11.2018 Принята к публикации 08.02.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov. Prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia of the 15th–17th Centuries. Prosopographical Study]. Ryazan, “Ryazan. Mir”, 2011. 512 p. (In Russian)

2. Berezin I. *Tatarskii letopisets, Sovremennik Borisa Fedorovicha Godunova* [Tatar Chronicler, Contemporary of Boris Fedorovich Godunov]. *Moskvityanin. 1851* [Muscovite. 1851], no. 24. Book 2, pp. 543–554. (In Russian)

3. Berezin I. *Biblioteka vostochnykh istorikov. Sbornik letopisei. Tatarskii tekst s russkim predisloviem* [Library of Oriental Historians. “Compendium of Chronicles”. Tatar Text with Russian Preface]. Vol. II. Part. I. Kazan, Tip. Gubernskogo Pravleniya, 1854. vii + 171 p. (In Russian, Turkic)

4. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on Kasimov's Tsars and Princes]. Part II. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk, 1864. xvi + 498 p. (In Russian)
5. Vladimirtsov B.Ya. *Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kocheboi feodalizm* [The Social Structure of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1934. xii + 224 p. (In Russian)
6. Giyläjetdinov S. *Mirastan bish säkhifä. XVII–XIX gasırlar ädäbi-tarikhı iadkyarläre* [History Covered with Legends. Literary and Historical Monuments of the 17th–19th Centuries]. Kazan, Tatar. kit. Publ, 2011. 331 p. (In Tatar, Turkic)
7. Zaitsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov. Puti razvitiya. Rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographic Tradition of the 15th–19th Centuries. Ways of the Development: Manuscripts, Texts and Sources]. Moscow, "Vost. Lit-ra" RAN Publ. Firm, 2009. 304 p. (In Russian)
8. Kavaguchi T., Nagamine Kh. Nekotorye novye dannye o «Chingiz-nama» Utemisha-khadzhi: v sisteme istoriografii v Dasht-i Kipchake [Some New Knowledge about Ötämish Hājī's "Chingiz-nāma": in the System of Historiography of the Kipchak Steppe]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Iss. 3, 2010, pp. 44–52. (In Russian)
9. Qadīrghali Jalayır. *Shejireler Jinaghı* ["Compendium of Chronicles"]. Trs. by N. Mingulov, B. Kömekov, S. Öteniyazov. Almaty, "Qazaqstan", 1997. 128 p. (In Kazakh)
10. Klyashtornyi S.G., Sultanov T. I. *Kazakhstan. Letopis' trekh tysyacheletii* [Chronicle of Three Thousand Years]. Alma-Ata, "Rauan", 1992. 376 p. (In Russian)
11. Mirgaleev I.M. «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi: perspektivy izycheniya ["Chingiz-nama" by Utemish-hadji: Prospects of Studing]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Iss. 4, 2011, pp. 14–19. (In Russian)
12. Rakhimzyanov B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on History]. Kazan, Tatar. kn. Publ, 2009. 207 p. (In Russian)
13. Syzdykova R.G. *Yazyk "Zhami' at-tawārikh" Zhalairi* [Language of Jalairi's "Jami' at-tawārikh"]. Alma-Ata, "Nauka" Kaz. SSR. Publ., 1989. 243 p. (In Russian, Turkic)
14. Sizdikova R., Qoygeldiev M. *Qadīrghali bi Qosīmūlī jāne onıng Jilnamalar Jinaghı* [Qadīrghali bi Qosīmūlī and His "Compendium of Chronicles"]. Almatı, "Qazaq universiteti", 1991. 272 p. (In Kazakh, Turkic)
15. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogaiskoi Ordy* [History of the Noghay Horde]. Moscow, "Vost. Lit-ra" RAN Publ. Firm, 2001. 752 p. (In Russian)
16. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii* [The Great Horde – Domain of the Throne. Essay on History]. Tula, "Grif i K", 2010. 112 p. (In Russian)
17. Trepavlov V.V. *Zolotaya Orda posle raspada: vospominaniya o edinstve* [The Golden Horde after the Collapse: Memories of the Unity]. *Tyurkologicheskii sbornik 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Studia Turkologica 2009–2010. Turkic People of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, "Vost. Lit-ra" RAN Publ. Firm, pp. 360–383. (In Russian)
18. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar Historical Sources of the 17th–18th centuries]. Kazan, Kazan. Universitet Publ., 1972. 223 p. (In Russian)
19. Utemish-khadzhi. *Kara Tavarikh* [The Black History]. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova, Z.T. Khafizov; trs. by I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova; ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian, Turkic)
20. Yudin V.P. *Ordy: Belaya, Siniaya, Seraya, Zolotaya...* [Hordes: White, Blue, Gray, Golden...]. Utemish-khadzhi. *Chingiz-name* ["Chingiz-name"]. Facsimile, tr., transcription, notes for text and research by V.P. Iudin; preparation for publ. by

Yu.G. Baranova; commentaries and indexes by M.Kh. Abuseitova. Alma-Ata, “Gylym”, 1992, pp. 14–56. (In Russian)

21. Yudin V.P. Perekhod vlasti k plemennym biyam i neizvestnoi dinastii Tokatimuridov v kazakhskikh stepyakh v XIV v. (K probleme vostochnykh pis'mennykh istochnikov, stepnoi ustnoi istoriografii i predystorii Kazakhskogo khanstva) [The Transfer of Power to the Tribal biys and the Unknown Toka-Timurid Dynasty in the Kazakh Steppes in the 14th century (To the Problem of Oriental Written Sources, Steppe Oral Historiography and the Prehistory of the Kazakh Khanate)]. Utemish-khadzhi. *Chingiz-name* [“Chingiz-name”], 1992, pp. 57–75. (In Russian)

22. Anonymous. *Daftar-i Chingiz-nāma*. MS. Edinburgh University Library. Or. Ms. 614. (In Turkic)

23. Blochet E. *Catalogue des manuscrits turcs*. Tome II. Supplément. nos 573–1419. Paris, Bibliothèque nationale, 1933. 314 p. (In French)

24. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania, The Pennsylvania State University Press, 1994. 638 p.

25. DeWeese D. Chaghatay Literature in the Early Sixteenth Century: Notes on Turkic Translations from the Uzbek Courts of Mawarannahr. *Turkish Language, Literature, and History: Travelers' tales, sultans, and scholars since the eighth century*. Eds. by B. Hickman and G. Leiser. London and New York, Routledge, 2016, pp. 99–117.

26. Frank A.J. *Islamic Historiography and 'Bulghar' Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 1998. viii + 232 p.

27. Hamada M. “Shio no gimu” to “seisen” tono aida de [Between the “Duty of Salt” and “Jihād”]. *Tōyōshi kenkyū* [The Journal of Oriental Researches]. Vol. 52, no. 2, 1993, pp. 122–148. (In Japanese)

28. Hamamoto, M. “Seinaru Rosia” no isurām: 17–18 seiki tatāru jin no seikyō kaishū [Islam in Holy Russia: The Tatar Conversion to the Russian Orthodox Church]. Tokyo, University of Tokyo Press, 2009. 283 p. (In Japanese)

29. Hofman H.F. *Turkish Literature: A Bio-Bibliographical Survey*. Section III. Part 1. Vol. 5. Utrecht, The Library of the University of Utrecht, 1969. 305 p.

30. Ischboldin B. *Essays on Tatar History*. New Delhi, New Book Society of India, 1963. 184 p.

31. Ivanics M., Usmanov M.A. *Das Buch der Dschingis-Legende (Dāftār-i Čingiz-nāmā)*. I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Szeged, Dept. of Altaic Studies, University of Szeged, 2002. 324 p. (In German, Turkic)

32. Kawaguchi, T., Nagamine, H. Jochi urusu shi saikō [Rethinking the History of the “Ulūs-i Jūchī/Jōchī”]. *Nairiku ajia shi kenkyū* [Inner Asian Studies], no. 28, 2013, pp. 27–51. (In Japanese)

33. Nagamine H. “Kazaku han koku” keisei shi no saikō: jochi urusu sayoku kara “kazaku han koku” he [Rethinking the Foundation of the “Qazaq Khanate”: From the Left Hand of the “Ulūs-i Jūchī” to the “Qazaq Khanate”]. *Tōyō gakuho* [Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. Vol. 90, no. 4, 2009, pp. 1–26. (In Japanese)

34. Nagamine H. Kādhiru arī begu no shisho ni tsuite: Jochi urusu keishō seiken shiryō no shiryō teki kachi to sono rekishi ninshiki [On Qādir ‘Alī Beg’s Historiography: Values as Sources and Historical Perceptions of the Historiographies of Successor States to the “Ulūs-i Jūchī/Jōchī”]. *Isuramu sekai* [The world of Islam]. Vol. 81, 2014, pp. 1–31. (In Japanese)

35. Ötämiş Hājī. *Čingiz-nāma*. Introduction, Annotated Translation, Transcription and Critical Text by T. Kawaguchi, H. Nagamine; Supervision by M. Sugahara. Tokyo, Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa, 2008. xl + 100 + 46 p. (In Japanese, English, Turkic)

36. Otsuka O. “Shūshi” no denshō to juyō no rekishi: mongoru shi kara sekaishi he [The Transmission and Reception of the “Jāmi‘ al-Tawāriḥ”: From a History of the Mon-

gols to a History of the World]. *Tōyōshi kenkyū* [The Journal of Oriental Researches]. Vol. 75, no. 2, 2016, pp. 68–103. (In Japanese)

37. Otsuka O. *Fuhenshi no henbō: Perushia go bunkaken ni okeru kēsē to tenkai* [The Transformation of the General Histories in Persianate Societies]. Nagoya, University of Nagoya Press, 2017. x + 444 p. (In Japanese)

38. Qādir ‘Alī Beg. *Jāmi‘ al-Tavārīkh*. MS. Bibliothèque Nationale. Suppl. Turc 758. (In Turkic)

39. Qādir ‘Alī Beg. *Jāmi‘ al-Tavārīkh*. MS. British Library. Add. 11,726. (In Turkic)

40. Qādir ‘Alī Beg. *Jāmi‘ al-Tavārīkh*. Rukopis’. Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor’kogo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Ms. O. 59. (In Turkic)

41. Qādir ‘Alī Beg. *Jāmi‘ al-Tavārīkh*. Rukopis’. Otdel rukopisei i redkikh knig Nauchnoi biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 40. (In Turkic)

42. Rieu Ch. *Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Library*. London, the British Library, 1888. 345 p.

43. Sawada I. *Kyōdo: Kodai yūboku kokka no kōbō* [Xiongnu: Rise and Fall of the Ancient Nomadic State]. Tokyo, Tōhō shoten, 1996. 213 p. (In Japanese)

44. Uno U. Chingisu kan ke no tsūkon kankē ni mirareru taishō teki kon’in engumi [Symmetric Marriage Alliance in the Marriage Relationships of Chinggis Khan’s Family]. *Kokuritsu minzoku hakubutsukan kenkyū hōkoku bessatsu: Yūrashia yūboku shakai no rekishi to genzai* [Bulletin of the National Museum of Ethnology Special Issue: History and Present of the Eurasian Nomadic Societies]. Eds by M. Matsubara et al, no. 20, 1999, pp. 1–68. (In Japanese)

45. Uno N. “Shūshi” no kōsei ni okeru “oguzu kan setsuwa” no imi [The Significance of “the Tale of Oghuz Khan” in the Structure of the “Jāmi‘ al-Tawārīkh”]. *Tōyōshi kenkyū* [The Journal of Oriental Researches]. Vol. 61, no. 1, 2002, pp. 34–61. (In Japanese)

46. Uno N. Mongoru tēkoku jidai no zōyo to saibunpai [Gift and Redistribution in the Mongol Empire’s Period]. *Yūrashia sōgen kara no messēji: Yūboku kenkyū no saizensen* [Message from the Eurasian Steppe: The front line of researches on Nomads]. Eds. by M. Matsubara et al. Tokyo, Heibonsha, 2005, pp. 139–162. (In Japanese)

47. Vásáry I. Russian and Tatar Genealogical Sources on the Origin of the Iusupov Family. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 19, 1995, pp. 732–746.

48. Vásáry I. The Crimean Khanate and the Great Horde (1440s–1500s): A Fight for Primacy. *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century)*. Ed. by Denise Klein. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2012, pp. 13–26.

Acknowledgements

A joint study of this work with Dr. T. Kawaguchi is currently ongoing and we are planning publications of the critical text and translation (in English and Japanese). I express deep gratitude to Dr. T. Kawaguchi for advises on this article.

About the author: Hiroyuki Nagamine – Master of Arts, Lecturer, Department of General Education, National Institute of Technology, Oyama College (771, Nakakuki, Oyama, Tochigi 3230806, Japan). E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp ; gamaja.yokaton.13@gmail.com

*Received November 30, 2018 Accepted for publication February 8, 2019
Published March 29, 2019*

УДК 94(57)+94(574)"13/16"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158

ПРОЦЕСС ИСЛАМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIII–XVI вв.

Д.Н. Маслюженко

*Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

Цель: выявить этапы и последствия процесса исламизации населения юга Западной Сибири в XIII–XVI вв.

Материалы исследования: работа проведена на основе анализа опубликованных источников: летописи, хроники, посольские документы, грамоты и договора записки путешественников, данные археологии этнографии.

Результаты и научная новизна: в историографии сибирского ислама традиционно ведущую роль в процессе его принятия тюрко-татарскими группами отводится фигуре хана Кучума. Предшествующие попытки введения этой религии, как правило, рассматриваются довольно поверхностно. Автор статьи считает, что отрывать первое от второго, если рассматривать исламизацию как процесс, не целесообразно и чревато непониманием его некоторых последствий. Знакомство населения рассматриваемой эпохи с исламом следует начинать еще с предмонгольским временем и кочеванием на этой территории тюркоязычных кочевников, знакомых с культурой Центральной Азии. Целенаправленные попытки внедрить эту веру связаны с деятельностью потомков Шибана б. Джучи, в улус которых входили западные земли рассматриваемого региона. Они напрямую вписываются в соответствующие тенденции в центральных землях Улуса Джучи, особенно в период хана Узбека. Немаловажным фактором было существование зимовок Шибанидов на Сыр-дарье, где ислам имел традиционно сильные позиции. Таким образом, существовало два потенциальных центра введения ислама на сибирских землях (Поволжье и Центральная Азия), которые также оказывали и экономическое влияние на владения Шибанидов. Последствия деятельности мусульманских проповедников были неоднозначными: с одной стороны, произошли столкновения на религиозной почве, с другой, на сибирской периферии явно сохранили свои позиции иные конфессии, в частности буддизм. С началом шибанидской государственности в Узбекском ханстве, а также сменившем его в интересующем нас регионе Тюменском и Сибирском ханствах, династы начинают целенаправленно поддерживать мусульманскую общину, что выражается в именовании аристократии, наличии сейидов и хафизов при ханском дворе, проведением хутбы и сикка при интронизации правителей. Очевидно, что это говорит о большом значении этой общины в поддержке власти хана. Представляется, что косвенные данные позволяют говорить о том, что к концу XV века ислам приняли не только представители элиты, но и рядовые кочевники. Однако, произошедший в начале XVI века кризис местной государственности династии Шибанидов стал фактором ухода ханов и поддерживающих их кочевых групп на Сырдарью и в Приаралье, что привело к значительному уменьшению числа местных мусульман и разрыву в культурных традициях. При этом после 1563 года новые сибирские ханы Ахмад-Гирей и Кучум столкнулись с проблемой введения ислама на территории Сибирской земли по Иртышу, которая ранее напрямую не подчинялась ханской власти. В результате начался новый этап исламизации, которая при этом коснулась именно новых групп населения, подчиненных ханской власти.

Ключевые слова: Шибаниды, Тюменское ханство, Сибирское ханство, ислам, Западная Сибирь

Для цитирования: Маслюженко Д.Н. Процесс исламизации населения Юга Западной Сибири в XIII–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 131–158. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158

THE ISLAMIZATION PROCESS OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 13TH–16TH CENTURIES

D.N. Maslyuzhenko

*Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

Abstract: *Research objective:* To identify the stages and consequences of the Islamization process of the population of the south of Western Siberia in the 13th–16th centuries.

Research material: The research work was conducted on the basis of analysis of published sources: annals, chronicles, ambassadorial documents, missive letters and contracts, travellers' notes, archaeological and ethnographical materials.

Results and novelty of the research: Historiography of Siberian Islam traditionally considers Kuchum Khan as the central figure in the process of Islamization of local Turkic-Tatar groups. As a rule, previous attempts at establishing Islam there are considered rather superficially. The author of the article believes that it is inappropriate to take the first from the second when considering the process of Islamization and lacking an understanding of some of its consequences. The acquaintance of the population with Islam began in the pre-Mongol period due to the presence in this territory of Turkic nomads familiar with the culture of Central Asia. Purposeful attempts to establish this religion were connected with the activities of the descendants of Shiban ibn Jochi in the ulus of which the western lands of the region under consideration were included. They directly fit into the corresponding trends in the central lands of the ulus of Jochi, especially during the period of Uzbek Khan. The existence of the wintering camps of the Shibanids on the Syr Darya, where Islam had a traditionally strong position, was an important factor. Thus, there were two potential centers for the introduction of Islam into Siberian lands (the Volga region and Central Asia), which had an economic impact on the Shibanid domain. The consequences of the activities of Muslim preachers were ambiguous. On the one hand, there were clashes on religious grounds, but on the other, alternative faiths, in particular Buddhism, clearly retained their positions on the Siberian periphery. With the beginning of Shibanid statehood in the form of the Uzbek Khanate, as well as its heirs in the region – the Tyumen and Siberian Khanates – the dynasty began to purposefully support the Muslim community, something expressed in the vocabulary of the aristocracy, the presence of seyyids and hafizes at the khan's court, hutba's and sikka's implementations during the enthronement of the rulers. Obviously, this indicates the great importance of this community in supporting the power of the khan. Indirect evidence suggests that by the end of the fifteenth century, Islam was accepted not only by representatives of the elite, but also by ordinary nomads. However, the crisis of the local statehood of the Shibanid dynasty at the beginning of the sixteenth century became a factor in the departure of the khans and their supporting nomadic groups to the Syr Darya and the Aral Sea region. This led to a significant decrease in the number of local

Muslims and a break in cultural traditions. Moreover, after 1563, the new Siberian khans, Ahmad Giray and Kuchum, faced the problem of sowing Islam in the territory of Siberia along the Irtysh which had not previously been directly subordinate to the khanate. The result was a new stage of Islamization which at the same time affected precisely the new groups of the population subordinated to the khan's power.

Keywords: Shibanids, Tyumen khanate, Siberian khanate, Islam, Western Siberia

For citation: Maslyuzhenko D.N. The Islamization Process of the Population of the South of Western Siberia in the 13th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 131–158. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158

Больше 20 лет назад В.И. Соболев написал: «Вопросу исламизации населения Западной Сибири в научной работе практически не уделялось внимания. В основном изучению подвергались проблемы традиционных религиозных обрядов и верований. Существующей ситуации есть вполне объективное объяснение – отсутствие в настоящее время широкой источниковой базы» [59, с. 140]. С тех пор по истории ислама в Западной Сибири было написано несколько десятков работ, которые значительно изменили наше понимание роли этой религии в период русского присоединения и освоения региона, но при этом почти ничего не дали относительно именно позднесредневекового этапа. В этом отношении вполне правы С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко, которые указали, что «в настоящий момент круг источников по этой проблеме, прежде всего археологических, по-прежнему сильно ограничен и пока перспективы по его расширению достаточно проблематичны. Источниковая база наиболее хорошо разработана в историко-этнографическом плане...» [62, с. 799]. Впрочем, практически аналогичная ситуация складывается и с письменными источниками по этой теме.

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе необходимо сам процесс исламизации рассматривать именно в широком географическом контексте Западной Сибири (Западно-Сибирская равнина), а не только Тоболо-Иртышского региона, где имеются несколько десятков объектов типа «астана». Они отражают процесс формирования культов местнотимых аулия, которые довольно неплохо увязываются с соответствующими шежере и современной локализацией мусульманских групп сибирских татар. Однако при этом по большей части игнорируются возможные связи этих процессов с протекавшими на юго-западе того же региона (Южный Урал и т.н. «Южное Зауралье»). Делая это, мы забываем о том, что в рассматриваемое время все эти земли последовательно входили в состав Монгольской империи и Улуса Джучи, а затем в состав Узбекского, Тюменского и Сибирского ханств Шибанидов. При этом в свою очередь последние делили юго-западные земли ханств со своими союзниками и родственниками из Ногайской Орды. В силу этого протекавшие здесь процессы, в том числе религиозные, должны были иметь некоторые общие закономерности. Однако они могли крайне неравномерно распространяться как в социальном, так и территориальном плане.

В период позднего средневековья, при всей относительной применимости этого термина к исследуемому пространству, большинство тюркских и татарских групп на юге Западной Сибири прошли через длительный процесс исламизации, который вошел в свою завершающую стадию в XVII

веке. Исламизация может рассматриваться как постепенный процесс принятия обществом ислама, то есть его символики, ритуалов, вероучения и других элементов, тем самым формируя условия для интеграции мусульманских институтов в политическую, социальную и культурную среду. Итогом этих процессов становится формирование местной уммы. С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко определили этот процесс еще более точным набором признаков: «Свидетельством того, что население изучаемой территории исповедует определенную религию (устойчивую мировоззренческую систему), являются целый ряд данных, получаемых из различных по характеру источников. К ним нами отнесены сведения о: наличии общины верующих при достаточном количестве взрослого мужского населения; храмовых комплексов для совершения служб; данные о надмогильных и внутримогильных сооружениях и конструкциях, возможно и о глубине могил; данные о мировоззренческих представлениях, например, об окружающем мире, месте человека в нем, о жизненном пути человека, его начале и конце; лингвистические данные, например, о терминах, характеризующих те или иные стороны погребального обряда» [62, с. 803]. Однако имеющиеся у нас на данный момент источники по XIII–XVI векам не позволяют провести подобную работу.

Для населения периферийных территорий, в том числе Западной Сибири, в этом процессе и его результатах могут возникать различные особенности. Недаром А.Г. и И.А. Селезневые определяют сибирский ислам как региональный вариант религиозного синкретизма, то есть «теснейшее переплетение различных религиозных и культурных традиций» [57, с. 3]. В средние века эта специфика могла усугубляться сохранением у сибирских тюрко-татарских групп кочевого образа жизни, который не способствовал распространению знаний об исламе, как и практическому применению его канонов. Тем более, что подобные отклонения были вполне допустимы в рамках доминирующего в Западной Сибири ханафитского мазхаба суннитского толка ислама.

На данный момент чрезвычайно сложно определить начальный этап и исходную территорию принятия ислама в Западной Сибири. Они в равной степени могли быть связаны как с имеющимися торговыми связями лесостепного населения с Приуральем, где проникновение ислама в среду местных кочевников облегчалось влиянием Волжской Булгарии, так и с городами Центральной Азии. Понятно, что ислам мог оказать влияние, прежде всего, именно на тюркоязычных кочевников, а не на их более северных угорских и самодийских соседей. Малочисленность археологических комплексов кочевников предмонгольского времени на рассматриваемой территории не позволяет решить вопрос о времени знакомства с исламом. Г.Н. Гарустович на территории Южного Зауралья насчитывает 4 грунтовых могильников (Замараевский, Верхнее-Спаский, Перегон, Большеказакбаевский 2), которые были оставлены чияликским населением. Для них характерны некоторые черты мусульманского погребального обряда: отсутствие курганных насыпей, индивидуальные погребения в позе вытянуто, неглубокие простые ямы, преимущественная ориентация умерших лицом к кыбле, практически полное отсутствие инвентаря. В тоже время все они датируются в достаточно широких хронологических рамках XII–XIV вв. [15, с. 62–65; 28, с. 445], что не позволяет привязать их к исторически выделяемым этапам проникновения ислама.

Отчасти распространение ислама могло быть связано и с перемещением на север кыпчакских племен, принявших эту религию на территории государства Хорезм-шахов. В процесс расширения границ Монгольской империи они были вынуждены отступить в северные степи и южные лесостепи Приуралья и Зауралья к т.н. «иштякам» [26, с. 44]. Скорее всего, кыпчаки стали суннитами ханафитского мазхаба, а некоторые предшествующие традиции обряда в результате сохранились как адаты. Кстати, в Хорезме была популярна поэзия суфия Ходжи Йасави, который был одним из первых мусульманских мистиков, тюрком по происхождению, основателем тариката Йасавийа [6, с. 37]. На данный момент версия подобной миграции, основанная на одном письменном источнике, при всей ее привлекательности практически не подкрепляется археологическими данными. Кроме того, принятие некоторых внешних черт обрядности или сама деятельность проповедников еще не говорит о полноценном принятии ислама, необходимой чертой которого является формирование уммы (религиозной общины). Исходя из этого, необходимо говорить об этапах становления мусульманской культуры и расширения ее влияния в Западной Сибири, в том числе и в процессе взаимодействия с иными мировыми религиями.

Гораздо более значительным должно было быть влияние на рассматриваемый процесс именно золотоордынского этапа. В 1242–1243 гг. после окончания Западного похода по решению Бату, которое, скорее всего, в дальнейшем должно было быть согласовано с монгольским ханом Гуюком, в составе Улуса Джучи были выделены земли для его сыновей, в том числе одного из полководцев и брата Бату, Шибана. Именно этому Чингизиду было суждено стать основателем династии местных ханов XV – начала XVII вв., условно названных в историографии «сибирскими или тюменскими Шибанидами».

Традиционно в исторической науке территория владений Шибана рассматривается через призму описания, сделанного еще в начале XVII века его потомком, ханом Абу-л-Гази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-су» [1, с. 104]. В.П. Костюков считал, что после окончания европейской компании тумены Шибана должны были продолжать удерживать Венгрию, но уже в 1245 г. Плано Карпини фиксирует кочевья этого Джучида в восточной части Улуса [29, с. 177, прим. 30]. Исходя из этого, основные кочевья Шибана и его потомков располагались в Южном Приуралье и Зауралье, степных районах Северного и Западного, а также урбанизированных районах Центрального Казахстана. При этом В.П. Костюков делал осторожный вывод о том, что «степные и лесостепные пространства Западной Сибири являлись своеобразной рекреационной зоной» [27, с. 215–216]. При этом обратим внимание на то, что фиксируется четкое деление кочевий на летовки по реке Урал и ее притокам и зимовки по Сырдарье. Представляется немаловажным, что, несмотря на все изменения ордынского периода, потомки Шибана еще в 1370-е гг., то есть на пике Великой Замятни, сохраняли те же земли, то есть летом кочевали у вершин реки Урал, а зимовали в устье Сыра [1, с. 105].

На данный момент мы не располагаем точными данными о том, когда именно и как потомки Шибана стали контролировать весь юг Западной Сибири. Источники с определенной вероятностью позволяют говорить о том,

что, по крайней мере, до первой четверти XIV века земли Прииртышья входили в улус старшего из Джучидов – Орды-Ичена. Затем между 1380–1420 гг. большую роль на юге Западной Сибири играли потомки одного из младших братьев – Тукай-Гимура (Урус, Токтамыш, Шадибек, Чекре). Помимо этих династов, по крайней мере, с периода правления золотоордынского хана Узбека (1313–1341 гг.) ясачные земли Западной Сибири находились под прямым контролем судей и даруг из Чимги-Туры, а в первой четверти XV века еще и под влиянием мангытских мирз Едигеевичей [36, с. 15–21]. Таким образом, Западная Сибирь в золотоордынское время оказалась расколота на территории, подконтрольные абсолютно разным джучидским династам и назначенным администраторам. Это деление могло сказываться на некоторых аспектах внутренней политики, в том числе в ее религиозном аспекте.

При этом мы склонны считать, что проникновение ислама в Западную Сибирь, по всей видимости, велось именно через территории «улуса Шибана», то есть с юго-запада региона. Во-первых, он напрямую граничил с основными поволжскими территориями Золотой Орды, где и начинались процессы принятия ислама на уровне ханской власти. Сами Шибаниды были тесно связаны с династией Батуидов, часто выполняя при них роль полководцев [30]. Во-вторых, одновременно с этим представители династии во время своих зимовок на Сырдарье могли напрямую взаимодействовать с исламскими деятелями Центральной Азии. Представляется, что эти два нюанса могут опровергнуть версию Г.Н. Гарустовича медленного проникновения ислама во владения Шибанидов, основу военных отрядов которых во второй половине XIV века якобы составляли некие язычники-шаманисты [13, с. 94]. Однако эти же аспекты проблемы ставят вопросы о том, когда сами Шибаниды приняли ислам и насколько это принятие оказало влияние на связанных с ними кочевников, в том числе расположенных в местах летовок этих династов на Южном Урале и в степной части Юго-Западной Сибири.

В основе улуса Шибана были переданные ему за доблесть во время Западного похода четыре племени (кушчи, найман, карлык и буйрак), большинство из которых были центральноазиатского или монгольского происхождения [27, с. 218]. Это несколько уменьшает роль во владениях Шибана кыпчаков, в том числе принявших ислам, хотя при этом понятно, что они могли составлять значительную часть рядового населения. Практически полное отсутствие памятников золотоордынского времени в Южном Зауралье не позволяет решить данный вопрос. В последнее время к анализу перечня изначального состава улуса Шибана активно привлекают данные «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме»: «Имена предводителей этих сорока тысяч [таковы]: кият Бурулдай-бек, затем предок (букв. ‘дед’) Али-бека из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей» [46, с. 231]. Заметно, что список этих кланов и ранее приведенный перечень по Абу-л-Гази не совпадают. Наиболее вероятно, что первый отражает состав владений Шибана после 1242–1243 гг., а второй – окружение данного Чингизида непосредственно в период похода. Представители этих кланов фиксируются в окружении Шибанидов и в дальнейшем, кроме, наверное, буйрак. Наиболее показательным является перечень степных аристократов из окружения Абу-л-Хайра в конце 1420–1440-х гг., среди которых были беки, мирзы и бахадуры из буркутов, дурманов, карлуков, конгратов, курлаутов,

кушчи, кыйатов, кытай, мангытов, найманов, тубай, тюменей, уйгуров, уйшинов, утарчи, чатов и ряда других [41, с. 16–17].

Эти списки показывают центральноазиатское и монгольское происхождение окружения Шибана и его первых потомков. При этом, по мнению В.П. Костюкова, помимо язычества, у найманов были распространены христианство в несторианской форме и буддизм, а у карлуков – ислам и несторианство [28, с. 445]. Подобное разнообразие религиозных верований (тенгризм или шаманизм, несторианство, буддизм, ислам) и веротерпимость вообще были характерным явлением Монгольской империи и Золотой Орды. При этом принятие той или иной мировой религии должно было отражаться и в погребальной обрядности. Однако большинство памятников «Улуса Шибана», то есть курганные могильники и каменные поминальные оградки с изваяниями, отражают именно языческие верования. При этом погребальная обрядность в рамках одного некрополя была довольно вариабельной, что отражало многокомпонентный процесс складывания нового зауральского населения. На общем фоне выделяются отдельные погребения шаманов (курган у Третьего плеса в Челябинской области), представителей буддистской общины (погребение в кургане 3 могильника Сарбулат-2 в Челябинской области) [28, с. 450–451]. Личное принятие отдельными золотоордынскими ханами (Берке, Туда-Менгу) ислама не меняло общей ситуации в их окружении и тем более у степной аристократии, особенно на северной периферии этого пространства. Понятно, что мусульманское купечество играло довольно важную роль в торговле на территории Улуса Джучи, а отдельные представители этой религии были и в административном аппарате [12, с. 20–23].

Ситуация должна была значительно измениться только в период принятия ислама ханом Узбеком. Общим местом стало рассуждение о том, что переход Узбека в новую веру носил не только личный характер, но и, по сути, речь шла о стремлении утвердить ее как государственную религию, что соответствовало и тенденциям централизации власти при этом хане. Узбек пришел к власти при поддержке выходца из Хорезма и будущего беклярибека Кутлуг-Тимура и его братьев, а также многочисленной мусульманской общины во главе с хорезмским шейх-уль-ислам Имад ад-Дин ал-Маскири. Сам Узбек воспитывался в мусульманских традициях и до 1312 года некоторое время находился в Ургенче. В отличие от предшествующих близких ситуаций, приход к власти сопровождался не только казнями эмиров и вельмож, но и значительного числа уйгуров (буддистов), которые при Токте укрепили свое экономическое и политическое влияние в Улусе Джучи. В момент прихода к власти или сразу после этого сам Узбек стал мусульманином и обещал способствовать распространению этой веры, что обеспечило ему поддержку мусульманской общины. Однако дальнейшее распространение ислама было связано с противоборством с кочевыми аристократами, многие из которых, не вступая в противоречие с властью по политическим причинам, не хотели менять веру, считая, что хан не имеет право этого требовать. По всей видимости, это привело к казни части Чингизидов и сановников, а также к усилению власти назначенных правителем администраторов, среди которых были и муфтии, кадии и эмиры-темники. Судя по произведению XV века «Шаджарат аль-атрак», эта борьба за доминирование ислама растянулась на 7–8 лет, то есть до 1320–1321 гг. Значительную роль в ней сыграли Занги-Ата, Сейид-

Ата, Баба-Туклеса и другие суфии [22, с. 55–65; 52, с. 88–90]. Увеличение роли ислама в жизни ханской ставки и степной аристократии не привело к полному исчезновению иных религиозных конфессий. Например, при дворе Узбека были писцы-«бахши» из числа уйгуров-буддистов [22, с. 91]. При Узбеке и его наследниках сохранялись и многие привилегии Русской православной церкви [24, с. 109–112]. Такая политика вполне вписывалась в традиции свободы вероисповедания и веротерпимости монгольских ханов, установленные еще при Чингиз-хане и независимые от личной веры самого правителя [67, с. 235]. Гонения на буддистов вполне могли быть не столько свидетельством межрелигиозной, сколько политической борьбы двух партий за доминирование при ханском дворе.

Исламизация в Улусе Джучи при хане Узбеке традиционно связывается с деятельностью наследников Ходжи Ахмада ал-Йасави, ходжей и накибов Сайид-Ата и Занги-Ата из Хорезма [22, с. 61–73; 68, р.101–102]. Сайид-Ата часто рассматривается в качестве легендарного исламизатора всего Дешт-и Кыпчака. В Западной Сибири также известны мюрид основателя тариката Хаким-Ата (Сулейман Бакыргани из Ургенча) и его ученик Занги-Ата. С Хаким-Ата связана т.н. «Баишевская астана». Его деятельность описана в «Грамоте хранителя Юрумской астаны», ряде текстов о приходе в Сибирь из Бухары 366 шейхов и агиографических легендах, записанных в юртах Баишевских [58, с. 55–56]. В целом их упоминание в сибирских текстах говорит о роли представителей суфийского братства Йасавийа в процессе исламизации западносибирского населения. Однако имеющаяся информация не позволяет датировать сами события или хотя бы с большой степенью вероятности отнести их именно к золотоордынскому этапу исламизации юга Западной Сибири, кроме как путем проведения аналогий с синхронными процессами в Улусе Джучи.

Распространение новой веры, прежде всего, затронуло представителей золотоордынской элиты, что привело к отдельным проявлениям несогласия с этим, в том числе и военным столкновениям, в ее среде [19, с. 80–81]. Данная тенденция затронула и владения Шибанидов, тем более, что в ближайшем окружении Узбека был представитель этой семьи – Тама-Токта [52, с. 89]. Наиболее показательная в этом отношении фраза Махмуда бен Вали: «Когда круг вращения жизни Джочи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, сгустившийся в той области... (но) свеча жизни... была задута [взмахом] края вражеского рукава» [41, с. 348]. С позиции автора-мусульманина это отчасти можно трактовать именно как отражение процесса исламизации на территории владений Шибанидов под руководством Бадагула и возможно его гибели в результате сопротивления населения. Возможно, в нем участвовали и сами Шибаниды, в следствии чего их эль из четырехсоставного стал двусоставным [64, с. 104–105].

Косвенным подтверждением многообразия религиозной картины на юге Западной Сибири может быть информация миноритского брата Иоганки Венгра. Около 1320 г. он посетил с миссией территорию Баскардии, по одной из версий располагавшуюся в верховьях реки Камы [21, с. 9]. Иоганка сооб-

шает, что к управлявшим баскардами судьям из числа татар обратился некий посол от такого же судьи из страны Сибирь. Скорее всего, в это время данная страна располагалась к северу от владений Шибанидов и находилась под управлением судей, назначаемых непосредственно ханом Узбеком. Далее информатор пишет о том, что «...татары, судьи баскардов, которые не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли ее», но при этом баскарды оставались мусульманами. Интересно, что сибирский посол описывал, что там бога «чтят в виде стянутой с головы умершего человека кожи с волосами..., но при этом они признают христианского бога, которого почитают самым сильным». Судя по всему, крестил их неизвестный русский «схизматик», то есть православный священник, во время моровой эпидемии. Объяснялось это крещение якобы предвестием о том, что в ином случае люди в Сибири погибнут. Общее описание религиозной ситуации в Сибирской земле усложнялось приглашением послом латинских священников заново окрестить население этой земли [3, с. 92–94]. Имеется информация о том, что и в более раннее время несториане советовали делать это во время чумы для защиты от болезни, что не обязательно приводило к реальному принятию веры [55, с. 397, комм.].

Ибн Батута в 1330-е гг. писал о значительном числе мечетей, суфийских завийя (скитов), наличии многочисленных шейхов и дервишей в Улусе Джучи [22, с. 59]. Строительство мусульманской архитектуры, по всей видимости, началось и на территории владений Шибанидов. Ко времени Узбека относятся Варненский и Троицкий мавзолеи в Челябинской области, построенные из обожженного кирпича архитекторами среднеазиатской школы, которая в Улусе Джучи сформировалась под влиянием Хорезма. Они являются частью обширного проекта строительства таких сооружений в степях Волго-Уральского региона. Мавзолеи были семейными или индивидуальными усыпальницами аристократов, принявших ислам. Судя по специфике архитектуры и материальным затратам, речь должна была идти именно о высшем слое степной знати. Г.Н. Гарустович предположил, что постепенно эти сооружения могли становиться почитаемыми сакральными местами («аулия»). При этом данные усыпальницы были свидетелями переходного времени, когда ислам лишь осваивался местным населением. Это подтверждается наличием, например, в погребениях Варненского мавзолея, вещей, что противоречит канонам исламского погребального обряда [14, с. 96–109]. Представляется, что именно к этому времени должны относиться и часть ранее упомянутых мусульманских могильников чиялыкского населения.

По всей видимости, фактором роста исламского влияния могло быть и увеличение импорта вещей, связанных с арабо-мусульманской культурой, в частности зеркал XIV века, которые известны на территории различных частей Западной Сибири. Среди них встречаются артефакты с благопожелательными арабскими надписями, изображениями говорящего «дерева Вак-вак», сфинксов или аль-бораков, растительными орнаментами [39, с. 69–75].

Несмотря на все сложности принятия ислама при хане Узбеке, эта религия стала к концу его правления неотъемлемой частью культуры населения Улуса Джучи, в особенности его аристократической части. Позиции ислама значительно укрепились в период правления его сына Джанибека (1342–1357 гг. правления), при котором обращен был «весь улус Узбека», разруше-

ны все капища идолов и продолжено строительство мечетей и медресе [19, с. 310–311]. При этом по мере удаления от центра государственной власти иные мировые религии имели значительные возможности сохранить свое влияние. Недаром Ибрахиму б. Пуладу, возглавившему «Улус Шибана» в период Великой Замятни, пришлось вновь поднимать «знамя религии и государства» и соскабливать «ржавчину отрицания и противодействия с зеркал (человеческих душ) жителей той области» [41, с. 348]. В.П. Костюков считал, что приверженность Шибанидов последней четверти XIV – начала XV века исламу может быть подтверждена популярностью среди них мусульманских имен [28, с. 454–455], что характерно и для последующего времени. В.И. Соболев указывал, что позиции ислама должны были укрепиться во время пребывания в Сибири золотоордынского хана Токтамышша [60, с. 288]. На наш взгляд, это довольно сложно подтвердить источниками. При этом и период его пребывания в Сибири был чрезвычайно кратковременным (после битвы при Ворскле в 1399 году и до гибели под Тюменью от рук Шадибека в 1406 году). Сомнительно, чтобы за столь малый срок он мог внести какой-то значимый вклад в процесс исламизации.

Исследователи истории сибирского ислама часто опираются на комплекс сибирских манускриптов, в том числе т.н. Тобольскую рукопись или Рукопись Катанова, которая является списком Карагайской рукописи, и списки шаджара сибирских суфиев [58, с. 39]. Однако А.К. Бустанов считает, что «легенда об исламизации Сибири – всего лишь образ того, как хотели видеть процесс распространения истинной веры мусульманские ученые XVII–XVIII вв.» [9, с. 225]. Вызывают сомнения попытки четко датировать поход 366 шейхов в Западную Сибирь именно 1394–1395 гг., а тем более стремление рассматривать эту дату как начальную для исламизации населения региона, поскольку изложенная в рукописях легенда содержит разновременные сюжеты. Так, в тексте указаны сразу представители двух орденов – Йасавийа и Накшбандийа, причем первые подчинены второму, что не фиксируется ранее второй половины XVI века. Причем Накшбандийа распространяется за пределами Центральной Азии только в XVII веке. Упомянутые в этих текстах в качестве современников политические и религиозные деятели в реальности не могли быть таковыми, поскольку годы их жизни разбросаны с середины XII до конца XIV веков. Имеющийся здесь образ «хана Шибана» может рассматриваться не только как реальное указание на самого Шибана, который не был ханом, или его потомка Мухаммада Шейбани, но и как обобщающий для Шибанидов в целом. Конечно, было бы весьма интересным доказать на материалах других источников, что часть событий относится к противостоянию тюменского хана Ибрахима и узбекского оглана Мухаммеда Шейбани в конце XV в., но пока этого не удастся. Более логично выглядит соотнесение с периодом исламизации при хане Кучуме [32, с. 96–97]. Таким образом, создатели сибирско-татарских рукописей конструировали историческую действительность, вписывая в нее разновременные события, связанные с исламизацией населения юга Западной Сибири.

Несмотря на явное нарастание влияния ислама, довольно любопытный случай наблюдал в Сибири баварский солдат Иоганн Шильтбергер, который был здесь в отряде хана Чекре из Тукайтимуридов и мангытского бия Едигея

около 1412–1413 г. В своих воспоминаниях он позднее писал, что «люди в этой стране поклоняются Иисусу Христу подобно трем святым царям, пришедшим для принесения ему даров в Вифлеем и увидевшим лежащим его в яслях; поэтому в храмах их можно видеть изображение Христа, представленного в том виде, как застали его три святых царя, и этим изображениям приносят они дары и на них молятся. Приверженцы этой веры называются уйгуры; они в Татарии встречается вообще много людей этой веры» [66, с. 35–36]. Традиционно принято считать, что уйгуры – это обозначение не только отдельного племени, но и буддистов в целом, что говорит о сохранении соответствующих религиозных общин на удалении от Сарая еще в начале XV века. Это еще один пример сохранения монгольской веротерпимости и возможного существования иных конфессий на периферии ордынского пространства.

Ислам получил значительную поддержку от ханской власти уже в процессе становления и развития шибанидской государственности на юге Западной Сибири. Отсчет этого процесса условно начинается с провозглашения ногайским бием Едиге в качестве хана Хаджи-Мухаммада в 1420 г. История государственности охватывает значительный период времени до 1660-х гг., включая три этапа – Узбекского, Тюменского и Сибирского ханств. В силу того, что тронное место в это время находилось чаще всего в Чимги-Туре до ее потери в ходе похода Ермака 1582 г., в действительности резонно считать эти этапы историей одного государства Тюменского (Туранского) ханства. Собственно, это отвечает и отношению к этой политике со стороны восточных хронистов. Следует обратить внимание, что, как и для Шибанидов золотоордынского периода, для ханов XV–XVI в. тюменские и сибирские земли часто были лишь своеобразной рекреационной зоной накопления сил и северной периферией более обширных степных владений, где значительную роль играли центральноазиатские зимовки. Кочевой образ жизни был социально престижным и характеризовал повседневный уклад как местных ханов, так и племенной аристократии. В этих условиях власть должны были сосредотачиваться в кочевой ставке (орду-базаре), а северная и южная столицы для хана были временным местом пребывания во время летовок и зимовок. Очевидно, что они играли большую роль в сборе различных налогов, для чего здесь должны были постоянно присутствовать хакимы, даруги и иные администраторы, действовавшие от лица хана. Возможно, что в городах, в частности в Чимги-Туре и Искере, могли быть и иные органы государственного управления (диван, канцелярия), для деятельности которых необходимо было хранение архива и постоянный штат писцов-битикчи. Столичные центры должны были быть хорошо укреплены, поскольку тем самым становились центрами престижа и презентации ханской власти.

Распространение ислама на территории Тюменского и Сибирского ханства традиционно связывается с сейидами, представлявшими суфийские тариقات Йасавайя и Накшбандийа [22, с. 158; 34, с. 5–9]. В отличие от золотоордынского времени, для Тюменского и Сибирского ханств имеются точные указания на конкретных сейидов при ханских дворах, начиная с воцарения в 1429 году в Чимги-Туре узбекского хана Абу-л-Хайра. Д.М. Исхаков указывает, что «Шибанидское государство с самого начала формирования было мусульманским ханством, а верховный правитель кочевых «узбеков» Абу-л-Хайр был настоящим мусульманином» [22, с. 150]. Эту точку зрения поддер-

живают А.Г. и И.А. Селезневые и И.В. Белича [58, с. 28–29]. Судя по тому, что аристократия рассматриваемых ханств вышла из Улуса Джучи и имела длительные связи с Поволжьем и Центральной Азией, среди ее представителей, несомненно, было доминирующее число мусульман. Однако, возникает резонный вопрос – можем ли мы это аргументировать источниками?

Наиболее важным аргументом в пользу значительной роли мусульман при дворе Абу-л-Хайра было присутствие в его окружении сейидов Кара и Кул-Мухаммеда, которые выполняли религиозные, консультативные и военные функции, в том числе принимая участие в походах хана. Девин ДеВиз считает, что эти сейиды относились к тарикату Йасавийа, представители которого часто занимали пост накиба с военным функционалом [69, р. 619–620]. В одном позднем источнике «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Кухистани (1540-е гг.) упоминается об участии этих суфиев в курултае по выборам хана в 1429 г., хотя более резонно считать, что они присоединились хану лишь в ходе расширения его владений в Хорезме в 1430-е гг. [33, с. 123–124]. Для придворных сыновей и внуков Абу-л-Хайра поддержка сейидов в процедуре интронизации рассматривалась как необходимая для сакрализации этого процесса и обязательная в силу переноса на нее правил аналогичных церемоний XVI века. Мухаммад Юсуф Мунши в своем сочинении писал, что после подчинения Хорезма Абу-л-Хайру покровительствовал Маулан-Хусейн-и Хорезми, потомок Наджм-ад-Дина Кубрави, то есть основателя Кубравийа [45, с. 48]. Упоминание о представителях этого влиятельного в Средней Азии братства позволяет предположить его возможное участие в исламизации населения Узбекского ханства, в том числе подвластных ему групп юга Западной Сибири. В именослове аристократов из ближнего круга Абу-л-Хайра неоднократно упоминаются люди с приставки к именам «Суфи», «Дервиш» и «Шайх», что явно говорит о большой роли ислама в элитарной среде. Однако, это не дает оснований для решения вопроса о степени принятия ислама рядовым населением Узбекского ханства.

При этом в период правления Абу-л-Хайра сохранялись тюрко-монгольские традиции предшествующего времени, в том числе воспринимаемые как адаты. Показателен пример отношения к этому процессу со стороны политических лидеров того времени, в частности правителя государства Тимуридов Шахруха (1409–1447 гг.). При укреплении ислама в его владениях, которому сопутствовали антимонгольские действия и риторика, он не видел необходимости упразднять монгольские порядки (монгольский суд и наказания за нарушение ясы). Тоже было характерно для Шибанидов и мангытских правителей Средней Азии XVI–XVII вв. [31, с. 42, 229, 259]. В Узбекском ханстве Абу-л-Хайра в политической жизни также шло восстановление имперских традиций раздачи халатов и поясов в рамках проведения тоев и курултаев в качестве взаимного ежегодного обновления статусов хана и аристократов. В результате каждый участник этих мероприятий, «кто имел место в системе управления, получал доступ к распределению ресурсов, реальных (например, пастбища) и символических (знаки власти)» [67, с. 212].

При этом Абу-л-Хайр апеллировал не только к системе раздач как закреплению властных отношений, но и к конкретной исламской символике. Например, после победы над ханами Большой Орды Махмудом и Ахмадом и

занятия «трона Саин-хана», узбекский лидер «...удостоил падишахскими халатами и царственными подарками известных бахадуров и воинов...», а с именем хана была прочитана хутба и проведен чекан монеты [41, с. 155]. Чтению хутбы придавалось большое значение в создании образа исламского правителя и признания его прав на территории. Важную роль играла и сикка, то есть право чеканки монет с именем правителя, рассматривавшееся в арабском мире в качестве показателя суверенности. События начала правления Абу-л-Хайра и поражения его противников меняли политическое положение хана, результатом чего стало создание нового ханского окружения в привычных тюрко-монгольских нормах. Однако его суверенность и право на территорию обозначались в мусульманских традициях, что явно говорит о значительной роли ислама в узбекском обществе этого времени.

Нахождение при ханском дворе представителей суфийских тарикатов привело к укреплению позиций ислама в среде местной аристократии последней четверти XV века. Это заметно и по именам представителей ханской династии, так и известных по сибирским летописям князей Тайбугидов (Ходжа, Мар или Умар, Адер, Мамет). Еще раз подчеркнем, что степень принятия ислама рядовыми группами населения, то есть сибирским «безмолвствующим большинством», не может быть уточнена без выявления и изучения мусульманских некрополей, хотя даже их анализ всегда является свидетельством завершенности рассматриваемого процесса, невозможного без формирования уммы и соблюдения всеми ее членами мусульманских традиций [62].

Тюменский («шибанский») хан Ибрахим прямо указывал на принадлежность к исламу, называя себя в переписке с Москвой «бесерменским царем»: «Яз – бесерменской государь, а ты христианской государь, от сех мест вперед меж бы нас добродетель бы наша была» [50, с. 18]. В конце 1480-х – начала 1490-х гг. в его окружении были бежавшие представители казанской знати. Их перечень имеется в письме от московского князя Ивана III в 1490 г.: «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат» [50, с. 21]. Д.М. Исаков предположил, что казанские сейиды в основном принадлежали к тарикату Йасавийа [22, с. 92–94]. Возможно, что они после смерти Ибрахима могли оставаться при двоюродном брате и нового тюменского хана Мамуке.

В грамоте 1493 г. в Москву говорилось о том, что Ибрахим «... Темир Кутлуева сына убившы, Саинский есми стул взял...» [49, с. 95; 51, с. 46], скорее всего, здесь отражались события января 1481 года, когда Ибак-хан вместе с ногайцами взял зимнюю ставку большеордынского хана Ахмада. Указание на «саинский стул» позволяет провести аналогию с более ранними аналогичными действиями Абу-л-Хайра. В связи с этим следует упомянуть возможную денежную эмиссию Ибрахима. Очевидно, что наименование его как «бесерменского государя» при интронизации на общеордынский престол должно было сопровождаться теми же элементами, которые мы ранее встречали в аналогичной ситуации при Абу-л-Хайре. Возможность денежной эмиссии Ибрахима долгое время основывалась на одной единственной находке, сделанной Ю.А. Аргентовским на Могилевских дюнах на берегу Исети в современном Шатровском районе Курганской области. Легенда монеты была восстановлена А.Г. Нестеровым, который на аверсе прочитал легенду, легко вос-

становливаемую как «Султан верховный Ибрахим хан» или «Султан Ибрахим хан», что в целом вполне укладывается в версию о религиозной принадлежности хана. С учетом утраты самой монеты прочтение вызывало довольно длительную дискуссию среди специалистов по нумизматике. Р.Ю. Рева в последнее время обнаружил не только новые монеты этого тюменского правителя, но и его отца Махмуда и деда Хаджи-Мухаммада [4, с. 39–40; 10, с. 56–66; 47, с. 29–30; 53, с. 56–57; 54, с. 198–211], чьи имена не вызывают сомнений в исламской принадлежности. Хотя в споре об этом чекане еще не поставлена последняя точка, можно предположить, что сама эмиссия хорошо вписывается в символику власти мусульманского правителя, каковыми были представители тюменских и сибирских Шибанидов. В источниках отсутствует указание на принадлежность сейидов при дворах тюменских ханов к кому-либо тарикату, однако Д.М. Исхаков считает, что представители Шибанидов в это время были последователями тариката Йасавийа [23, с. 146].

На первую половину XVI века приходится значительная лакуна в истории шибанидской государственности на юге Западной Сибири. В 1510-х гг. начинается период «смутного» времени, когда многие «шибанцы» уходят, возможно, под влиянием изменения климата в рамках Малого ледникового периода, в степи. Это приводит к значительному сокращению упоминаний тюменских ханов во внешних источниках, что, видимо, связано и с уходом части из них в Московское государство и Бухару. Хотя еще в 1525 г. Павел Иовий писал: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам» [20, с. 28–31]. Это свидетельствует в пользу сохранения шибанидских владений в Приуралье и Прикамье, а, следовательно, и связанных с ними сибирских землях. К 1530-м гг. последние оказываются под контролем мангытского бия Шейх-Мамай, внука хана Ибрахима по линии дочери, а населены эти земли были тюменскими, шейбанскими и кайсацкими татарами [16, с. 157, 164, 181; 51, с. 130–131, 155].

Очередная попытка приведения сибирского тюрко-татарского населения к исламу была предпринята в начале 1570-х гг. двумя братьями Ахмад-Гиреем и Кучумом, сыновьями Муртазы и внуками Ибрахима. Возникает вполне резонный вопрос о том, почему, несмотря на все успехи исламизации XIV–XV веков и сохранение связей с Центральной Азией, Поволжьем и Приуральем, она понадобилась? Представляется, что это может быть связано не со сложностями внедрения ислама в среде рядового населения, а с тем, что, благодаря миграциям первой четверти XVI века, на юге Западной Сибири значительно изменился сам состав населения. Наиболее хорошо перечень племен и кланов известен по уже упомянутому выше окружению Абу-л-Хайра. Для Сибирского ханства этот перечень может быть восстановлен лишь по племенам, упоминающимся в контексте русского присоединения сибирских территорий как в составе войск Кучума и Кучумовичей, так и перешедших на русскую сторону: аялы, мякотин (бикотин), сынрян, табын, терсяк, чат и другие. Некоторые из них состояли из тюркизированных угров (терсяк, бикотин) [35, с. 5–10]. При этом не решен вопрос о связи кланов XV века с подобными структурами более позднего времени (например, табын были явно родственны уйшинам). Однако в целом эти два перечня разительно отличаются друг от друга [37, с. 62–64].

По всей видимости, произошли и значительные территориальные изменения, особенно с учетом того, что северной столицей Шибанидов была Чимги-Тура, а границей долгое время была река Тавда. Сибирская земля была присоединена только в конце XV века, но при этом находилась под управлением беков из Тайбугидов, которые, видимо, ограничивались лишь сбором ясака для тюменских ханов без их вмешательства в иные вопросы. Ахмад-Гирей, приглашенный править в Искер, в 1563 году и затем его брат Кучум стали первыми Шибанидами, которые поставили Сибирскую землю под свой прямой контроль. На протяжении 1570-х они, сохраняя совместно с ногаями владения Шибанидов предшествующего времени, значительно расширили границы Сибирского ханства на север и восток, в том числе на земли угорских и самодийских княжеств. Ранее на эти земли власть Шибанидов либо не распространялась вообще, либо ограничивалась сбором ясака. Местное население не было связано с изначальными владениями Шибанидов, где ислам занял свое место еще со времен Узбека. В результате ханской политики на севере границы Сибирского ханства вышли к впадению Иртыша в Обь, среднему течению Туры и Тавды, на востоке – к низовьям притока Оби реке Томь, на юге – к Чановским озерам в Барабе, низовьям Иртыша. Именно эти территории были укреплены крепостями как для охраны границ, так и для контроля над ними [40, с. 61–65].

Исламское вероисповедание Кучума и придворных администраторов не вызывает сомнения. Это нашло отражение в богословии «Бог всемогнии» и «Бог богат», которое было обязательной частью начального протокола мусульманского дипломатического документа. Оно известно как по переписке с московским царем Иваном IV в 1570 году, так и с бухарским ханом Абдаллахом II в конце 1590-х годов [8, с. 232–233; 61, с. 52], причем в рамках последней перед Кучумом напрямую ставится задача борьбы с русскими как с «кафырями». Представляется, что именно новые племена и земли поставили Кучума перед необходимостью проведения ряда внутренних реформ, в том числе и исламизации как способа создания государственной идеологии Сибирского ханства. Симптоматично, что т.н. Продолжатель Утемиша-хаджи в начале XVII века писал, что Кучум «стал великим ханом юрта Тау Буга Ишдеге (?) (Тау Буга йурты Ишдеге)» [44, с. 64]. Это название может состоять из указания на юрт, имя его владельца Тайбуги и подвластное им население, то есть иштяков. Установление в Сибирской земле (Искерском юрте) прямого управления Шибанидов связано с сепаратизмом местных князей Едигера и Бекбулата Тайбугидов в 1555–1563 годах [48, с. 248]. Их желание перейти под власть русского царя Ивана IV, получить его поддержку и обещание платить ему ясак нарушало абсолютное право хана на ведение внешней политики, а также ударяло по экономическим возможностям сибирской правящей семьи, большая часть которой в это время располагалась где-то в Бухарском ханстве. Существует предположение, что понятие «иштяк» в тюркских языках могло обозначать не только инородческое, но и языческое население [65, с. 85]. Таким образом, рядовое население Тайбугина юрта могло быть не охвачено более ранними процессами исламизации. При этом, поскольку бывшие Сибирские земли «Тайбугина юрта» стали основой Сибирского ханства, а в Искер из Чимги-Туры была перенесена северная столица, то понятно, что его население нужно было привести к исламу. Таким образом, речь могла

идти не о вторичной исламизации, а о внедрении этой религии на новых землях к востоку от владений Шибанидов предшествующего времени. В результате этого исламом должны были быть охвачены вся территория Западной Сибири, подвластная Шибанидам.

Судя по маршрутам проповедников 1570-х гг., именно земли по Иртышу и Тоболу подверглись новой волне исламизации, в результате которой формировалась новая идентичность не всего населения ханства, а именно поставленного под прямой контроль в период второй половины 1560-х гг. Симптоматично, что именно на этой новой для ислама территории начинает формироваться феномен астана, то есть могил местночтимых святых, что максимально приближало ислам к бывшему языческому населению. Обратим внимание, что датировка ранее рассмотренных мавзолеев (кесене) в Челябинской области на данный момент построена только на традиционных археологических методах. Найденные артефакты при раскопках Варненского мавзолея «Кесене» имеют широкую датировку в рамках XIV–XVI веков. На данный момент их привязка именно к периоду Узбека носит не более чем условный характер, а сами они требуют дополнительного исследования. Интересно то, что в рукописях сибирских татар «захоронения павших за веру», то есть астана, тоже называются мавзолеями. «Традиция возводить мавзолеи пришла в Западную Сибирь с юга вместе с миссионерами и переселенцами из Бухары и трансформировалась у них, вследствие отсутствия привычного строительного материала – камня в устройство оградок, срубов и т.д. из дерева» [62, с. 803]. С учетом того, что астана в Тюменской и Омской области датируются не ранее XVI века, их возможное соотнесение во времени с мавзолеями Южного Зауралья весьма интересно и раскрывает новые перспективы в изучении сибирского ислама и его связей с Центральной Азией.

Именно с правлением в Искере внуков Ибрахима, Ахмад-Гирея и Кучума, связано присутствие представителей суфийских орденов на юге Западной Сибири. Их связь с суфиями была вполне очевидна и по причине роли последних в Бухарском ханстве, например, известного влияния на хана Абдаллаха II лидера суфийского тариката Накшбандийя, Мухаммаде Ислами, известного как Ходжа Джубайри [17, с. 182; 45, с. 59]. Скорее всего, в результате этой связи жена Бекбулата после прихода к власти Ахмад-Гирея также оказалась в Бухаре в доме сейида, где родила затем сына, прозванного Сейдяком [42, с. 192].

В 1572 и 1574 гг. хан Кучум дважды обращался к бухарскому хану Абдаллаху II для организации приезда мусульманских проповедников в Сибирь. Кучум стремился как получить наставников в вере, так и, возможно, создать государственную идеологию Сибирского ханства на основе единства веры. Несмотря на обращение в Бухару, «миссия» организовывалась в Ургенче, который в политическом плане был подчинен хивинским ханам, отношения которых с Абдаллахом II были весьма напряженными. В результате согласование поездки велось через суфийские тарикаты: бухарский хаким Ходжа-Якуб по просьбе хана обратился к своему родственнику, ургенчскому хакиму Хан-сайиду-ходже [42, с. 195]. Около 1574 года приехавший в Искер хаким Ярым-сейид умер, а сопровождавший его шейх Шербати вернулся обратно в Ургенч. В том же году Кучум был вынужден вновь обращаться в Бухару за

помощью в вопросах веры. Это обращение также было переадресовано в Ургенч, где собрали вторую группу проповедников, во главе которой оказались Шербати-шейхом и Дин-Али-ходжа, младший брат Ярым-сейида. В Бухаре выделили для их защиты отряд из 100 человек во главе с братом Кучума ханом Ахмад-Гиреем [25, с. 51–69]. С учетом связей Абдаллаха с Ходжой Джубайри резонно предположить, что и суфии, отправленные в Сибирь, могли происходить из того же тариката, который был основан Мухаммедом Бахауддином Накшбанди аль-Бухари в конце XIV века под значительным влиянием идей Йасавийа [9, с. 214].

Этому не противоречат и данные рукописи Катанова, в которой говорится об организации ранее рассмотренного легендарного похода основателем тариката Накшбандийа. В середине XVI века связь между этими тарикатами была довольно тесной. При этом Накшбандийа явно набирал все большую силу, постепенно подчиняя Йасавийа, чему способствовала и поддержка бухарских и хивинских Шибанидов. В результате в составе участников похода фиксируется большое число учеников Занги-бабы и Сейид-Ата из Йасавийа. В трактате «Шаджара Рисаласи» рассматривается происхождение от Сейид-Ата Дин-Али-ходжа и Ярым-сейида. А.К. Бустанов даже предположил, что они бежали к Кучуму в связи с конфликтом между тарикатами и усилением влияния конкурентов [11, с. 59]. Однако, имеющиеся источники, на наш взгляд, говорят о согласованной позиции тарикатов по вопросу исламизации населения Сибирского ханства. Интересно мнение Девина ДеВиз, согласно которому после смерти Ходжи Джубайри накибом и шейх аль-исламом при бухарском хане стал наследник Сейида-Ата, Хасан Ходжа [69, р. 622]. Так же, как при Ибрахиме, при дворе Кучума могли оказаться и абызы (хафизы) из Казани [42, с. 195]. Возможно, как и в прошлом, это были те представители мусульманского духовенства, которые бежали от русской власти.

Таким образом, при Кучуме исламизация затронула, прежде всего, новые земли Сибири, поставленные под прямой контроль тюменских ханов. Успехи миссионерства были настолько велики, что ислам принимали и представители верхушки мансийских обществ, в том числе с территории Пелымского княжества [18, с. 44], хотя, несомненно, сам вопрос о времени и причинах принятия ислама в угорской среде гораздо более сложен. На восточных землях ханства начинают формироваться соответствующие местные центры ислама в виде астана, которые «...со временем стали ключевыми точками сакрального мусульманского ландшафта некоторых регионов Западной Сибири» [62, с. 802]. Черты ислама проявлялись и в некоторых погребальных памятниках («ханское кладбище» возле Искера, могильник у с. Гжатск в Новосибирской области и курганы на 1-м Киргизском кладбище в Омской области), которые могут относиться к XV–XV векам [60, с. 290]. Несколько сложнее обстоит вопрос с мечетями, поскольку на данный момент на городищах Сибирского ханства они не найдены, кроме возможного исключения на Искере еще по данным раскопок Н.Н. Пигнатти. Мечеть в Кызыл-Туре на рисунке из Кунгурской летописи, которую видел еще П.И. Фальк в 1771 году, так и не была обнаружена в ходе длительных археологических работ на этом памятнике Е.М. Данченко [38, с. 136–137; 62, с. 803; 20, с. 28–31]. Впрочем, следует признать, что все рисунки Кунгурской летописи отражали именно русское православное понимание сибирской истории XVI века и в большинстве слу-

чаев не может быть использовано как источник реконструкции каких-либо аспектов прошлого.

Представители мусульманского духовенства сохраняли свое положение при дворе Кучума и после его отступления из Искера. При этом они могли быть и руководителями посольских миссий, в частности абыз (хафиз) Усейн руководил бухарцами, которых погромил отряд сына боярского Ильи Беклемишева на перевозе через Иртыш в конце 1596 года¹. Посольские функции в переговорах между Кучумом, Абдаллахом II и лидерами Алтыулов выполняли бухарский ходжа Дин-Али и сибирский абыз Игебердей. При этом Дин-Али б. Мирали мог быть верховным сейидом Сибирского ханства со времени приезда из Ургенча в 1574 г. [22, с. 165–168; 58, с. 137–138]. Дин-Али стал ханским зятем (гургеном) в результате женитьбы на дочери Кучума Налханише или Лейле-ханише [43, с. 198; 58, с. 136]. При этом опубликованные нами совместно с А.В. Беляковым документы позволяют говорить о том, что еще в 1595 г. Дин-Али продолжал бывать в Бухаре и выполнял посольские обязанности именно от лица бухарского лидера [8, с. 235].

В 1598 г. при Кучуме в качестве сейида упоминается уже Тул-Мухаммад [2, с. 3]. Скорее всего, Дин-Али в это время мог попасть в плен к русским или, более вероятно, в очередной раз оказался в Бухаре. Возможно, «татарский юртовской сеид Тенелей Берелеев», упоминаемый в русских документах конца XVI века, был Дин-Али [22, с. 168; 58, с. 137–138]. Как правило, установление этой связи, в том числе в хронологическом плане, делается со ссылкой на исследование С.В. Бахрушина о сибирских служилых татарах [5, с. 165], хотя соответствующий документ с указанием сейида датируется только 15 октября 1629 г. [56, с. 606–610], когда Дин-Али должно было быть около 70 лет. Данная проблема ставит задачу о продолжении поиска документов о времени и обстоятельствах перехода к русским. К тому же русские воеводы часто использовали лиц с подобным статусом, например, Тул-Мухаммад (Тул-Мамет), взятый в плен в битве при Оби, уже через три дня после этого 23 августа 1598 г. был отправлен искать Кучума. Он должен был передать хану предложение перейти под руку московского царя, а после этого отправиться с аналогичной миссией к чатским лучшим людям [2, с. 7]. Все это свидетельствует о высоком статусе подобных людей в среде сибирской племенной аристократии.

В рамках переписки Абдаллаха II и Кучума в 1595 г. посольские функции также выполнял абыз Игибердей. Как и Дин-Али, он был связан с Кучумом родством, поскольку его дочь Карачай (Карачаца) была замужем за сыном хана Азимом (Хаджимом). По мнению А.В. Белякова, нам очень мало известно о таком сложном явлении как хафизы (абызы в русских источниках), при этом их статус не следует упрощать до простых «татарских попов» [7, с. 40–45]. Хотя традиционно сейиды и абызы, прежде всего, отвечали за соблюдение исламских обрядов, их образованность и авторитет приводили к значительному влиянию на ханскую ставку и выполнению многих сугубо светских обязанностей. Например, в 1601 г. от лица царевича Хаджима у башкир собирал «одежи и кормы» хафиз Алибай, а другой хафиз Менглибай вел переговоры в Тюмени от того же Хаджима и его брата Каная [63, с. 133].

¹ РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.11. Л.24об.

Роль сейидов и абызов в дипломатической деятельности свидетельствует о большом значении суфийских орденов в ханствах Шибанидов XVI века, в том числе в Сибирском. А.В. Беляков указывает, что «отмечены абызы и при «казакующих» сибирских царевичах в середине XVII в. ... о них говорится... как о лицах, которые способны прочесть царскую грамоту, посланную из Москвы в калмыцкие улусы» [7, с. 40]. Их происхождение почти никогда не фиксируется в документах, исключением является абыз Безелек из Чатов, который при Кане был отправлен с посольской миссией в Москву [43, с. 196].

Таким образом, на протяжении XIV–XVI вв. ислам, благодаря политике золотоордынских лидеров и различных ханов из династии Шибанидов, занял ведущее положение на религиозной карте Тюменского и Сибирского ханства, прежде всего, при дворе правителей и в среде кочевой аристократии. Представляется, что для времени Тюменского ханства можно говорить и о том, что процесс исламизации охватил и рядовые группы кочевников. Расширение территории этого ханства за счет присоединения Сибирской земли привело братьев Ахмад-Гирея и Кучума к ситуации необходимости введения ислама на территории, которая ранее была за границами мусульманского мира. Принципиальными моментами рассмотрения процесса исламизации является следующее: во-первых, необходимо его изучать именно в более широком хронологическом контексте с золотоордынского времени и с учетом условного «обрыва» государственности в первой четверти XVI века; во-вторых, понять особенности процесса исламизации при ханах Ахмад-Гирее и Кучуме мы сможем только, если осознаем, что для мусульман Сибирь (в понимании того времени) была новой и неизведанной территорией. При этом продвижение ислама происходило не только с юга на север из Центральной Азии, но и с запада на восток из Поволжья под значительным влиянием действовавших в этих регионах представителей суфийских тарикатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингизова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.-Ташкент-Баку, 1996. С. 3–186.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II: 1598–1613. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 472 с.
3. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // *Исторический архив*. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.
4. *Аргентовский Ю.А.* Археологические находки в дюнах близ деревни Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда // *Зап. Уральского об-ва любителей естествознания*. Екатеринбург, 1912. Т. XXXI. Вып. 1. С. 32–43
5. *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 153–175.
6. *Белоглазов А.В.* Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Учебное пособие. Казань: Казанский ун-т, 2013. 294 с.

7. *Беляков А.В.* Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. Научный ежегодник. 2015. № 7. С. 40–45.

8. *Беляков А.В., Маслюженко Д.Н.* Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.

9. *Бустанов А.К.* Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума*. Т.11. Омск: Издательский дом «Наука», 2009. С. 195–229.

10. *Бустанов А.К.* Денежное обращение в Сибирском улусе // *Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран*. М.: Вост. лит., 2009. С. 56–66

11. *Бустанов А.К.* Суфийские легенды об исламизации Сибири // *Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье*. М.: Вост. лит., 2011. С. 33–78.

12. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 170 с.

13. *Гарустович Г.Н.* Религиозная ситуация в Золотой Орде глазами современников // *Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей / под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой*. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 73–97.

14. *Гарустович Г.Н.* «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 2 (4). С. 96–109.

15. *Гарустович Г.Н.* К вопросу об этнической ситуации в лесостепном Зауралье в начале II тысячелетия н.э. // *Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола / под ред. Д.Н.Маслюженко, И.К.Новикова*. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2016. С. 62–65.

16. *Герберштейн С.* Записки о Московии / под ред. В.Л. Янина. М.: Издательство Московского университета, 1998. 420 с.

17. *Дженкинсон Э.* Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. // *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 168–192.

18. *Дмитриев А.* Покорение угорских земель и Сибири // *Пермская старина. Сборник статей и материалов преимущественно о Пермском крае*. Вып. V. Пермь: типография П.Ф.Каменского, 1894. XII, 220, IV с.

19. *Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П.Храпачевский*. М.: ППП «Типография «Наука», 2003. 448 с.

20. *Иовий П.* Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // *Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1*. СПб., 1836. С. 28–31.

21. *История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2016. 464 с.

22. *Исхаков Д.М.* Институт сеййидов в Улусе Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 228 с.

23. *Исхаков Д.М.* Проблема «окончательной» исламизации Улуса Джучи при хане Узбеке // *Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей / под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 129–153.

24. *Камалов И.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию). Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2016. 304 с.
25. *Катанов Н.Ф.* Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1897. Вып.8. С. 51–60.
26. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 192 с.
27. *Костюков В.П.* Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. VI. С. 210–224.
28. *Костюков В.П.* Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс.н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006. С. 444–457.
29. *Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы археологии и истории Западного Казахстана. 2007. №1. Вып.6. С. 169–207.
30. *Костюков В.П.* «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №1. С. 43–97.
31. *фон Кюгельген А.* Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-пресс, 2004. 516 с.
32. *Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2008. 168 с.
33. *Маслюженко Д.Н.* Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра // Золотоордынское обозрение. № 3 (5). 2014. С. 121–138.
34. *Маслюженко Д.Н.* Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 5–9.
35. *Маслюженко Д.Н.* Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в Южном Зауралье в 1600-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 5–10.
36. *Маслюженко Д.Н.* Юго-Западная Сибирь в составе Улуса Джучи: династическая принадлежность // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017. С. 15–21.
37. *Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х.* Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 57–72.
38. *Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф.* Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 136–137.
39. *Маслюженко Д.Н., Ханов С.А.* Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола / под ред. Д.Н.Маслюженко, И.К.Новикова. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2016. С. 69–75.
40. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Фэн АН РТ, 2012. 260 с.
41. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
42. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.
43. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.

44. *Миргалеев И.М.* Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 64–66.

45. *Мунши Мухаммед Юсуф* Муким-ханская история / перевод и прим. А.А.Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР «Фан», 1956.

46. *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост.лит, 2011. С. 228–248.

47. *Нестеров А.Г.* Монеты Ибрагим хана // Уральский следопыт. 1990. №12. С. 29–30.

48. Полное собрание русских летописей. Т.13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: Типография Н.Ю.Скороходова, 1904. 303 с.

49. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.

50. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984. 87 с.

51. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.

52. *Почекаев Р.Ю.* Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

53. *Рева Р.Ю.* Монеты Шибанидов XV века // Тезисы XVII Всероссийской нумизматической конференции. М.: ГИМ, Триумф-Принт, 2013. С.56–58.

54. *Рева Р.Ю., Казаров А.А., Зайончковский Ю.В.* Монеты хана Ибрахима // Труды ГИМ. Вып. LXXXI. Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам международной конференции «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С. 198–211

55. *Де Рубрук Г.* Путешествие в Восточные страны // Путешествия в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 88–190.

56. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Тип. Ф.Г. Елковского и Ко, 1884. Т.8. 700 с.

57. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.

58. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.

59. *Соболев В.И.* Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура: Материалы Международной научной конференции: Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири). Омск: ТОО «Репро-текст», 1994. С. 140–142.

60. *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.

61. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч.2. М.: Тип. Всеволожского, 1819. 643 с.

62. *Татауров С.Ф., Корусенко М.А.* История ислама в Западной Сибири: междисциплинарный подход к хронологии и периодизации // Былые годы. 2015. Т.38, ч.4. С. 798–807.

63. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост.лит., 2012. 231 с.

64. *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме (Тарих-и Дост-султан) / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Комментар. и указат. М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

65. *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.

66. *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / под ред. А.З.Буниятова. Баку: Элм, 1984. С. 35–36.

67. *Юрченко А.Г.* Хан Узбек. Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 400 с.

68. *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, University Press. 1994. 638 p.

69. *DeWeese D.* The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia // *Journal of the American Oriental Society*. 115. 4 (1995). P. 619–634.

Сведения об авторе: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института, Курганский государственный университет (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация). E-mail: denmas13@yandex.ru

Поступила 13.12.2018 Принята к публикации 25.02.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. Rodoslovnnoe drevo tyurkov [The genealogical tree of the Turks]. *Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. Rodoslovnnoe drevo tyurkov. Ioakinf. Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova. Len-Pul' Stenli. Musul'manskije dinastii* [Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. The genealogical tree of the Turks. Father Ioakinf. The history of the first four khans of the Chinggisid house. Lane-Poole Stanley. Muslim dynasties]. Moscow–Tashkent–Baku, 1996, pp. 3–186. (In Russian)

2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, 1841, Vol. II: 1598–1613. 472 p. (In Russian)

3. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh v Vostochnoy Evrope [Letters of the Hungarian missionaries of the 13th–14th centuries on the Tartars in Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical archive]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1940, vol. III, pp. 71–112. (In Russian)

4. Argentovskiy Ju.A. Arheologicheskie nahodki v djunah bliz derevni Mogilevoj Kondinskoj volosti Shadrinskogo uезда [Archaeological finds in the dunes near the village of Mogileva in the Kondinskaya volost of the Shadrinsky district]. *Zapiski Ural'skogo Obshhestva Ljubitelej Estestvoznaniya* [Notes of the Ural Society of Naturalists]. Vol. XXXI. 1912, Iss. 1, pp. 32–43. (In Russian)

5. Bahrushin S.V. *Sibirskie sluzhilye tatary v XVII v.* [Siberian Tatars in the 17th century]. *Nauchnye trudy. T.III. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv. CH. 2. Istoriya narodov Sibiri v XVI–XVII vv.* [The scientific works. T. III. Selected works on the history of Siberia of the 16th–17th centuries. P. 2. The history of the peoples of Siberia in 16th–17th centuries]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955, pp. 153–175 (In Russian)

6. Beloglazov A.V. *Vliyanie islama na politicheskie protsessy v Tsentral'noy Azii* [The influence of Islam on the political processes in Central Asia]. Kazan, Kazan State University Publ., 2013. 294 p. (In Russian)

7. Belyakov A.V. *Abyzy (khafizy) v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vekov* [The Abyzes (Hafizes) in the Moscow state of the 16th–17th centuries]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Nauchnyy ezhegodnik* [The medieval Turkic-Tatar States. Research Yearbook], 2015, no 7, pp. 40–45. (In Russian)

8. Belyakov A.V., Maslyuzhenko D.N. *Sibirsko-buharsko-nogajskie otnosheniya v svete perepiski buharskogo hana Abdallaha s sibirskim hanom Kuchumom* [Siberian-Bukharan-Nogai relations in the light of correspondence between Abdallah, the khan of Bukhara, and Kuchum, the khan of Siberia]. *Stratum plus*, 2016, no. 6, pp. 229–243. (In Russian)

9. Bustanov A.K. *Manuskripty sufiyskikh shaykhov: turkestanskaya traditsiya na beregakh Irtysha* [Manuscripts of the Sufi sheikhs: the Turkestan tradition on the banks of the Irtysh river]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic-archaeological complexes: problems of culture and society]. Omsk, Publishing house "Science", 2009, v. 11, pp. 195–229. (In Russian)

10. Bustanov A.K. *Denezhnoe obrashchenie v Sibirskom uluse* [Monetary circulation in the Siberian ulus]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2007–2008: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* [Turkological collection. 2007–2008: the history and culture of the Turkic peoples of Russia and adjacent countries]. Moscow, Eastern literature Publ., 2009, pp. 56–66. (In Russian)

11. Bustanov A.K. *Sufiyskie legendy ob islamizatsii Sibiri* [Sufi legends about the Islamization of Siberia]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological collection. 2007–2008: the history and culture of the Turkic peoples of Russia and adjacent countries]. Moscow, Eastern literature Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 33–78. (In Russian)

12. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoy Orde: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Islam in the Golden Horde: historical and archaeological research]. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2007. 170 p. (In Russian)

13. Garustovich G.N. *Religioznaya situatsiya v Zolotoy Orde glazami sovremennikov* [The religious situation in the Golden Horde in the eyes of contemporaries]. *Islam i vlast' v Zolotoy Orde. Sbornik statey* [Islam and power in the Golden Horde. A collection of articles]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 73–97. (In Russian)

14. Garustovich G.N. «Teoriya mavzoleev» ili regional'nye osobennosti kul'tovogo memorial'nogo zodchestva Uralo-Povolzh'ya epokhi Zolotoy Ordy (istoricheskie i etnograficheskie aspekty problemy) [“The theory of mausoleums” or regional features of the cult memorial architecture of the Ural-Volga region of the Golden Horde era (historical and ethnographic aspects of the problem)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2014, no. 2 (4), pp. 96–109. (In Russian)

15. Garustovich G.N. *K voprosu ob etnicheskoy situatsii v lesostepnom Zaural'e v nachale II tysyacheletiya n.e.* [To the question about the ethnic situation in the forest-steppe Trans-Urals in the beginning of the 2nd Millennium BC]. *Arkheologiya Srednego Pritobol'ya i sopredel'nykh territoriy. Materialy mezhregional'nogo kruglogo stola* [Archaeology of the Middle Tobol region and adjacent territories. Materials of the interregional round table]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2016, pp. 62–65 (In Russian)

16. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 420 p. (In Russian)

17. Jankinson E. *Puteshestvie v Srednyuyu Aziyu. 1558–1560 gg.* [The journey to Central Asia. 1558–1560]. *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI*

veke [English travelers in the Moscow state in the 16th century]. Moscow, 1937, pp. 167–192. (In Russian)

18. Dmitriev A. Pokorenie ugorskikh zemel' i Sibiri [The conquest of the Ugric lands and Siberia]. *Permskaya starina. Sbornik statey i materialov preimushchestvenno o Permskom krae* [The Perm antiquities. A collection of articles and materials primarily about the Perm Krai]. Perm, 1894, ed. V. xii, 220, iv p. (In Russian)

19. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in the sources. Arabic and Persian writings]. Comp., introductory article and comments by R.P. Khrapacheskiy. Moscow, 2003, vol. 1. 448 p. (In Russian)

20. Ioviy P. Posol'stvo ot Vasiliya Ioannovicha, velikogo knyazya Moskovskogo, k pape Klimentu VII [The Embassy from Vasily Ivanovich, Grand Prince of Moscow to Pope Clement VII]. *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii* [Library of foreign writers about Russia]. St. Petersburg, 1836, vol. 1, pp. 28–31. (In Russian)

21. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. T.I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva* [The history of the Tatars of the Cis-Urals. Vol. I. Nomads of the great steppe in the Cis-Urals. Medieval Tatar States]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 464 p. (In Russian)

22. Ishakov D.M. *Institut sejidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskih tjurko-tatarskih gosudarstvah* [Institute of the sayyids in the Ulus of Jochi and late Golden Horde's Turkic-Tatar States]. Kazan, Fan Publ., 2011. 228 p. (In Russian)

23. Ishakov D.M. Problema «okonchatel'noj» islamizacii Ulusa Dzhuchi pri hane Uzbeke [The problem of “definitive” Islamization of the ulus of Jochi under Uzbek Khan]. *Islam i vlast' v Zolotoj Orde* [Islam and power in the Golden Horde]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 129–153. (In Russian)

24. Kamalov I. *Zolotaja Orda i russkij ulus (tatarskoe vliyanie na Rossiju)* [The Golden Horde and Russian ulus (Tatar influence on Russia)]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 304 p. (In Russian)

25. Katanov N.F. Predaniya tobol'skikh tatar o pribytii v 1572 godu mukhammedanskikh propovednikov v g. Isker [Legends of the Tobolsk Tatars on arrival in 1572 of the Muslim preachers to Isker]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Yearbook of the Tobolsk province Museum]. Tobol'sk, 1897, is. 8, pp. 51–61. (In Russian)

26. Kononov A.N. *Rodoslovnaja turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, hana Hivinskogo* [The genealogy of the Turkmens. The work of Abu-l Gazi Khan of Khiva]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 192 p. (In Russian)

27. Kostjukov V.P. Ulus Shibana v XIII–XIV vv. (po pis'mennym dannym) [The Ulus of Shiban in the 13th–14th centuries (according to the written data)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 1998, Is. VI, pp. 210–224. (In Russian)

28. Kostyukov V.P. Kul'turnye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys.n.e. [Cultural transformation in the Ural steppes of Kazakhstan in the first half of the 2nd Millennium AD]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. The Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk, Rifej Publ., 2006, pp. 444–457. (In Russian)

29. Kostjukov V.P. Ulus Dzhuchi i sindrom federalizma [The ulus of Jochi and syndrome of federalism]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of history and archaeology of Western Kazakhstan], 2007, no. 1, is. 6, pp. 169–207. (In Russian)

30. Kostyukov V.P. «Zheleznye psy Batuidov» (Shibane i ego potomki v voynakh XIII v.) [The “Iron dogs of the Batuids” (Shiban and his descendants in the wars of the thirteenth century)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of history and archaeology of Western Kazakhstan], 2008, no. 1, pp. 43–97. (In Russian)

31. von Kügelgen A. *Legitimacija sredneaziatskoj dinastii mangitov v proizvedenijah ih istorikov (XVIII–XIX vv.)* [The legitimization of the Central Asian dynasty of the

Maghyts in the works of their historians (18th–19th centuries)]. Almaty, Dajk-press Publ., 2004. 516 p. (In Russian)

32. Maslyuzhenko D.N. *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [Ethno-political history of the forest-steppe Cis-Tobol region in the middle ages]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2008. 168 p. (In Russian)

33. Maslyuzhenko D.N. Tyurko-mongol'skie traditsii v «gosudarstve kochevykh uzbekov» khana Abu-l-Khayra [Turko-Mongol Traditions in the “State of Nomadic Uzbeks” of Abu al-Khair Khan]. *Zolotoordynskaya obozrenie*. [The Golden Horde Review], 2014, no. 3(5), pp. 121–138. (In Russian)

34. Maslyuzhenko D.N. Deyatel'nost' sufiyskikh ordenov na territorii Tyumenskogo i Sibirskogo khanstv [The activities of Sufi orders in the territory of the Tyumen and the Siberian khanates]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2015, no. 2 (34), pp. 5–9. (In Russian)

35. Maslyuzhenko D.N. Tjurkskie gruppy v kochev'jah Kuchumovichej v Juzhnom Zaural'e v 1600-e gg. [Turkic groups in camping-grounds of the Kuchumoviches in the southern Trans-Urals in the 1600s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2016, no. 3(41), pp. 5–10. (In Russian)

36. Maslyuzhenko D.N. Jugo-Zapadnaja Sibir' v sostave Ulusa Dzhuchi: dinastijnaja prinadlezhnost' [South-Western Siberia as the part of the Jochid Ulus: the dynastic affiliation]. *Istoriya, jekonomika i kul'tura srednevekovyh tjurko-tatarskih gosudarstv Zapadnoj Sibiri. Materialy III Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii* [History, economics and culture of the medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of the III all-Russian (with international participation) scientific conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2017, pp. 15–21. (In Russian)

37. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Tyurkskie yasachnye volosti v Priiset'e v pervoy polovine XVII veka [The Turkic yasak volosts in Priisetie in the first half of the seventeenth century]. *Voprosy istorii = Questions of history*, 2017, no. 1, pp. 57–72. (In Russian)

38. Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. Isker kak mifologema v izuchenii istorii Sibirskogo hanstva [Isker as mythologem in the study of history of the Siberian khanate]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 4, pp. 136–137. (In Russian)

39. Maslyuzhenko D.N., Khanov S.A. Zerkala mongol'skogo i zolotoordynskogo vremeni s territorii lesostepnogo Pritobol'ya [Mirrors of the Mongol and the Golden Horde time from the territory of forest-steppe Tobol region]. *Arheologija Srednego Pritobol'ja i sopredel'nyh territorij. Materialy mezhregional'nogo kruglogo stola, posvjashhennogo 50-letiju Kurganskoy arheologicheskoy jekspedicii (Kurgan, 8 dekabrya 2016 g.)* [Archaeology of the Middle Cis-Tobol region and adjacent territories. Materials of interregional round table dedicated to the 50th anniversary of the Kurgan archaeological expedition (Kurgan, December 8, 2016)]. Kurgan, Publishing house of the Kurgan State University, pp. 69–76. (In Russian)

40. Matveev A.V., Tataurov S.F. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [The Siberian khanate: a political and military aspects of history.]. Kazan, Fan Publ., 2012. 260 p. (In Russian)

41. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya. iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the history of the Kazakh khanate in the 15th–18th centuries (extracts from the Persian and Turkic writings)]. Suleymenov B. [otv. red.]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. 655 p. (In Russian)

42. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol.I. Moscow, Vostochnay literatyr Publ., 2005. 630 p. (In Russian)

43. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, Vostochnay literatyr Publ., 2000. 796 p. (In Russian)

44. Mirgaleev I.M. Soobshchenie Prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi o pozdnikh Shibanids [Information of the continuator of “Chingiz-nama” by Ötemish Hajji about the late Shibanids]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, economics and culture of the medieval Turko-Tatar States in Western Siberia. Materials of the II Russian scientific conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 64–66. (In Russian)

45. Munshi Mukhammed Yusuf. *Mukim-khanskaya istoriya* [Mukim-Khan's history]. Tashkent, 1956. 300 p. (In Russian)

46. Mustakimov I.A. Svedeniya «Tavarikh-i guzida – Nusrat-name» o vladenyakh nekotorykh dzhuchidov [Information of the “Tavarikh-i guzida – Nusrat-name” about the domains of some descendants of Jochi Khan]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2009–2010: Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological collection. 2009–2010: the Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the middle ages]. Moscow, Eastern literature Publ., 2011, pp. 228–248. (In Russian)

47. Nesterov A.G. *Monety Ibragim hana* [Coins of Ibrahim Khan]. *Ural'skij sledopyt* [Ural pathfinder], 1990, no. 12, pp. 29–30. (In Russian)

48. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Patriarshaya, ili Nikonovskaya letopis'* [Complete collection of Russian Chronicles. Patriarchal, or Nikon chronicle]. St. Petersburg, 1904, vol. 13. 240 p. (In Russian)

49. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vv.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 37. Ustyug and Vologda chronicles]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 228 p. (In Russian)

50. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1508 gg.* [Ambassadorial book on Russia's relations with the Nogai Horde in 1489–1508]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1984. 87 p. (In Russian)

51. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1549 gg.* [Ambassadorial book on Russia's relations with the Nogai Horde in 1489–1549]. Makhachkala, 1995. 356 p. (In Russian)

52. Pochekaev R.Yu. *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy* [The tsars of the Horde. Biographies of the khans and the rulers of the Golden Horde]. Saint-Petersburg, Eurazia, 2012. 464 p. (In Russian)

53. Reva R.Ju. Monety Shibanidov XV veka [Coins of the Shibanids of the 15th century]. *Tezisy XVII Vserossiyskoj numizmaticheskoy konferentsii* [Abstracts of the XVII all-Russian numismatic conference]. Moscow, GIM, Triumph Print, 2013, pp. 56–58. (In Russian)

54. Reva R.Ju. Kazarov A.A., Zajonchkovskij Ju.V. Monety hana Ibrahima [Coins of Ibrahim Khan]. *Trudy Gosudarstvennogo Jermitezha. Materialy i issledovanie otdela numizmatiki* [Proceedings of the State Hermitage Museum. Materials and studies of the department of numismatics]. Vol. LXXXI. St. Petersburg, State Hermitage Museum, 2017, pp. 198–211. (In Russian)

55. de Rubruck G. Puteshestvie v Vostochnye strany [Journey to Eastern countries]. *Puteshestvija v Vostochnye strany* [Journey to Eastern countries]. Moscow, Mysl', 1997, pp. 88–190. (In Russian)

56. *Russkaja istoricheskaja biblioteka, izdavaemaja Arheograficheskoy komissiej* [Russian historical library, published by the archaeological Commission], vol. 8. Saint-Peterburg, 1884. 700 p. (In Russian)

57. Seleznev A.G., Selezneva I.A. *Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: regional variation in religious syncretism]. Novosibirsk, 2004, 72 p. (In Russian)

58. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of the saints in the Siberian Islam: the specificity of the universal]. Moscow, Mardjani Publ., 2009. 216 p. (In Russian)

59. Sobolev V.I. Rasprostranenie islama v Sibiri [The spread of Islam in Siberia]. *Islam, obshchestvo i kul'tura: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: Islamskaja civilizacija v preddverii XXI veka (K 600-letiju islama v Sibiri)* [Islam, society, and culture: proceedings of the International conference: Islamic civilization on the eve of the 21st century (600th anniversary of Islam in Siberia)]. Omsk, TOO "Repro-text", 1994, pp. 140–142. (In Russian)
60. Sobolev V.I. *Istorija sibirskih hanstv (po arheologicheskim materialam)* [The history of Siberian khanates (on archaeological materials)]. Novosibirsk, Science, 2008. 356 p. (In Russian)
61. *Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranjashhihsja v Gosudarstvennoj kollegii inostrannyh del* [Collection of state charters and treaties, stored in the State Collegium of foreign affairs]. Part 2. Moscow, 1819. 643 p. (In Russian)
62. Tataurov S.F., Korusenko M.A. *Istorija islama v Zapadnoj Sibiri: mezhdisciplinarnyj podhod k hronologii i periodizacii* [History of Islam in Western Siberia: a multidisciplinary approach to the chronology and periodization]. *Bylye gody* [Past years], 2015, vol. 38, part 4, pp. 798–807. (In Russian)
63. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichy v bor'be za revansh* [The Siberian Yurt after Ermak: Kuchum and the Kuchumoviches in the struggle for revenge]. Moscow, Vostochnay literatyr Publ., 2012. 231 p. (In Russian)
64. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Alma-Ata, Gylm Publ., 1992. 296 p. (In Russian)
65. Fisher I.E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli Rossiyskim oruzhiem* [Siberian history from the discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons]. St. Petersburg, At the Imperial Academy of Sciences, 1774. 631 p. (In Russian)
66. Schiltberger I. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god* [Journey through Europe, Asia and Africa from 1394 po 1427]. Baku, Elm, 1984, pp. 35–36. (In Russian)
67. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek. Mezdu imperiy i islamom (strukturny povsednevnosti). Kniga-konspekt* [Uzbek Khan. Between the Empire and Islam (patterns of everyday life). Compendium-book]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2012. 400 p. (In Russian)
68. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania, University Press. 1994. 638 p.
69. DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia. *Journal of the American Oriental Society*, 115. 4 (1995), pp. 619–634.

About the author: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

*Received December 13, 2018 Accepted for publication February 25, 2019
Published March 29, 2019*

УДК 94(57)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174

**ИВАН ГРОЗНЫЙ – ПОТОМОК ЧИНГИЗ-ХАНА ИЛИ АВГУСТА:
ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ МОСКОВСКОГО
ЦАРСТВА В КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ XV–XVI вв.**

С.А. Чернышов

Новосибирский государственный технический университет

Новосибирск, Российская Федерация

1502911@mail.ru

Цель статьи: рассмотреть коммуникационные практики Ивана Грозного, его предшественников, русских дипломатов и иных представителей верховной власти Московского царства в XV–XVI вв. в контексте легитимизации прав на отдельные территории и представлений об исторической преемственности царского престола в целом.

Материалы исследования: исследование проведено на основе анализа летописей, актовых и дипломатических материалов, материалов исторических и этнографических исследований.

Результаты и научная новизна: опубликованная статья М.В. Моисеева «Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую орду» («Золотоордынское обозрение», 2018, №2) открывает широкие возможности для дискуссии о позиционировании легитимности верховной московской власти в рассматриваемый период. Важность упомянутой статьи чрезвычайно сложно переоценить, поскольку скрупулезное встраивание образов и версий относительно тех или иных событий в официальных документах до сих пор редко является отдельной исследовательской задачей. Вместе с тем, затронув важную для отечественной историографии тему, М.В. Моисеев уводит дискуссию в сторону сопоставления версий, излагаемых в дипломатических или иных официальных документах, с восстановленной с привлечением иного материала исторической реальностью. Очевидно, что такое сопоставление неизбежно привело бы к выводу о несостоятельности версий официальных документов – что, собственно, и происходит. Более продуктивным представляется сравнение коммуникационных практик, которые верховная московская власть выстраивает с западными, восточными и (что не менее важно) внутриэлитарными контрагентами. Упоминание последних, в частности, позволяет по-новому взглянуть на тезис об элитарном консенсусе относительно тех или иных версий присоединения Поволжья и легитимизации московского царя в целом. На материалах дипломатической переписки, летописей, литературных памятников и исследований историков делается вывод о том, что позиционирование верховной русской власти существенно отличалось в зависимости от адресата: на западе, востоке или внутри страны. Довольно поздно начав выстраивать стройную официальную версию легитимизации власти московского царя, придворные интеллектуалы и сам Иван Грозный, тем не менее, формулируют, по меньшей мере, три разных полноценных версии происхождения власти московских царей и обоснования их права занять важное место в ряду западных и восточных правителей: от Августа, от Чингиз-хана и от Христа.

Ключевые слова: дипломатическая переписка Ивана Грозного, татарские государства, европейские государства, государственная политика, легитимизация верховной власти

Для цитирования: Чернышов С.А. Иван Грозный – потомок Чингиз-хана или Августа: легитимизация верховной власти Московского царства в коммуникационных практиках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 159–174. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174

IVAN THE TERRIBLE – CHINGGIS KHAN’S OR AUGUSTUS’S DESCENDANT: LEGITIMIZATION OF THE SUPREME AUTHORITY OF THE MOSCOW TSARDOM IN COMMUNICATION PRACTICES OF THE 15TH–16TH CENTURIES

S.A. Chernyshov

*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation
1502911@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* To consider the communication practices of Ivan the Terrible, his predecessors, Russian diplomats and other representatives of the supreme power of the Moscow tsardom in the 15th–16th centuries in the context of the legitimization of rights to certain territories and ideas about historical continuity in general

Research materials: The study was conducted on the basis of the analysis of the chronicles, charter and diplomatic materials, along with historical and ethnographic studies.

Results and novelty of the research: The article “Historical Examples in the Letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde” (“Golden Horde Review”, 2018, no. 2) published by M.V. Moiseev, opens up broad opportunities for discussion about the positioning of the legitimacy of the supreme Moscow authorities in the period under consideration. The importance of this article is extremely difficult to overestimate since the scrupulous embedding of images and narratives of certain events in official documents is still rarely a separate research task. At the same time, having touched upon an important topic for Russian historiography, M.S. Moiseev leads the discussion in the direction of comparing the versions set forth in diplomatic or other official documents with the historical reality reconstructed with the use of other material. It is obvious that such a comparison would inevitably lead to the conclusion that the versions of events found in official documents are inconsistent – something which does, in fact, happen. More productive is the comparison of communication practices that the supreme Moscow authorities were developing with western, eastern and (no less important) intra-elite counterparties. The mention of that last group, in particular, makes it possible to take a fresh look at the thesis on the elite consensus on those or other versions of the annexation of the Volga region and the legitimization of the Moscow tsar. On the materials of diplomatic correspondence, chronicles, literary monuments and studies of historians, it is concluded that the positioning of the supreme Russian government differed significantly depending on the addressee’s relative position: in the west, east or inside the country. Starting to build a harmonious official version of the legitimization of the power of the Moscow tsar quite late, court intellectuals and Ivan the Terrible himself formulated at least three different full-fledged versions of the origins of the power of Moscow tsars from which they justified their right to occupy an important place among the Western and Eastern rulers: Augustus, Chinggis Khan and Christ.

Keywords: diplomatic correspondence of Ivan the Terrible, Tatar states, European states, state policy, legitimization of the supreme power

For citation: Chernyshov S.A. Ivan the Terrible – Chinggis Khan's or Augustus's Descendant: Legitimization of the Supreme Authority of the Moscow Tsardom in Communication Practices of the 15th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 159–174. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174

Анализ коммуникационных практик верховной власти Русского государства в XV–XVI вв, то есть в период, когда Москва фактически решает проблему легитимизации собственной обособленной государственности, – один из наиболее актуальных вопросов отечественной истории рассматриваемого периода. В этом смысле опубликованная статья М.В. Моисеева «Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду» представляет собой важный этап в исследовании системы внутри и внешнеполитических коммуникаций Московского царства. В работе ставится важный вопрос: как система аргументации Ивана Грозного, формирующая картину прошлого для целей коммуникаций с тем или иным контрагентом, соотносится с реконструируемой по документам исторической реальностью? Критическое отношение к дипломатической аргументации и постановку автором вопроса о *целевом* характере искажения подлинных исторических фактов нельзя не приветствовать. Вместе с тем, в работе имеется несколько основополагающих тезисов, которые фактически принимаются на веру, хотя и сами по себе должны являться предметом для дискуссии.

Первый тезис – допущение, что приводимые в дипломатической переписке факты и аргументы отражают авторитетную для автора послания позицию и являются воплощением определенного элитарного консенсуса [17, с. 285]. Ни то, ни другое, строго говоря, неочевидно. Первая часть данного тезиса подразумевает, что дипломатия оперирует данными, в которые она верит (что опровергается множественностью версий по одному и тому же вопросу, приведенных ниже по отношению к проблематике легитимизации верховной власти московских царей). Вторая же никак не учитывает негомогенный характер элит, в частности, сочувствие части элит позиции опального Андрея Курбского, опровергающего самое старшинство московских князей – в пользу тверских и суздальских родов [10, с. 95].

Второй тезис – апелляция к прошлому как аргумент в пользу легитимности тех или иных действий в настоящем. Эта идея действительно представляется одной из самых перспективных в исследовании проблематики государственного строительства Московского царства в XV–XVI вв., и следует приветствовать скрупулезный разбор М.В. Моисеевым логики сопоставления прошлого и настоящего в посланиях Ивана Грозного: в ответ на претензии Уруса на выплаты с Казани и Астрахани [17, с. 286], обосновании прав Москвы на приволжские татарские ханства [17, с. 287], в ответе Девлет-Гирею и в других эпизодах [17, с. 287]. Итогом этого анализа становится стройная многоаспектная версия, которую Иван Грозный транслирует рассматриваемым в статье контрагентам: давнее право на возведение ханов на казанский престол, нарушение казанцами этого права, важность и гарантии сохранения ислама на покоренных территориях и прочее.

Приведенному в статье анализу не хватает широты контекста. Например, в части сопоставления рассмотренных фактов с аналогичными процессами обособ-

нования власти московского царя по отношению к присоединенному позднее Сибирскому ханству, где формулировки повторяются практически под копирку: «а нечто спросят про Сибирь, и Казарину с товарищи говорити: Сибирское царство искони вечная вотчина в.г. наших царей Российских, и дань давали в.г. нашим, и ныне дают свяше прежнего, и на царскую службу ходят, где им царское величество повелит» [27, с. 416–417] (из инструкции посольству Станислава Витовского и князя Соколинского в 1607–1608 гг.). Или – из инструкции послам Григорию и Ивану в Англию в 1600 году: «Сибирское царство искони вечная отчина государей наших, царей Российских; а взял Сибирь в. гдрь наш князь Иван Васильевич всея Руси, в. гдря нашего, блаженные памяти ц. и в. князя Федора Ивановича всеа Руси самодержца, прадедь – тому ныне болши ста летъ» [28, с. 296–297]. Еще одна грань исторического контекста приводимых сообщений – космологические смыслы апелляции к прошлому в Московском царстве того времени. Ведь Москва решала не только проблему объяснения тех или иных событий главам татарских ханств, но и искала нужные версии для западной аудитории. А здесь важным историческим контекстом является отношение Москвы ко «второму Риму» – Константинополю – как через прямые сходства, так и через символические действия – периодические взятия Царьграда или Корсуни первыми русскими князьями [21, с. 172]. В таком контексте взятие Казани представляется совсем иным, как аргумент в пользу царского титула Ивана Грозного: «а наши государи от начала по своему государству по Русскому зовутца цари, которые венчаютца; ... и государь наш ныне, з Божьею волею пишетьца царем Русским и Казанским, и то, панове, место Казанское, и сами знаете извечное царское потомуж, как и Русское» (из наказа посольству в Польшу в 1554 году) [21, с. 188]. Наконец, совершенно не рассматривается религиозный контекст мировоззрения самого Ивана Грозного и представителей его двора, хотя уже при жизни царя отмечается религиозная мифологизация его деятельности, переплетение светского и религиозного начал [18, с. 13].

Наконец, третий тезис – признаваемая М.Н. Моисеевым важность сравнения реальных событий и их интерпретации в дипломатических документах. Характерные цитаты: «таким образом, летописные известия и посольские книги в этом вопросе разнятся. В случае летописных текстов мы сталкиваемся с создаваемой теорией легитимации, которая противоречит реальному ходу событий» [17, с. 288], «ряд аргументов, используемых полемистами, имеют очевидный нелегитимный характер» [17, с. 298]. При этом автор лишь поверхностно анализирует вопрос, который куда более важен, чем сопоставление «реальной» и «дипломатической» картины мира: какие факторы и как именно повлияли на вольную интерпретацию исторической реальности? И каковы технологические особенности внешнеполитических коммуникаций московского двора в широком контексте динамической системы международных отношений того времени? Ответов на эти вопросы исследование не содержит. Однако, на наш взгляд, именно такой подход позволяет дать полноценный анализ фактам, приводимым в статье.

Формирование устойчивых (положительных либо отрицательных – в зависимости от ситуации) образов политических деятелей – навык, которым европейские интеллектуалы, по всей видимости, хорошо владели уже к нача-

лу XVI века. Хрестоматийный пример (хотя и несколько более поздний) – кампания по дискредитации Ивана Грозного, который в 1573–1575 пытался баллотироваться на польский престол, однако потерпел неудачу в связи с публикацией серии памфлетов, в котором московский царь изображался сумасбродным тираном и отступником (самое известное из таких произведений – «Историю о великом князе Московском» написал главный тогдашний «политэмигрант», Андрей Курбский [32, с. 39]).

Хотя и отдельные попытки формирования аналогичных устойчивых образов для «внешнего пользования» встречаются в практике русских царедворцев начиная, по меньшей мере, с XV века (например, именно к этому периоду относят легенду о «дарах Константина», якобы посланных в Киев великому князю Владимиру [4, с. 129–130]), вплоть до середины XVI века русская политическая мысль испытывала дефицит единых подходов к формулировкам политической истории Москвы и истоков легитимности здешней верховной власти. По выражению А.И. Филюшкина, «русские дипломаты не умели мыслить регионами и континентами» [31, с. 33]. Этот же исследователь, в частности, утверждает, что даже идея присоединения к титулатуре Ивана III слов «всая Руси» явилась изобретением не московских политиков, но послов Священной Римской империи, которые тем самым подталкивали москвитов к войне с Великим княжеством Литовским [31, с. 35].

Ситуация меняется во второй половине XVI века – это отмечают как историки, так и, скажем, филологи, основываясь исключительно на семантическом анализе текстов рассматриваемой эпохи. Так, Д.С. Лихачев пишет, что в исторических сочинениях, публикующихся начиная с середины XVI века, четко прослеживается два новых принципа: единство точки зрения на исторические события и единство тем исторических сочинений – в противовес сочинениям XI–XV вв., авторы которых не стремились переработать исходный материал под одну точку зрения [14, с. 9]. Единообразие (формируемое, конечно, целенаправленно) точек зрения на те или иные события неизбежно порождает идеализацию истории русской государственности: «идеализируются не только отдельные деятели русской истории, но и вся русская земля, весь ход ее истории, весь род государей в целом, ее державные города – Киев, Новгород, Псков, Владимир, Тверь, Москва (...) идеализируются самые события, ход которых закругляется, сжимается, лишается излишних деталей, разбивается на законченные в повествовательном отношении сюжеты, обставляется нравочениями» [14, с. 9].

Одновременно с литераторами явный прогресс в развитии общественной мысли показывают и дипломаты. Если исторические свидетельства иностранцев, приехавших в Москву в начале XVI в, свидетельствуют об отсутствии четко сформулированных государственных версий тех или иных событий, то уже сразу после визита посольства сибирского князя Едигера к Ивану Грозному в 1555 году, Москва включает всю мощь своей дипломатии и активно информирует о случившемся иностранных государей. Так, уже в том же году в наказе послу С. Турпееву в Литву предписывалось говорить: «Сибирская земля порядку с Казанскою землею; и как государь наш взял Казань, и сибирской князь Едигерь был челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь... Сибирскую землю держал за собою» [1, с. 47].

Восточная экспансия Московского царства (прежде всего, присоединение Поволжья и Западной Сибири) в целом потребовала активизации русской политической мысли для легитимизации последовательных «взятий». Например, авторы более позднего (XVII век) произведения «Повесть о начале Москвы» прямо сформулируют задачу повествования – объяснить право Москвы «царством слыть» [21, с. 20]. Задача предстояла не из легких, ведь фактически московский царь вторгался на территорию, бывшую под властью Чингизидов, хотя и сам «не мог получить доступ в ханскому трону, поскольку в тюрко-монгольской государственной традиции того времени легитимный правитель Юрта должен был происходить только из рода Чингисхана» [30, с. 202]. Одним из аргументов, вокруг которого имело смысл сформировать пафос восточной экспансии, могла бы быть цивилизаторская функция русских, однако Московское царство складывалось на идентичных принципах постзолотоордынской государственности – в результате оно «ничего неожиданного предложить сибирским аборигенам не могло» [36, с. 126].

Проблема легитимизации собственной власти возникла у московских князей во второй половине XV века, и эта проблема была двойственной. Москва ищет идеологическое обоснование, с одной стороны, своего отчуждения от ордынского наследства, с другой – древней преемственности собственной власти [15, с. 84–91]. Именно поэтому по мере нарастания центробежных процессов в Орде князь Василий Васильевич начинает периодическое использование термина «царь» в официальных документах [8, с. 88], что ранее позволяли себе только сюзерены московского правителя в Орде [8, с. 188]. А после ликвидации ордынского сюзеренитета над Москвой (завершившейся, как известно, постепенно во второй половине XV в.) русские правители систематически начинают представлять себя на международной арене преемниками монгольских ханов. Собственно, это единственное внятное обоснование восточной экспансии Москвы, которую удалось сформулировать во второй половине XVI в.: «первые московские цари, внешне этого особенно не афишируя, на деле ощущали себя правопреемниками монгольских ханов. Уже во время последнего наступления на Казань и Астрахань Иван IV именовал их своей вотчиной» [35, с. 65]. Добавим, что такая интерпретация обоснования легитимности власти московского царя над бывшими территориями Золотой Орды известна в отечественной исторической литературе давно. Так, еще в 1870 году историк и этнограф Н.И. Костомаров пишет «старейший князь заменил собой хана со всеми его атрибутами верховного государя и собственника русской земли» [13, с. 95].

Отсюда и упоминаемый в работе М.В. Моисеева тезис о присоединении Казани как акте возврата несправедливо захваченного узурпаторами. Нельзя не согласиться с Р. Пайпсом, который констатирует: то, что Москва признавала Казанское, Астраханское и Сибирское ханства своими вотчинами, «могло означать лишь одно – он смотрел на себя как на наследника Золотой Орды» [19, с. 105]. Этот вывод созвучен тезису Г.В. Вернадского, который отмечал, что «с основанием в 1452 году вассального татарского княжества в Касимове, Москва продемонстрировала, что она принимает на себя роль наследника Золотой Орды» [6, с. 21]. Реализовывая эту доктрину, Москва постепенно консолидирует этнические элиты постзолотоордынского простран-

ства: бывшие правящие круги Казанского, Астраханского, Сибирского ханств становятся дворянскими родами в России. В результате к XVIII в., согласно вычислениям Н.П. Загоскина, 156 русских дворянских семей были татарского или иного восточного происхождения [5, с. 13].

Нам пока неизвестны источники, где Иван Грозный прямо выводит свою родословную от Чингизидов (по аналогии со знаменитым «Сказанием о князьях Владимирских»). Однако примеров, когда такая идеологема подспудно продвигается для тех или иных целей, существует достаточное количество. Так, в «Сибирских летописях» («группа Есиповской летописи») встречается фраза: «И царь Чингис умер бездетне, только имел единственную дочь. И по своей смерти приказал все свое имение зятю и дочери» [16, с. 16]. Речь идет о Западной Сибири, которую, по этой легенде, Чингиз-хан завещал «сибирскому» Тайбуге, «скрепив» это браком со своей дочерью. С точки зрения современного исследователя, это кажется абсурдом, однако легенда о бездетности Чингиз-хана встречается в русских летописях не раз. Например, в «Подлинном родослове Глинских князей» первой половины XVI в., которым обосновывалось прямое родство Глинских с Чингиз-ханом [23, с. 201–202].

Помимо опосредованного продвижения собственной родовитости, Иван Грозный и его преемники решают и другую связанную с этим задачу: обоснование нелегитимности прав шейбанида Кучума на Сибирский юрт [12, с. 43]. А отсюда, с точки зрения выстраивания стройной идеологемы «Сибирского взятия», всего лишь шаг до обоснования исконных прав московских царей на Сибирь. Так, уже в августе 1585 года, в инструкции русским послам в Швецию, формируется следующая официальная позиция относительно событий в Зауралье: «А нечто спросят про Сибирь, а хотя и не спросят, и имь в розговорах про Сибирь гоорити, что на Сибирскомъ царстве цари сидели ихъ рукъ государей нашихъ прежнихъ и дань давали государямъ нашимъ, а последней Сибирской Кучюмъ царь посаженикъ был на Сибири изъ рукъ государя нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси» [26, с. 313]. Итак, шейбанид Кучум получает власть из рук московского царя – не это ли прямо высказанная претензия на признание за Иваном Грозным равных прав с чингизидами?

Добился ли Иван Грозный на востоке консенсуса относительно признания за собой таких прав? Очевидно, нет. Современник царя, Генрих Штаден, в своих воспоминаниях «Страна и правление московитов (записки немца-опричника)», написанных по мотивам его жизни в Московии в 1564–1567 гг., описывает следующий характерный эпизод, относящийся к очередному набегу крымского хана: «он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспопышно, ибо он царь и государь всея Руси» [25, с. 421].

Однако бескомпромиссными поборниками напоминания Ивану Грозному о его недостаточной родовитости являлись далеко не все – довольно быстро в этот спор вмешалось «право сильного». Именно о нем, в частности, говорится в наказе послу в Крым А.Нагому в 1563 г.: «если вспомнят при каком-нибудь случае о великом князе Иване Даниловиче Калите и о царе Узбеке (...) то отвечать, что такие разговоры к доброму делу нейдут... теперь Божию волею Узбеков юрт у кого в руках, сами знаете» [29, с. 95]. И восточные контрагенты московского царя довольно быстро усваивают этот тезис. Ха-

рактерны в этой связи послания ногайских мурз Белек-Пулада б. Хаджи-Мухаммеда и Арстлана б. Хаджи-Муххамеда в 1551–1552 гг. Первый пишет буквально следующее: «в той земле он (Белый царь – С.Ч.) сказываетца Чингизовым прямым сыном.... Брат мой Дервиш царь к Чингизову сыну Белому царю, православному государю и жалостивому государю Белому царю в ноги ево пасти идем». Второй признает: «Ты Чинников сын, а я Кошумов сын, и ныне нам меж себя не дружбу оставити». Наконец, уже после взятия Казани и Астрахани последний пишет Ивану Грозному: «Великого Цингиз царев прямои род счастливои государь еси... Похошь пожаловати – пожалуешь, а не похошь пожаловати – не пожалуешь» [30, с. 202–203].

Конечно, ни Иван Грозный, ни региональные элиты Поволжья и Западной Сибири не могли всерьез верить в происхождение московского царя от Чингиз-хана. Если ограничиваться сопоставлением «реальности» и дипломатических документов, на этом и следовало бы поставить точку. Однако нельзя не заметить: в коммуникациях обе стороны все же достигают совершенно иного консенсуса относительно статуса Ивана Грозного. Фактически, представление московского царя если не потомком, то прямым преемником Чингиз-хана было выгодно и Грозному, и местным элитам настолько, что о реальных династических несоответствиях можно было «забыть».

На фоне указанного публичного консенсуса на Востоке, на Западе дело обстояло совершенно иначе. Здесь Иван Грозный выстраивает иную легенду, позиционируя себя потомком римских императоров. Более того, в отличие от татарских ханств, в отношениях с западными правителями московские государи не стесняются в своих коммуникациях предвосхищать события. Так, уже в верительных грамотах магистру Тевтонского ордена Альбрехту (1517–1520) Василий III упоминает все свои владения и добавляет к титулатуре «и божею милостию царем», по выражению Н.М. Рогожина, «не ограничивая тем самым себя в славословии» [24, с. 74]. Всего через полвека его сын, Иван Грозный, и вовсе будет показательно кичиться своим якобы «царским» происхождением в послании шведскому королю Юхану III: «а пишешь к намъ, что отец твой венчанный король, а мати твоя также венчанная королева... а дотолѣ не бываль никто! Уже такъ сказываешьъ государьской родъ, и ты скажи,... какъ деда твоего звали, и где на государстве сидель, и с которыми государи былъ в братстве, и которого ты роду государьского? А намъ доволно ведомо, Что вы мужичей родъ, а не государьской» [2, с. 123].

Итак, если для восточных правителей он – преемник Чингиз-хана, то для западного мира – «первого» или «второго» Рима. Так, уже в «Летописце начала царства Царя и великого князя Ивана Васильевича» описывается сцена смерти Василия III, в ходе которой умирающий правитель возлагает на сына Ивана крест со следующими словами: «благословляемъ же его животворящим крестомъ, которой прислан из Царягорода от царя Константина Манамаха великому князю Володимеру Монамаху» [22, с. 9]. В «Степенной книге царского родословия» эта мысль лаконично развивается в преемственность уже от императора Августа: ««жезлом же прообрази в Руси самодержавное царское скипетроправление, иже начаса от Рюрика.... Иже бѣ от племени Прусова... Прус же брат бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа, при нем же бысть неизреченное на земли рож-

дество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» [2, с. 326]. Наконец, Дж. Флетчер, бывший в Московии в 1588–1589 гг., дополняет эту картину любопытным эпизодом, на наш взгляд, характерным для взаимоотношения царского двора с представителями западных держав: «Иван Васильевич, отец теперешнего царя, часто гордился, что предки его не русские, как бы гнушась своим происхождением от русской крови» [34, с. 29].

Постепенно вырабатывается и еще одна традиция – представление русской истории и истории династии московских царей в общехристианском контексте. Так, в уже упомянутой «Степенной книге...» первая междоусобица князей в Киевской Руси описывается в контексте Каинова братоубийства, деяния Владимира называются семенем «нового Израиля», а сам он сравнивается с Давидом и так далее [33, с. 165]. Наконец, к началу XVII века, а особенно после Смуты формируется «каноническая» версия в отношении происхождения московских государей. Так, в грамоте царя Михаила Федоровича королю Людовику XIII в мае 1615 года она излагается следующим образом: «с древних лет .. на великих и преславных государствах Российского царствия были великие государи прародители наши от рода Августа кесаря, обладающего всею вселенною, от сродича его от великого князя Рюрика и от великого государя великого князя Владимирера Святославовича, иже просветлившаго Рускую землю святым крещением» [7, с. 211].

Так же, как и по отношению к восточным правителям и версии «Иван Грозный – преемник Чингизхана», уместно задаться вопросом – верили ли короли западных держав в идею преемственности московского царя императору Августу? Ответ будет аналогичным – твердая уверенность в этом нигде не подтверждается, более того, официальные документы раз за разом демонстрируют сомнения королевских дворов в том, что Иван Грозный имеет какое-то отношение как к «первому», так и ко «второму» Риму. И Ивану приходится постоянно оправдываться. Так, в послании польскому королю Стефану Баторию (1579 год) царь пишет: «и ты по тому ли нам великь хочешь быти, что нас *отчитаешь* от Августа кесаря?» [3, с. 166]. В 1582 году в речи Ивана Грозного послу из Рима, Антонио Поссевино, встречается аналогичный эпизод: «а что нас *укоряет*, что мы пишемся «носители креста Христова», – ион ещо первому благочестии царю Константину сам создатель, господь наш Иисус Христос, первое явление в полудни явил» [4, с. 142]. Напротив, тот же Стефан Батория в ответе на послание Ивана Грозного (со всеми оговорками о специфике момента) больше готов поверить в «восточную» версию легитимизации власти московского царя: «ты, который кровь свою с ними помешал, которого предки ... кобылье молоко, что укануло на чревы татарских шкап лизали» [29, с. 115]. Аналогичную версию (власть московского царя легитимна скорее в силу преемственности татарским ханствам) транслирует в своих повествованиях путешественник Горсей Джером, отмечая, что «посредством этих завоеваний (Казани и Астрахани – С.Ч.) он приобрел могущество и славу, присоединив к своим владениям два отдельных венца и их царства, и поэтому общим советом всех своих князей, бояр, духовенства и людей был венчан и принял статус царя» [9, с. 51]. И это, как отмечал еще С.М. Соловьев, более сильный аргумент даже для западного человека: «надобно перенестись в XVI век, чтобы понять всю силу впечатле-

ния, какое производили на современников эти слова: «завоевано татарское царство» [11, с. 7].

Мы получаем, на первый взгляд, довольно абсурдную картину: на западе и на востоке московский двор использует совершенно разные концепции легитимизации верховной власти, но ни в одну из них другая сторона внешнеполитических коммуникаций всерьез не верит. С этой точки зрения версия про то, что Иван Грозный мыслил себя как потомка Августа, равнозначна версии о московском царе как преемнике Чингиз-хана: обе они использовались для конкретных внешнеполитических целей и обе не имели ничего общего с реальностью. Что, впрочем, ничуть не обесценивает ни одну из них – являясь элементом сложносоставных внешнеполитических действий, эти версии очевидно сыграли свою роль в упрочнении позиций Москвы.

Эту картину дополняет еще одна версия легитимизации центральной власти, которую Иван Грозный подспудно использовал по отношению к внутренним элитам Московского царства. Она, по всей вероятности, существенно отличалась как от «западной», так и от «восточной» версии. Внутри страны царь легитимизирует свою власть через «задревление» своего рода и апелляции к Богу. Ярчайший пример такого рода коммуникативной практики содержится, конечно, в посланиях Ивана Грозного Андрею Курбскому, адресованных, конечно, не только и не столько опальному политику, сколько внутрироссийским элитам в целом. Так, в первом письме Курбскому (5 июля 1564 года) Грозный пишет: «а о безбожныхъ языцехъ, что и глаголити! По-неже те все царствию своими не владеють: какъ им повелять работные ихъ, тако и владеють. А Российское самодержавство изначала сами владеють своими государствами, а не бояре и велможи!... еже от Бога данные намъ власти самими владети и не восхотехомъ подо властью быти попа и вашего злодеяния» [3, с. 26]. И далее: «якоже убо Июда злата ради преда Христа, тако же убо и вы наслаждения ради мира сего православное християнство и насъ, своихъ государей, предали есте, души свои забывъ» [3, с. 53]. Итак, здесь фиксируется очень понятная картина: власть царя легитимна, поскольку она от Бога, а преступление против царя (дополним – и государства в целом) есть преступление, которое уподобляется преступлению против Христа.

Для внутрироссийской аудитории Иван Грозный выступает также как мистик, используя для формирования такого образа не только содержание, но и форму посланий. В частности, в своих произведениях он пользуется старославянским языком, который к тому времени не употребляется в Русском государстве, по меньшей мере, 150–200 лет. «В посланиях Грозного преобладают еще церковно-славянские словарь и грамматические формы. Это обусловлено и характером образования Грозного и характером его общественного мировоззрения» [37, с. 257]. Московский царь – еще и церковный публицист: «ему предписываются отдельные песнопения к двум праздничным певческим циклам: к службе в честь митрополита всея Руси Петра и службе в честь иконы Владимирской Богородицы» [20, с. 165]. В результате фактически Грозный «переносит» небесную иерархию: царь – посланник Бога, сопоставимый с Христом, окружение – ангелы и архангелы, суть деятельности которых – беззаветное служение [20, с. 165].

Таким образом, анализ коммуникационных практик центральной московской власти демонстрирует несколько независимых друг от друга версий. Московский царь – преемник Чингиз-хана (для восточных правителей), московский царь – потомок Августа и ревнитель христианской веры (для западных держав), московский царь – церковный мистик и посланник Бога на земле (для «внутреннего пользования»).

В какую из этих версий «на самом деле» верил сам Иван Грозный? Вероятнее всего, этот вопрос не имеет смысла (в этом принципиальное отличие нашей позиции от идеи упомянутой статьи М.В. Моисеева, в которой ставится вопрос о необходимости сравнения реальных и транслируемых в дипломатических посланиях исторических примерах). Ивану Грозному как центральной фигуре в системе политической власти вовсе необязательно было придерживаться какой-то из версий и вообще соотносить транслируемые идеологемы с исторической реальностью и собственным мнением. Более реалистичной выглядит версия, что русские цари, оставаясь прагматиками во внутренней и внешней политике, перенимали не слепую веру в то или иное происхождение собственной власти, а саму технологию властвования, в которой «правильная» родословная – один из элементов эффективных коммуникационных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишин М.О. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. 2015. №3. С. 45–57.
2. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. 683 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. 683 с.
4. Бычкова М.Е. Регалии власти московских государей и формирование идеи государственной власти // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до крушения. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 128–148.
5. Вернадский Г.В. История России. Московское царство. М., Тверь: ЛЕАН/АГРАФ, 1997. 511 с.
6. Вернадский Г.В. Русская история. М.: АГРАФ, 1997. 542 с.
7. Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
8. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
9. Джером Г. Записки о России. XVI – начало XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
10. Ерусалимский К.Ю. Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князей IX–XVI века // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2004. Вип. 4. С. 71–100.
11. Жерновков Г.И. На заре Сибирской истории. Новониколаевск, 1919, 36 с.
12. Исхаков Д.М. Сибирский юрт в конце XV века – начале 1560-х гг.: ханство или княжество? // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. №2. С. 43–47.
13. Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.

14. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. 3-е издание. М., Наука, 2006. 202 с.
15. *Лушников О.В.* Влияние ордынского фактора на становление Московского государства: историографический аспект // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 84–91.
16. *Маслюженко Д.Н.* Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 9–21.
17. *Моисеев М.В.* Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.283-303
18. *Мутья Н.Н.* Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб, Алетей, 2010. 496 с.
19. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. 424 с.
20. *Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В.* Образ высшей власти Московии в музыкально – гимнографическом творчестве царя Ивана IV Грозного // Вопросы истории. 2017. №8. С. 164–168.
21. *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб, Акрополь, 1995. 336 с.
22. Полное собрание русских летописей: в 43 т. ; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1965. Т. 29. Летописец начала царства Царя и Великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. 390 с.
23. Полное собрание русских летописей: в 43 т.; под ред. С.Л. Пташицкого, А.А. Шахматова. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1907. Т. 17. Западнорусские летописи. 384 с.
24. *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., ИРИ, 1994. 210 с.
25. Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русис, 2003. 403 с.
26. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556 – 1586 гг. СПб., 1910. 585 с.
27. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 137: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. М., 1912. 808 с.
28. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 38: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Ч. 1: 1581–1604 гг. СПб., 1883. 493 с.
29. *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: Изд-во Олега Обышко, 2017. 320 с.
30. *Трепавлов В.В.* История и историческое время в представлениях позднесредневековых кочевников Евразии // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: историческая память и формы ее воплощения. М.; Вост. Лит. 2003. С. 191–203.
31. *Филюшкин А.И.* «Предтеча пакта Молотова-Риббентропа» (1576 г.) // Две империи – много национальностей. Материалы венгерско-российского научного семинара (25 июня 2007 г., Санкт-Петербург). Будапешт, 2007. С. 26–44.
32. *Филюшкин А.И.* Очерк истории российского государства в XVI веке // Новое в исторической науке: в помощь преподавателю истории. Нижневартонск, 1997. С. 28–44.

33. Филлюшкин А.И. Понятие «царство» в Средневековой Руси // Воронежская беседа на 1999–2000 годы. Воронеж, 1999. С. 161–177.

34. Флетчер Дж. О государстве русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русис, 2003. С. 14–151.

35. Шерстова Л.И. Русские и аборигены южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский пламенный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, Сибирский Хронограф, 2004. С. 61–70.

36. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. 311 с.

37. Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 14. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 256–265

Сведения об авторе: Сергей Андреевич Чернышов – кандидат исторических наук, старший преподаватель Новосибирского государственного технического университета (630073, пр-т Карла Маркса, 20, Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: 1502911@mail.ru

Поступила 19.12.2018 Принята к публикации 26.02.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Akishin M.O. D'yaki Posol'skogo prikaza i prisoyedineniye Sibiri [Scribes of the Ambassadorial Order and the accession of Siberia]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2015, no. 3, pp. 45–57. (In Russian)

2. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of literature of ancient Russia]. Pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitriyeva, A.A. Alekseyeva, N.V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. Vol. 12: XVI vek. 683 p. (In Russian)

3. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of literature of ancient Russia]. Pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitriyeva, A.A. Alekseyeva, N.V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. Vol. 11: XVI vek. 683 p. (In Russian)

4. Bychkova M.Ye. Regalii vlasti moskovskikh gosudarey i formirovaniye idei gosudarstvennoy vlasti [Regalia of power of Moscow sovereigns and the formation of the idea of state power]. *Sud'ba dvukh imperiy. Rossiyskaya i Avstro-Vengerskaya monarkhii ot rastsvetu do krusheniya* [The fate of two empires. Russian and Austro-Hungarian monarchies from bloom to wreck]. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2006, pp. 128–148. 683 p. (In Russian)

5. Vernadskiy G.V. *Istoriya Rossii. Moskovskoye tsarstvo* [The History of Russia. The Moscow Tsardom]. Moscow–Tver, Lean, Agraf, 1997. 511 p. (In Russian)

6. Vernadskiy G.V. *Russkaya istoriya* [The Russian History]. Moscow, Agraf, 1997. 542 p. (In Russian)

7. Vianey B. *Puteshestviye Zhana Sovazha v Moskoviyu v 1586 godu. Otkrytiye Arktiki frantsuzami v XVI veke* [Journey of Jean Sauvage to Muscovy in 1586. Discovery of

the Arctic by the French in the 16th century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 512 p. (In Russian)

8. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 214 p. (In Russian)

9. Jerome Horsey. *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII vv.* [Notes about Russia. 16th – early 17th century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1990. 288 p. (In Russian)

10. Yerusalsimskiy K.YU. Predstavleniya Andrey a Mikhaylovicha Kurbskogo o knyazheskoy vlasti i russkikh knyazey IX–XVI veka [Perception of Andrei Mikhailovich Kurbsky of the princely power and the Russian princes of the 9th and 16th centuries]. *Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii* [Socium. Almanac of social history]. Kyiv, 2004. Is. 4, pp. 71–100. (In Ukrainian)

11. Zhernovkov G.I. *Na zare Sibirskoy istorii* [At the dawn of Siberian history]. Novonikolayevsk, 1919. 36 p. (In Russian)

12. Iskhakov D.M. Sibirskiy yurt v kontse XV veka – nachale 1560-kh gg.: khanstvo ili knyazhestvo? [The Siberian Yurt at the end of the 15th century – the beginning of the 1560s: The Khanate or principality?] *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2010, no. 2, pp. 43–47. (In Russian)

13. Krom M.M. *Rozhdeniye gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov* [The birth of the state: The Moscow's Rus' of 15th–16th centuries]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. 256 p. (In Russian)

14. Likhachev D.S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [The man in the literature of ancient Rus']. 3-ye izdaniye. Moscow, Nauka Publ., 2006. 202 p. (In Russian)

15. Lushnikov O.V. Vliyaniye ordynskogo faktora na stanovleniye Moskovskogo gosudarstva: istoriograficheskiy aspekt [The influence of the Horde factor on the formation of the Muscovite state: the historiographic aspect]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2010, no. 2, pp. 84–91. (In Russian)

16. Maslyuzhenko D.N. Sibirskaya knyazheskaya dinastiya Taybugidov: istoki formirovaniya i mifologizatsii genealogii [The Siberian princely dynasty of the Taybugids: the origins of the formation and mythologization of genealogy]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2010, no. 2, pp. 9–21. (In Russian)

17. Moiseyev M.V. Istoricheskiye primery v poslaniyakh Ivana IV v Krymskoye khanstvo i Nogayskuyu Ordu [Historical Examples in the Letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 2, pp. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.283-303 (In Russian)

18. Mut'ya N.N. *Ivan Groznyy: istorizm i lichnost' pravatelya v otechestvennom iskusstve XIX–XX vv.* [Ivan the Terrible: historicism and the personality of the ruler in the domestic art of the 19th and 20th centuries]. St. Petersburg, Aleteyya, 2010. 496 p. (In Russian)

19. Payps R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the old regime]. Moscow, 1993. 424 p. (In Russian)

20. Parfent'yev N.P., Parfent'yeva N.V. Obraz vysshey vlasti Moskovii v muzykal'no – gimnograficheskom tvorchestve tsarya Ivana IV Groznogo [The image of the highest authority of Muscovy in the musical and hymnographic works of Tsar Ivan IV the Terrible]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2017, no. 8, pp. 164–168. (In Russian)

21. Plyukhanova M.B. *Syuzhety i simvol'y Moskovskogo tsarstva* [Plots and symbols of the Moscow tsardom]. St. Petersburg, Akropol', 1995. 336 p.

22. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]: v 43 t.; otv. red. M.N. Tikhomirov. Moscow, Nauka Publ., 1965. Vol. 29. Letopisets nachala tsarstva Tsarya i Velikogo knyazya Ivana Vasil'yevicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'. 390 p. (In Russian)

23. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]: v 43 vol.; pod red. S.L. Ptashitskogo, A.A. Shakhmatova. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1907. Vol. 17. Zapadnorusskiye letopisi. 384 p. (In Russian)

24. Rogozhin N.M. *Posol'skiye knigi Rossii kontsa XV-nachala XVII vv.* [The Ambassadorial books of Russia of the late 15th – early 17th centuries]. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1994. 210 p. (In Russian)

25. *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia of the 16th century. Memories of foreigners]. Smolensk, Ruis, 2003. 403 p. (In Russian)

26. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. V 148 t.* Vol. 129: *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi: Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva so Shvedskim gosudarstvom* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia with Foreign Powers: Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Swedish State]. Part 1: 1556–1586 gg. St. Petersburg, 1910. 585 p. (In Russian)

27. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. V 148 t.* Vol. 137: *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 volumes. Volume 137: Monuments of diplomatic relations of the Moscow State with the Polish-Lithuanian State]. Moscow, 1912. 808 p. (In Russian)

28. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. V 148 t.* Vol. 38: *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Angliyei. Ch. 1: 1581–1604 gg.* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 volumes. Volume 38: Monuments of diplomatic relations of the Moscow State with England. Part 1: 1581–1604]. St. Petersburg, 1883. 493 p. (In Russian)

29. Trepavlov V.V. «Belyy tsar'». *Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [The “White Tsar”. The image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the 15th–18th centuries]. St. Petersburg, Olega Obyskhko Publ., 2017. 320 p.

30. Trepavlov V.V. *Istoriya i istoricheskoye vremya v predstavleniyakh pozdne-srednevekovykh kochevnikov Yevrazii* [History and historical time in the views of the late medieval nomads of Eurasia]. *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy: 2001 god: istoricheskaya pamyat' i formy yeye voploshcheniya* [The most ancient states of Eastern Europe: 2001: historical memory and forms of its embodiment]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 191–203. (In Russian)

31. Filyushkin A.I. «Predtecha pakta Molotova-Ribbentropa» (1576 g.). [The “Fore-runner of the Molotov-Ribbentrop Pact” (1576)]. *Dve imperii – mnogo natsional'nostey. Materialy vengersko-rossiyskogo nauchnogo seminara (25 iyunya 2007 g., Sankt-Peterburg)* [Two empires – many nationalities. Proceedings of the Hungarian-Russian research seminar (June 25, 2007, St. Petersburg)]. Budapesht, 2007, pp. 26–44. (In Russian)

32. Filyushkin A.I. *Ocherk istorii rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [An essay on the history of the Russian state in the 16th century]. *Novoye v istoricheskoy nauke: v pomoshch' prepodavatelyu istorii* [New in historical research: to help the teacher of history]. Nizhnevartovsk, 1997, pp. 28–44. (In Russian)

33. Filyushkin A.I. *Ponyatiye «tsarstvo» v Srednevekovoy Rusi* [The concept of “tsar-dom” in Medieval Rus']. *Voronezhskaya beseda na 1999–2000 gody* [The Voronezh conversation for 1999–2000]. Voronezh, 1999, pp. 161–177. (In Russian)

34. Fletcher J. *O gosudarstve russkom, ili obraz pravleniya russkogo tsarya (obyknovenno nazyvayemogo tsarem moskovskim), s opisaniyem нравов i обычаев zhiteley etoy strany* [About the Russian State, or the type of government of the Russian tsar

(usually called the Moscow tsar), describing the manners and customs of the inhabitants of this country]. *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia of the 16th century. Memories of foreigners]. Smolensk, Rusis, 2003, pp. 14–151. (In Russian)

35. Sherstova L.I. Russkiye i aborigeny yuzhnoy Sibiri: yevraziyskaya osnova etnokul'turnykh kontaktov [Russians and aborigines of southern Siberia: Eurasian basis of ethnocultural contacts]. *Sibirskiy plavil'nyy kotol: sotsial'no-demograficheskiye protsessy v Severnoy Azii XVI – nachala XVII veka* [The Siberian melting pot: socio-demographic processes in Northern Asia of the 16th – early 20th century]. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf, 2004, pp. 61–70. (In Russian)

36. Sherstova L.I. *Tyurki i russkiye v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskiye protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: ethno-political processes and ethnocultural dynamics of the 17th – early 20th century]. Novosibirsk, 2005. 311 p. (In Russian)

37. Shmidt S.O. Zametki o yazyke poslaniy Ivana Groznogo [Notes on the language of the messages of Ivan the Terrible]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Vol. 14. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958, pp. 256–265. (In Russian)

About the author: Sergey A. Chernyshov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University (20, Karl Marx Ave., Novosibirsk 630073, Russian Federation). E-mail: 1502911@mail.ru

Received December 19, 2018 Accepted for publication February 26, 2019

Published March 29, 2019

УДК 930.272

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.175-184

**МАХМУД АЛ-БУЛГАРИ. НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС
(ГЛАВА III, РАЗДЕЛ 1)**

И.Р. Гибадуллин^{1а}, Э.Г. Сайфетдинова^{1б}

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Казань, Российская Федерация

^а *ismagil4@yahoo.com*, ^б *adulya2@yandex.ru*

Цель: познакомить с результатами перевода на русский язык самой ранней стамбульской рукописи золотоордынской эпохи.

Материалы исследования: отрывок из сочинения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-фарадис» («Путь в рай»). В статье приводится отрывок первого раздела третьей главы «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари.

Результаты и новизна исследования: «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари играл значительную роль в культурной жизни татарского народа. Особенно он интересен в плане изучения истории общественной мысли средневекового Поволжья, поскольку его автор опирался на большое количество трудов известных мусульманских богословов. Текст является контаминацией религиозно-этических учений с художественной формой его воплощения. Увлекательные новеллы, мудрые притчи были призваны вырабатывать верность исламу и стойкий иммунитет к соблазнам, подстерегающим мусульманина на пути к райскому блаженству. В тексте изобилуют фрагменты из главных сочинений, рассказывающих о жизни пророка Мухаммада (с.г.в.), толковании хадисов в трудах мусульманских правоведов, содержание которых передавалось простым, доходчивым языком.

Ключевые слова: Махмуд ал-Булгари, Нахдж ал-Фарадис, религиозный трактат, рукопись, наследие Золотой Орды, Золотая Орда, Джанибек хан

Для цитирования: Гибадуллин И.Р., Сайфетдинова Э.Г. Махмуд ал-Булгари. Нахдж ал-Фарадис (глава III, раздел 1) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 175–184. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.175-184

**MAHMUD AL-BULGARI. NAHJ AL-FARADIS
(CH. III, SECT. 1)**

I.R. Gibadullin ^{1a}, E.G. Sayfetdinova ^{1b}

¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences*

Kazan, Russian Federation

^a *ismagil4@yahoo.com*, ^b *adulya2@yandex.ru*

Purpose: To present the results of the Russian translation of the earliest Istanbul manuscript of the Golden Horde era.

Research materials: An excerpt from the work of Mahmud al-Bulgari “Nahj al-Faradis” (“Path to Heaven”). The article contains an excerpt of the first section of the third chapter of “Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari.

Results and novelty of the research: “Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari played a significant role in the cultural life of the Tatar people. It is especially interesting in terms of studying the history of social thought in the medieval Volga region as its author relied on a large number of works of famous Muslim theologians. The text is a compilation of religious and ethical teachings with an artistic form given to its embodiment. Fascinating tales and wise parables were crafted to nurture loyalty to Islam and a strong immunity to the temptations that lie in wait for a Muslim on the way to Paradise. The text is replete with fragments from the main works telling about the life of the prophet Muhammad and the interpretation of the hadiths in the works of Muslim jurists, the content of which was transmitted in simple, understandable language.

Keywords: Mahmud al-Bulgari, Nahj al-Faradis, religious treatise, manuscript, heritage of the Golden Horde, Golden Horde, Janibek Khan

For citation: Gibadullin I.R., Sayfetdinova E.G. Mahmud al-Bulgari. Nahj al-Faradis (Ch. III, sect. 1). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 175–184. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.175-184

Глава III

Рассказывает о делах, приближающих к Истинному (Хак)

Раздел 1 Рассказывает о делах, приближающих к Истинному (Хак)

Имам Газали, *да смилостивится над ним Аллах*, в книге под названием «Ихйа ал-‘улум»¹ привел следующий хадис:

قال رسول الله صلى الله عليه وسلم طلب العلم فريضة على كل مسلم و مسلمة

Смысл этого хадиса таков: Пророк, *мир ему*, сказал: «Стремление к знанию является непреложной обязанностью для каждого мусульманина и каждой мусульманки». Знай, и да будет тебе известно, что знать о том, что Истинный (Хак) является Единным и Сущим – это непреложная обязанность (фариза). Он (Истинный – *примеч. пер.*) единственен, [ведь] у Него нет совоарища, Он извечен, [ведь] Ему ничего не предшествует и Он бесконечен, [ведь] после Него ничего не следует. Если в Коране или же в хадисах упоминаются Его лик, длани, очи, а также [говорится о Его] приходе и уходе, то под этим подразумеваются не члены и не движение [или] перемещение из

¹ «Ихйа-ул-‘улум ад-дин» – Воскрешение наук о вере.

одного места в другое. Под этим подразумеваются Атрибуты Истинного, то есть Всевышний обладает атрибутом зрения и атрибутом слуха, но Он видит не благодаря глазам и слышит не благодаря ушам. У Него есть атрибут речи, но Он говорит не благодаря языку. Истинному не подобает [иметь] место и время, [ибо] Он создает время, ни одна частица на земле и на небе не укроется от Его знания. Он в темной ночи видит на черном камне движение черного муравья и знает [об этом]. Все происходит в соответствии с предопределением Истинного, будь то вера или неверие, будь то покорность или ослушание, будь [они] недостаточны, чрезмерны или велики. Что он пожелает, то и будет, а чего не пожелает, того не будет. Если Истинный (Хак) окажет кому-то поддержку, то, даже если творения вселенной соберутся и скажут: «Давайте погубим того человека», они не смогут этого сделать. Если же Истинный (Хак) сделает кого-то презренным, то, даже если творения вселенной соберутся и скажут: «Давайте сделаем того человека великим», они не смогут этого сделать [230], ведь Истинный (Хак) в своем Слове сообщает:

إِنْ يَنْصُرْكُمْ اللَّهُ فَلَا غَالِبَ لَكُمْ وَإِنْ يَخْذُلْكُمْ فَمَنْ ذَا الَّذِي يَنْصُرُكُمْ مِّنْ بَعْدِهِ وَعَلَى اللَّهِ فَلْيَتَوَكَّلِ الْمُؤْمِنُونَ²

Смысл его таков: «О Мухаммад, если Всевышний Создатель окажем вам поддержку, то не существует того, кто вас одолеет. Если же Он оставит вас без помощи, то есть не окажет вам поддержки, то кто сможет оказать вам поддержку, помимо Всевышнего Создателя?». Это означает, что никто не сможет оказать вам поддержку. Если раб совершит богоугодное дело, то оно совершается им с Его помощью, а если раб уберется от греха, то уберется благодаря Его защите. После того, как ты узнал о Боге, Благословен Он и Возвышен, нужно знать, что все пророки – это посланники Истинного (Хак). Нужно знать, что все низведенные с небес книги, которые были ниспосланы пророкам – это истина. Нужно знать, что все ангелы есть рабы Всевышнего Создателя. Нужно знать, что жизнь после смерти – это истина. Нужно знать, что Судный день, [мост] Сират, весы [деяний], расспрос [о деяниях] и расчет [за них] – все это истина. После этого надо знать правила омовения, а также нужно знать правила [совершения] намаза и знать правила [соблюдения] поста. Если [у человека] есть богатство, нужно знать правила выплаты закята³, а если у него достаточно сил, чтобы совершать хадж, ему нужно знать правила [совершения] хаджа. Если человек желает заниматься торговлей, ему нужно знать *бай' ва шира'*, то есть правила купли-продажи. Знать свыше этого желательно, но не является непреложной обязанностью. Пророк, *мир ему*, говорит: «Если кто-то из верующих и единопольщиков встанет с утра и обучится какому-либо вопросу, то перед Всевышним это его обучение тому вопросу будет лучше, чем совершение ста ракатов намаза. Если он приобретет знание и обучит этому знанию незнающих, его награда и степень будут велики».

Пророк, *мир ему*, сказал Му'азу ибн Джабалу, когда отправлял его в Йемен: «О Му'аз, если ты научишь знанию, которым владеешь, тех, кто не знает, и благодаря тебе Всевышний направит кого-либо на прямой путь, это бу-

² Коран. Сура «Ал-Имран» (3:160).

³ Закят (араб. زكاة, устар. زكوة) – обязательный годовой налог в пользу бедных, нуждающихся, а также на развитие проектов, способствующих распространению ислама и истинных знаний о нем.

дет для тебя лучше, чем награда за жертвование мирского богатства в качестве милостыни». Однако намерения обучающего и обучаемого должны быть искренними [231]. Если намерения обучающего и обучаемого состоят в том, чтобы быть уважаемым или почитаемым среди людей, чтобы все люди уважали его благодаря этому знанию, чтобы его положение было благополучным, а дни его проходили в удовольствиях, его целью будет мирское. Истинный даст тому ученому в удел мирское, но в загробной жизни он лишится своей награды. [Всевышний] сообщает в своем Хвалимом Слове (Коране – *примеч. пер.*):

مَنْ كَانَ يُرِيدُ حَرْثَ الْآخِرَةِ نَزِدْ لَهُ فِي حَرْثِهِ وَمَنْ كَانَ يُرِيدُ حَرْثَ الدُّنْيَا نُؤْتِهِ مِنْهَا وَمَا لَهُ فِي الْآخِرَةِ مِنْ نَصِيبٍ⁴

[«Тому, кто пожелал нивы загробной жизни, Мы увеличим его ниву. Тому же, кто пожелал нивы мирской жизни, Мы дадим из нее, но ему не будет доли в загробной жизни»]. ‘Абд Аллах ибн Мубарак, *да смилостивится над ним Аллах*, сказал: «Ученые бывают двух видов: одни являются правителями, а другие – дешевками (букв. лишенными ценностей – *примеч. пер.*). Те, что являются правителями, получали свои знания ради Истинного (Хак) и обучали им ради Истинного, будучи равнодушными к мирской жизни. Такой ученый является перед Истинным (Хак) правителем, а тот ученый, который не имеет ценности перед Истинным, – это тот, кто получал свои знания ради мирского и обучал им ради мирского. Его целью было получение удовольствия в мирской жизни, а не довольство Истинного. У подобного ученого нет ценности и уважения перед Истинным.

В стародавние времена жил один ученый, который приобрел множество знаний. Никто не мог противостоять ему в спорах. [Однажды] тот ученый покинул этот мир. Один из шейхов того времени увидел того ученого во сне и сказал: «О ученый, ты приобрел столько знаний, в твоё время не было подобных тебе. Сообщи мне [что-либо] из тех твоих знаний», на что тот ученый сказал: «Дай мне свою руку», а затем подул на нее ртом и сказал: «О шейх, все мои знания рассеялись впустую, в загробной жизни я не получил от них никакой пользы, но я имел обыкновение ночью вставать и совершать два рака‘ата намаза, а затем изучал книги. Именно эти два рака‘ата намаза и принесли мне пользу, [а] от всех этих знаний, добытых мною с трудом, мне не было никакого проку».

Абу Давуд [ас-]Сиджистани, *да смилостивится над ним Аллах*, говорит: «Некогда жил один мухаддис, [который] знал наизусть много хадисов Пророка, *мир ему* [232]. [Он] рассказывал людям хадисы Пророка, *мир ему*. Когда он покинул этот мир, я увидел его во сне и спросил: «О мухаддис, как с тобой обошелся Истинный (Хак)?», но он молчал и ничего не отвечал. Я задал вопрос во второй раз, но он снова не ответил, был очень обеспокоен и печален. Я в третий раз спросил: «О мухаддис, разве Истинный (Хак) тебя не помиловал?», на что тот мухаддис сказал: «Не помиловал». «Как же не помиловал?» – спросил я, на что тот мухаддис сказал: «Со мной провели диспут, то есть произвели со мной тщательный расчет, у меня оказалось много грехов, но [мне] обещали добрый [исход], и я надеюсь на то, что Истинный (Хак) поступит со мной по-

⁴ Коран. Сура «Аш-Шура» (42:20).

доброму». Тогда я сказал: «О мухаддис, расскажи мне, которое из благих дел является наиболее достойным перед Истинным», на что он ответил: «Чтение Корана без показного благочестия (рийа) [исключительно] ради довольства Истинного и совершение намаза ночью». Тогда я сказал: «Каково чтение хадисов Пророка, *мир ему?*», на что он ответил: «Если намерение читающего и передающего [хадисы] было искренним, это не принесет вреда».

Фаркад [ас-]Сабахи, *да смилостивится над ним Аллах*, говорит, что, когда он задал какой-то вопрос имаму Хасану Басри, тот дал ему ответ. Когда он задал тот же вопрос другим факихам, и их ответ противоречил ответу Имама Хасана Басри, *да смилостивится над ним Аллах*, он сказал: «О имам, факихи этого времени разногласят с вами в этом вопросе», на что он ответил: «О Фаркад, видел ли ты своими глазами какого-либо факиха?». Я сказал: «О имам, разве нынешние факихи не являются факихами?», на что шейх сказал: «О Фаркад, факих – это тот, кто равнодушен к мирской жизни и стремится к загробной жизни, кто благонравен в религии, кто постоянен в поклонении Истинному, страшится Бога и является воздержанным». Он ничего не сказал о том, что [он должен] обладать многими знаниями, вести диспуты [233] или споры».

Имам Газали, *да смилостивится над ним Аллах*, в своей книге под названием «Ихйа ал-‘улум» приводит следующее: «Плодом знания и его пользой является страх (хавф), то есть страх перед Истинным, как Он сообщает об этом в своем Слове:

إِنَّمَا يَخْشَى اللَّهَ مِنْ عِبَادِهِ الْعُلَمَاءُ⁵

Смысл его таков: «Поистине убоятся Всевышнего Создателя среди Его рабов именно ученые». У страха есть признаки и знаки. Признаки страха состоят в том, что у страшящегося лицо должно быть бледным, душа его должна быть свободна от мирского, сам он должен быть слаб, тело его должно быть тощим, он всегда должен быть опечален. В заключение этих слов имам привел следующий рассказ:

«В давние времена жил один купец. Денег и богатства было у него вдоволь. Но не было у него ни сына, ни дочери. Он всегда печалился по этому поводу: «Всевышний дал мне столько благ. Если я умру, все мое богатство пропадет впустую». Однажды он рассказал о своем положении врачу, обещал ему [большую] сумму денег, если врач примет меры, на что тот сказал: «Нужно пойти и ощупать пульс, (10) а потом принимать меры». Тогда купец привел врача домой, оказал ему очень большой почет и уважение. [Врач] смотрит, а жена [купца] в теле, дородная женщина. Врач ощупал пульс этой женщины, на мгновение задумался и сказал: «О купец, разве можно желать ребенка от этой женщины? Ведь по пульсу этой женщины мне стало понятно, что ей осталось жить сорок дней. Когда пройдет сорок дней, знай, что на сороковой день эта женщина умрет и переселится из бренного мира в мир вечный», после чего эта женщина стала плакать. Купец тоже опечалился, а когда врач ушел, женщина стала кричать и причитать. Несколько дней она ничего не ела из еды. С каждым днем ее печаль росла. Она раздала в качестве милостыни всю утварь, какая у нее была, не оставила ничего из своего имущества. [По ночам] до самого утра они были заняты поклонением и богослужением, а

⁵ Коран. Сура «Ал-Фатир» (35:28).

днем соблюдали пост. Она провела эти дни в постоянном плаче, мольбах Всевышнему, покаянии и раздаче милостыни. Когда прошло сорок дней, [234] врач снова пришел. Смотрит, а лицо женщины побледнело, тело ее худало, в нем не осталось мяса. Купец сказал: «О врач, вы сказали, что эта женщина умрет на сороковой день. Сегодня как раз сороковой день, а она до сих пор не умерла», на что врач сказал: «О купец, ты хотел, чтобы эта женщина родила тебе сына. Я увидел, что она очень полная. Вход в то место, где должен лежать ребенок, заплыло жиром. Я подумал, что следует напугать ее смертью. Быть может, из страха перед смертью, жир в ее лоне растопится, и [полость] лона освободится, после чего она родит ребенка, и поэтому я схитрил и так сказал, ведь никто, кроме Бога, не знает, когда умрет человек. Есть пять видов знания, которые неведомы никому, кроме Бога, если только [сам] Истинный (Хак) не сообщит кому-либо его. Во-первых, когда наступит Судный день, о чем человеку не дано знать. Во-вторых, когда пойдет дождь, о чем не дано знать ни одному человеку. В-третьих, является ли ребенок в утробе матери мальчиком или девочкой, о чем человеку не дано знать. В-четвертых, что будет делать человек завтра и что он приобретет, о чем также никому не дано знать. В-пятых, никому не дано знать, где умрет [тот или иной] человек. Всевышний сообщает в своем Слове (Коране – *примеч. пер.*):

إِنَّ اللَّهَ عِنْدَهُ عِلْمُ السَّاعَةِ وَيُنَزِّلُ الْغَيْثَ وَيَعْلَمُ مَا فِي الْأَرْحَامِ وَمَا تَدْرِي نَفْسٌ مَّاذَا تَكْسِبُ غَدًا وَمَا تَدْرِي نَفْسٌ بِأَيِّ أَرْضٍ تَمُوتُ إِنَّ اللَّهَ عَلِيمٌ خَبِيرٌ⁶

[«Поистине, только Аллах обладает знанием о Часе (Судном дне – *примеч. пер.*), ниспосылает дождь и знает о том, что в утробах. Ни один человек не знает, что он приобретет завтра, и ни один человек не знает, в какой земле он умрет. Поистине, Аллах – Ведающий, Знающий»]. После этого врач сказал: «О купец, сейчас эта женщина стала пригодна для рождения ребенка, ее лоно очистилось, освободилось, а те жиры целиком растопились и очистились. Если ты совершишь соитие с этой женщиной, то, быть может, Истинный (Хак) даст тебе в удел сына или дочь», после чего [все] случилось так, как сказал врач. Из этого рассказа стало понятно, что женщина, которая обладает неполноценным разумом, могла похудеть и истощать [только] из страха перед смертью, а этот человек, который является ученым, поистине, если он боится Всевышнего, боится смерти, боится могильных мук в могиле, боится расспроса и расчета в Судный день, боится [моста] Сират и весов [деяний], боится должным образом мук ада, его лицо всегда должно быть бледным, душа должна быть отрешена от мирского, тело его должно быть худым и слабым, а сам он должен быть всегда печальным.

Хатим Асамм, *да смилостивится над ним Аллах*, прибыл в Рей. [Там] жил один богатый торговец. Он был очень воздержанным, честным в своем деле и благодетельным. [Хатим Асамм] гостил у него дома. Утром хозяин дома сказал Хатиму Асамму: «Ученый, великий муж и кадий этой местности по имени Мухаммад ибн Мукатил ар-Рази занемог. Я иду его проведать. Пойдете ли вы [вместе со мной]?», на что Хатим Асамм, *да смилостивится над ним Аллах*, ответил: «Конечно же, пойдем, [ведь] посещение больного –

⁶ Коран. Сура «Лукман» (31:34).

это сунна, особенно, если этот больной – ученый или факих, награда за его посещение будет больше». И они пошли вдвоем. Когда они подошли к дверям [дома] ученого, смотрят, а двери [дома] этого ученого сделаны очень искусно, подобно дверям эмиров и царей. Увидав эти двери, Хатим Асамм очень удивился и остался в недоумении: «Разве у ученого человека могут быть такие искусно сделанные ворота?». Потом им разрешили [войти], они прошли в дом, смотрят, а дом украшен еще более искусно, на дверях висят занавеси, стены отделаны золотом, изнутри дом украшен самыми разными узорами. Хатим Асамм удивился еще больше. После этого им позволили войти в одну из комнат этого дома. Хатим Асамм смотрит, а там расстелены румские ковры, лежат дорогие расшитые подушки, а кадий опирается на них, и у его изголовья стоит слуга с опахалом в руках и обмахивает его. Этот купец вошел, присел, помолился за кадия и пожелал ему выздоровления, но Хатим Асамм не присел и остался стоять. Этот купец сказал: «Не могли бы вы присесть?», на что Хатим Асамм не присел, после чего кадий сказал: «Возможно, у тебя есть просьба и потому ты не садишься?». Тогда Хатим Асамм сказал: «У меня есть просьба». Кадий сказал: [236] «Скажи, что у тебя за просьба?», на что Хатим Асамм сказал: «Я хочу задать вам один вопрос. Вы должны ответить [на него]», на что кадий сказал: «Спрашивай». Хатим Асамм сказал: «От кого вы получили эти знания?», на что кадий сказал: «Мы получили эти знания у ученых, ученые получили [их] от таби'инов, таби'ины – от сподвижников, сподвижники получили знания от Пророка, *мир ему*, Пророк, *мир ему*, получил знания у Джабраила, *мир ему*, а Джабраил, *мир ему*, получил знания у Истинного». Тогда Хатим Асамм сказал: «О кадий, слышали вы от кого-либо из ученых, что Пророк, *мир ему*, говорил, у кого большой дом, красивые ковры, много денег и богатства, много слуг и приспешников, тому в Судный день будет [дано] множество наград», на что кадий сказал: «Мы не слышали такого хадиса. Но я слышал следующее: кто из верующих и единобожников отвернется от мирского, будет безразличен к нему и устремится к загробной жизни, будет жертвовать беднякам и нищим из богатства, которое ему дал в удел Всевышний, уважаемое и почетное положение того человека перед Истинным будет велико», на что Хатим Асамм сказал: «Раз так, о кадий, ты последовал примеру Пророка или Фараона?», после чего в гневе вышел от кадия. После этого недуг и печаль кадия усилились, он растерялся, много плакал и говорил: «Тот достопочтенный [человек] сказал правду. Ученый не должен обращать внимание на мирские удовольствия, а должен проводить свою жизнь всегда в печали, слезах, душевных терзаниях, ночных бдениях и дневных постах».

Хасан Басри, *да смилостивится над ним Аллах*, сорок лет не смеялся, из-за сильного страха, даже если он и сидел, то сидел таким образом, будто бы был пленником в руках неверных, и его должны были тотчас же вывести и убить, – с такой горестью и печалью он сидел. Он всегда говорил: «Кто-то останется в аду тысячу лет, увидит много страданий и мук [237] из-за многих грехов, а затем, по велению Всевышнего, этого человека вытащат из ада и перенесут в рай по причине [его] веры. О если бы я был этим человеком?». [Его] сподвижники и товарищи сказали: «О шейх, милость Истинного (Хак) велика. Почему вы так говорите?», на что шейх сказал: «Я боюсь попасть в загробный мир без веры. Сколь много у кого-либо ни было грехов, если в

последний миг он уйдет с верой, он не останется в аду навечно и, в конце концов, выйдет [оттуда]. Однако если он уйдет с неверием, то останется в аду навечно. Мы слышали о многих, кто ушли в последний миг с неверием и остались навечно в аду после того, как были обладателями чудотворств (карамат), вроде Бал'ама [ибн] Ба'уры (Валаама, сына Веорова – *примеч. пер.*) или Барсисы».

Суфйан Саури, *да смилостивится над ним Аллах*, находился на смертном одре, его сподвижники находились подле него. Он заплакал, [а] его сторонники сказали: «О имам, почему вы плачете?», на что он ответил: «Я плачу не из-за своих грехов, а плачу из страха, что лишусь в последний миг своей веры, поддавшись наущениям шайтана».

Раби' б. Хусайм, *да будет доволен им Аллах*, двадцать лет прислуживал Ибн Мас'уду и получал у него знания. Когда он шел [по улице], он никогда не поднимал головы и смотрел на ноги. Из-за того, что он ходил, оберегая себя от того, чтобы его взгляд пал на постороннюю женщину, люди думали, что он слепой. Все говорили Ибн Мас'уду, *да будет доволен им Аллах*: «О Раби', если бы тебя видел Пророк, *мир ему*, то он крайне обрадовался бы твоей жизни и очень полюбил бы [тебя]».

Однажды Раби' б. Хусайм с Ибн Мас'удом, *да будет доволен ими Аллах*, проходили через рынок кузнецов. Один кузнец достал из печи раскаленное железо, от которого разлетались искры. Раби' это увидал, и ему представился адский пламень. Он воскликнул и упал посреди рынка. Все люди собрались. Ибн Мас'уд положил его голову себе на колени [238] и плакал. Он просидел долго, [но тот] не приходил в себя, после чего Ибн Мас'уд поднял его на спину и отнес домой, не отходя от него до тех пор, пока тот лежал без сознания. Затем он пришел в себя.

У Шакика Балхи была четырехлетняя дочь по имени Амина. Он оставлял ее у учителя, чтобы тот обучал ее Корану. Когда учитель написал на доске суру «Алхакум...» (сура «Ат-Такасур» – *примеч. пер.*), отдал [доску] Амине, и она дочитала до [места] «а ведь вы непременно увидите ад»⁷ (латараунна-лджалим), доска выпала из рук Амины, а сама Амина потеряла сознание. Учитель удивился. Девочка очнулась нескоро, встала и заплакала. Учитель отвел Амину к отцу. [Она] пришла к отцу в слезах, после чего он спросил: «О моя дочь, почему ты плачешь?», на что Амина ответила: «О отец, когда я дошла до слова «ад», в мою душу закрался страх, мои члены ослабли, разум помутился, в моей душе поселился страх перед адом. О отец, когда наступит Судный день, *мы уверовали в это и считаем правдой*, если меня, бедную, схватят адские стражи, повесят мне на шею цепи и поволокут в ад, что будет со мной на площади [суда]?» – с этими словами она горько заплакала, после чего заплакал даже ее отец Шакик. После того, как они долго проплакали вдвоем, ее отец сказал: «О моя дочь, это мне надо плакать, у меня много грехов, однако, о дочь моя, ты еще слишком мала, о чем тебе плакать? Слово [Божье] на тебя не распространяется (то есть эти аяты не распространяются на малых детей – *примеч. пер.*)», на что его дочь сказала: «О отец, я вижу, когда люди разводят огонь, они сначала кладут [в костер] маленькие поленья, а затем большие

⁷ Коран. Сура «Ат-Такасур» (102:6).

поленья. Теперь я боюсь, когда наступит Судный день, *мы уверовали в это и считаем правдой*, меня бросят в ад первой, что мне тогда делать?».

Когда на 'Азазила было наложено клеймо проклятия, Джабраил и Михаил заплакали из-за гнева Истинного, Благословен Он и Возвышен, после чего Истинный (Хак) обратился к ним: «О Джабраил и Михаил, почему вы плачете?», на что Джабраил и Михаил сказали: «О Господь, 'Азазил был среди нас уважаемым, великим и почитаемым ангелом. Увидев его в таком положении, мы плачем [239] из страха перед Твоим гневом, как бы с нами не случилось подобного!». Тогда Истинный (Хак) сказал: «О два великих ангела, непременно и обязательно питайте страх! Не [чувствуйте] себя защищенными и свободными от Моего гнева».

'Усман ибн Маз'ун, *да будет доволен им Аллах*, был самым воздержанным среди сподвижников. Он был одним из мухаджиров, которые переселились из Мекки в Медину вслед за Пророком, *мир ему*. Когда он переселился из брэнного мира в мир вечный, об этом сообщили Пророку, *мир ему*. Пророк, *мир ему*, в то время находился в комнате Умм Саламы, *да будет доволен ею Аллах*. Умм Салама сказала: «Каким воздержанным и благочестивым человеком был 'Усман ибн Маз'ун! Да будет ему уделом рай», после чего Пророк, *мир ему*, разгневался и сказал: «О Умм Салама, откуда тебе известно, что он удостоился рая? Клянусь Аллахом, я являюсь Божьим Посланником, но всегда страшусь из-за того, как обойдется со мной Истинный (Хак)».

'Умар ибн 'Абд ал-'Азиз был справедливым халифом. Среди Марванидов не было такого справедливого [правителя]. У него было обыкновение днем заниматься правосудием, а по вечерам собирать аскетов и ученых, которым он говорил: «Не будем говорить других слов, кроме смерти». До самого утра он оживлял ночь плачем и рыданием.

Однажды наложница 'Умара ибн 'Абд ал-'Азиза сказала: «О повелитель правоверных, этой ночью я видела удивительный сон», на что халиф сказал: «Расскажи, что за сон [ты видела]?». Тогда она сказала: «Мне снится сон. Вижу я, [как] наступил Судный день, все люди собрались на площади суда возле ада. Для всех людей проведен [мост] Сират. Тем временем привели повелителя правоверных 'Абд ал-Малика и сказали: «Проходи». И всем людям было велено пройти по [мосту] Сират, который тоньше волоса и острее меча. Он было пошел, но упал в ад, погиб и сгорел. Смотрю, а затем привели повелителя правоверных Сулаймана и сказали: «Проходи». Он поднялся на мост и немного прошел по нему, [но] и он упал в ад, погиб и сгорел. Затем привели вас, [о] повелитель правоверных». 'Умар ибн 'Абд ал-'Азиз [240] вздохнул, потеряв сознание и лишился рассудка. Эта наложница кричала ему в ухо: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я видела, как вы благополучно прошли по [мосту] Сират», но он лежал в неведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Махмуд ал-Булгари. Нахдж ал-фарадис. Путь в рай. Факсимиле / Подготовка к изданию: к.и.н. И.М. Миргалеев, к.и.н. Э.Г. Сайфетдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 445 с.
2. *Esman J. Nehcû l-Faradis I, Tıpkı Basım. Ankara, 1956. 444 s.*

Сведения об авторах: Исмагил Рустамович Гибадуллин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Эльмира Гаделзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **OCID: orcid.org/00000002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017** (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

Поступила 23.12.2018 Принята к публикации 02.03.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Makhmud al-Bulgari. *Nakhdzh al-faradis. Put' v ray* [Nahj al-faradis. Path to heaven]. Faksimile. Podgotovka k izdaniyu: k.i.n. I.M. Mirgaleev, k.i.n. E.G. Sayfetdinova. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 445 p. (In Russian)

2. Ecmān J. *Nehcū l-Faradis I*, Tıpkı Basım. Ankara, 1956. 444 p. (In Turkish)

About the authors: Ismagil R. Gibadullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Elmira G. Sayfetdinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **OCID: orcid.org/0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017** (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: adulya2@yandex.ru

Received December 23, 2018 Accepted for publication March 2, 2019

Published March 29, 2019

УДК 655.552

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.185-192

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
KRÓLIKOWSKA-JEDLINSKA N. LAW AND DIVISION
OF POWER IN THE CRIMEAN KHANATE (1532–1774):
WITH SPECIAL REFERENCE TO THE REIGN
OF MURAD GIRAY (1678–1683)**

О.Д. Рустемов

*Национальный университет биоресурсов и природопользования
Киев, Украина
biblos@ukr.net*

Рецензируемая книга посвящена особенностям крымскотатарского общества, его традициям, сословному этикету, правам и обязанностям жителей государства, и другим социальным вопросам, которые нашли свое отражение в различных документах. Большое количество таких документов – это исторические трактаты, записи путешественников, свидетельства послов иностранных государств. Центральное место в среде этих источников занимают судебные реестры судов Шариата, называемые сиджили или кадиаскерские книги. Социологические аспекты исследования приходятся больше на время правления Мурад-Гирей хана, когда многие традиции и особенности жизненного уклада уже выкристаллизовались в Крыму. К тому же фигура Мурад-Гирей хана привлекательна попытками реформ, которые он предпринял, предвидя гибель своего государства.

Внешняя и внутренняя политическая позиция многих крымских ханов отличалась своей двойственностью. Она заключалась в их статусе вассалов Османских султанов. Однако, при этом крымские ханы являлись потомками более древней и могущественной в прошлом, а значит и более легитимной в тюркском мире в плане верховенства власти династии Чингизидов. За редким исключением, среди крымских ханов всегда живо было желание возвращения былого величия и могущества дома Чингиза, которое зачастую сочеталось с желанием независимости от Порты.

Эти внутренние устремления временами приводили к актам неповиновения и даже к открытым военным противостояниям, таким как в случае с ханом Мехмедом II Гиреем по прозвищу Семин (Жирный), осадившим кефинский гарнизон в 1577 г., но эти проявления «своеволия» неизменно подавлялись как превосходящей военной силой Порты, так и посредством интриг, умело разыгрываемых стамбульскими вельможами в среде крымской родовой аристократии, представители которой нередко поднимали восстания против собственных, ныне действующих ханов, в поддержку вновь назначенных султаном.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, Турция, Мурад-Гирей хан, Тёре, Яса

Для цитирования: Рустемов О.Д. Рецензия на книгу: Królikowska-Jedlinska N. Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 185–192. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.185-192

**BOOK REVIEW: KROLIKOWSKA-JEDLIŃSKA N. LAW AND DIVISION
OF POWER IN THE CRIMEAN KHANATE (1532–1774):
WITH SPECIAL REFERENCE TO THE REIGN OF MURAD GIRAY (1678–1683)**

O.D. Rustemov

*National University of Bioresources and Nature Management
Kyiv, Ukraine
biblos@ukr.net*

The book under review is dedicated to the peculiarities of Crimean Tatar society, its traditions, class etiquette, rights and obligations of residents of the state, and other social issues, which are reflected in various documents. A large number of such documents exist, comprising historical treatises, travel records, testimonies of ambassadors of foreign countries, etc. The central place among these sources is occupied by the judicial registers of the Shari'a courts, called sijjils or qadiasker books. The sociological aspects of this study fall predominantly on the reign of Murad Giray Khan when many traditions and peculiarities of the way of life crystallized in the Crimea. In addition, the figure of Murad Giray Khan is attractive owing to the attempts at reforms that he undertook, foreseeing the death of his state.

The political external and internal position of many Crimean khans was distinguished by its duality. It was based on their status as vassals of the Ottoman Sultans. However, the Crimean khans were descendants of a more ancient and formerly powerful Chinggisid dynasty, and therefore they were more legitimate in the Turkic world in terms of the power of their rule. With rare exceptions, among the Crimean khans there was always a vivid desire for the return of the former greatness and power of the house of Chinggis, something which was often combined with a desire for independence from the Sublime Porte.

These internal aspirations at times led to acts of disobedience and even open military confrontations. Such was the case of Khan Mehmed II Giray, nicknamed Semin (the Fat), who laid siege to the Caffa's garrison in 1577, but these manifestations of "self-will" were invariably suppressed both by the superior military power of the Porte and by intrigues, skillfully played by Istanbul grandees among the Crimean clan aristocracy, whose representatives often raised revolts against their own khans.

Keywords: Crimean khanate, Ottoman Empire, Turkey, Murad Giray Khan, Töre, Yasa

For citation: Rustemov O.D. Book Review: Królikowska-Jedlinska N. Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 185–192. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.185-192

Книга Наталии Кроликовська-Йедлинської [5] охоплює період з 1532 по 1774 гг. Время для исторического и сравнительного анализа выбрано не случайно: 1532 год представляет собой начало реформ в крымском судопроизводстве, начатых еще при Сеадет-Гирее, и окончательно воплощенных и утвержденных следующим правителем – Сахиб-Гиреем. С другой стороны, 1774 год явился годом подписания Кучук-Кайнарджийского мира и знаменует собой, по сути, конец прежней и начало новой эпохи в истории Крыма. Таким образом, автор исследования рассматривает особенности той формы правосудия, которая сложилась и укрепилась в Крыму после вхождения ханства в состав Османской Турции на основе некоего «легендарного» и до

сих пор полностью ненайденного договора, заключенного между Менгли Гиреем I и султаном Мехмедом II Фатихом [4, с. 192–193].

Предисловие

Эта вводная часть предназначена для ознакомления с ситуацией в Крымском ханстве в указанный период и освещения истории изучения вопроса прежними исследователями, представления и характеристикой использованных источников. Содержит также словарь крымских и османских названий чиновников и сословных титулов, а также отдельных терминов, используемых в официальных документах и кадийских (судейских) книгах, включая небольшой раздел, посвященный топонимике. Собственно текст и начинается с топонимики, с тех географических объектов, которые упоминаются в фигурирующих в книге документах. Их грамматическое написание и этимология (а также перевод) сделаны согласно «Словарю крымских ойконимов до-русского происхождения» Хенрика Янковского и возражений не вызывают.

Словарь терминов достаточно полный и корректный. Касается он в основном терминов шариатского судопроизводства, присутствующих в сиджилах. Правда, перевод отдельных терминов, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Например, *kilerci (kilârci) başı* переведено как «смотритель / начальник кладовой» / *chief/head of the larder* (С. xxi), тогда как этому термину скорее подходит значение «интендант» (*quartermaster*), «начальник интендантской службы». В пользу последнего утверждения служат материалы кадиаскерских книг Бахчисарайского кадылыка. Так, интендант Мехмед Ага в начале тома очень активно действует на своем поприще, например, получает до тонны сливочного масла с утонувшего в Балаклаве корабля, продает сады и прочие подобные события. В конце же данного тома он погибает в битве вблизи Днепра от руки казака (вероятно, это была битва при Сары Су – Жёлтые Воды) (*işkiya qazaq elinden şehid olan...*), в связи с этим в конце тома присутствует большое количество текстов о разделе его имущества между детьми [1]. Факт гибели килерджи башы (*kilerci başı*) в бою говорит о том, что он как войсковой интендант находился в составе воюющей армии и даже принимал участие в боях.

Библиография

Для своего исследования Наталия Кроликовська-Йедлинська использовала очень богатую базу источников, представляющих собой документы различного характера, особенно Кадиаскерские книги (сиджили – реестры судов Шариата), научные исследования, словари, исторические трактаты, хроники путешественников и свидетельства современников, как более ранних, близких к нам по времени, так и древних авторов из более отдалённых эпох. География этих письменных источников также обширна. В перечне библиографического аппарата, как и в ходе повествования, встречаются ссылки и цитаты из арабских, греческих, многих европейских, российских, османских, и собственно татарских авторов. Важное место среди этих сочинений представляют личные письма ханов, донесения и рапорты иностранных послов, например, польских или московских, в разное время побывавших в Крыму и испытывавших на себе иногда обходительные, но чаще суровые нравы крымских правителей. Такая обширная и разноплановая письменная поддержка данного издания свидетельствует о высоком уровне языковой эрудиции автора и значительной глубине знания вопроса.

Историография Крыма

Этот раздел тесно соприкасается с общим библиографическим аппаратом книги. Важная роль в нём отводится непосредственно крымским источникам, таким как история, написанная личным лекарем, секретарем и библиографом Сахиб-Гирей хана Реммалем Ходжой Недаи, и «Книга Путешествий» известного османского географа Эвлии Челеби. Кроме них упомянуты все известные на сегодняшний день историки Крымского ханства, а также правители Золотой Орды, сведения о которых передаёт Сейид Мухаммед Риза. Наталия Кроликовська-Йедлинська не обошла стороной спорный вопрос сомнительного происхождения рукописи Ибрахима Кефеви, написавшего историю «Царей Дешт-и Кыпчака, Золотой Орды и Крыма» от лица современника Крымского ханства. В этом случае она выражает солидарность с другими исследователями, в частности с Ильёй Зайцевым, определившим её как фальсификацию нового времени (приблизительно XIX века), что автоматически исключает эту рукопись из списка надёжных источников.

Для воссоздания более полной картины политической обстановки Крымского ханства автор использовала исследования, заслужившие доверия тюркологов. Вопросы родо-племенной аристократии подробно были освещены Халилем Инальджиком. В данном случае интерес вызывают попытки отдельных ханов укрепить и объединить государство по османскому образцу, сложив или сниславив угрозы, исходящие от отдельных могущественных кланов, обладавших значительной собственной военной силой, как например, Ширины или Мансуры с Мангытами. Подобную политику вёл у себя в стране Сахиб-Гирей, и становился все более самостоятельным. В результате он был смещён султаном и убит Болук-Гиреем по приказу своего дяди, нового хана – Девлет-Гирея, посаженного Стамбулом на крымский престол.

Рассматриваемый в рецензируемой книге отрезок времени не совпадает с историческими рамками существования Крымского ханства, которое было основано почти на сто лет ранее – в 1441 году. Одной из причин того, что книга начинается от времени правления Сахиб-Гирея I, вероятно, следует считать недостаток источников: хронологический охват этого исследования определялся доступностью источников. На наш взгляд, это не совсем так, поскольку по первым десятилетиям существования ханства и первым ханам Крыма существует достаточно широкая информативная база исследований и документов, прежде всего, включающая в себя письма и ярлыки.

Возможно, эта часть истории постзолотоордынского Крымского ханства, когда в канцелярии было живо еще золотоордынское Тюрки, а законы основывались на Ясе и Тёре, не входили в задачи исследования автора. Целью Наталии Кроликовської-Йедлинської был анализ сложившегося впоследствии в Крыму мусульманского права, его институтов, процедур, документов, языка и традиций. Тем не менее, автор книги не обошел стороной вопрос тюркского узального Права, основанного на Ясе, как и само понятие – Яса. В рецензируемой научной работе убедительно звучит мысль о том, что закон – Тёре и у тюрков представлял собой с одной стороны хан, а с другой Йосун (Яса) – народные обычаи и традиции. Это вполне справедливо и для Ясы Чингиз-хана, которую, целиком оформленную, никто никогда не видел. Писалась она не один год, но все время дополнялась, иногда ситуативно, и что, на проверку, Ясой был сам Чингиз-хан. Подтверждение этому мы находим

также и у тюрков Крыма, когда в известных произведениях, особенно фольклорного характера, военачальники, калги или просто важные беи называются – Тёре, что может значить Господин Закон.

Даже в эпоху сиджией, когда уже всюду было распространено правосудие по Шариату, живы еще были отголоски этого старого татарского права. Примером этому могут служить ярлыки Селямет-Гирей хана из 1-го тома сиджией. В них идет речь о несправедливом требовании беев одной деревни у крестьян другого села пошлыны за выпас вблизи их деревни в пределах одной акче с овцы. На обращение возмущенных подданных Селямет-Гирей ответил запретом данной пошлыны, говоря при этом: «Во времена ханов такого не было, и в мое время не будет тоже...» [1, с. 117–120]. Здесь имеется в виду, что во времена, когда законом был сам хан (монгольский или тюркский), пошлына на овец никогда не взималась, но отдавалась раз в год натурой (шишлык). В то же самое время на других территориях Османской Империи пошлына в одну акче с овцы бралась по султанскому закону, называемому *resm-i ganem*.

Эпоха Мурад-Гирея

В исследовании Наталии Кроликовська-Йедлиськой этот хан и связанный с ним период занимают одно из центральных мест. Время его правления репрезентировано на фоне внешних политических событий в Восточной Европе, центральным актом которого стал Андрусовский мир 1667 года между Москвией и Польско-Литовским княжеством. Как пишет автор, этот мирный договор разделил Украину на две части: лево- (восточную) и правобережную (западную), что означало значительные уступки Польши в сторону Московии и усиление последней. Гетман Дорошенко признал польский сюзеренитет над правобережной Украиной. С другой стороны, гетман Иван Самойлович признал патронаж Москвы на левобережные украинские земли. Такое положение вещей не устраивало ни Стамбул, ни Бахчисарай. К тому же замиренные казаки обеих сторон стали совершать дерзкие набеги на земли мусульман. Однако Дорошенко вскоре предпочёл стать турецким вассалом, что развязало руки и Крыму, и Стамбулу для войны с Москвой и дало шанс вновь объединить украинские земли. В результате этой войны, в которой Мурад-Гирей принимал личное участие, удалось завоевать лишь самую важную крепость – Чигирин, после чего в Бахчисарае был заключен мир, куда царь Федор Алексеевич направил посольскую делегацию.

Сначала польские, а затем и русские послы описывают Мурад-Гирея как осторожного в вопросах дипломатии человека, хорошо осознающего место Крымского ханства в международных политических вопросах. При этом все они отдают должное крутому нраву этого высокого благонаправленного хана средних лет с чёрными волосами и окладистой бородой. Русские послы отмечают экспрессивность Мурад-Гирея (ведь он посадил их в темницу в Чуфут-Кале на несколько недель) и уважение со стороны его подданных, граничавшее с подобострастием.

Во внутренней политике Мурад-Гирей придерживался традиционной для многих крымских ханов линии на укрепление независимости. Настраивал друг против друга дворянские роды, пытаясь устранить вечно исходящую от них угрозу. Показателен случай использования клана Мансуров для нападения и наказания клана Ширинов, отказавшихся исполнить волю хана идти на

войну с Москвой. Таким образом, Мурад-Гирей был одним из тех правителей, которые столь очевидным способом использовали противоречия между крымскими «карачи» беями для укрепления собственной власти.

Кроме того, в желании упрочить свою независимость от Османской Порты или хотя бы, по крайней мере, сделать в этом направлении какие-то реальные шаги, отправляясь в поход на Вену для поддержания султанских войск, Мурад-Гирей упразднил должность кадиаскера, заменив его своеобразным «Тёре Башы» – главой всех судей. При этом законы Шариата то же предполагалось упразднить, а вместо них ввести законы Чингиз-хана. В Крыму подобная инициатива получила как сторонников, так и противников, особенно в среде многочисленного сословия всевозможного духовенства разных рангов и должностей, но в Турции была воспринята однозначно отрицательно. Закон Чингиза не признавал турецкого султана халифом всех мусульман и был достаточно серьезным шагом в сторону сепаратизма. Однако просуществовало подобное состояние вещей недолго, и по настоянию самого Мурад-Гирея все было возвращено на прежнее место. Как пишет автор об известных событиях, последующая осада Вены окончилась катастрофой, в которой крайним сделали крымского хана Мурад-Гирея. В том же 1683 году он был смещен и отправлен пожизненно в Румелию в Ямболу, где и прожил последние тринадцать лет своей жизни.

Состояние крымского общества при Мурад-Гирее, отраженное в сиджиях

В рецензируемой книге очень подробно и полно представлена история изучения как османских, так и крымских сиджией или реестров судов Шариата. В отношении крымских документов совершенно справедливо было сказано о том, что османские реестры изучаются довольно давно, подробно и непрерывно, в то время как сиджили Крымского ханства – относительно недавно (после почти столетнего перерыва со времен Федора Лашкова и Мурата Биярсланова, осуществивших первое знакомство с ними). Совершенно неожиданно прозвучала мысль о текстах кадийских книг для романов, бытописания турецкого общества, статей по гендерным аспектам жизни османских мусульман, почерпнутых из анатолийских и румелийских судейских реестров. Крымские сиджили, как, впрочем, и известия из хроник и других источников автор книги приводит для сравнения с собственно турецкими бытом и традициями. Так, например, различие было то, что османские султаны охотно брали себе в жены дочерей европейских правителей и вообще европейских женщин, тогда как крымские ханы женились на женщинах из высоких родов Карачи беев, прежде всего, из клана Ширин или Мансур.

Крымские сиджили подвергнуты автором книги очень обстоятельному анализу, который в результате дает достаточно полную картину сословных и гендерных привилегий и отличий в правах. Естественно, наибольшими правами пользовались представители дома Гиреев. Они судились обязательно в присутствии самого кадиаскера. В кадиаскерском судилище вели свои тяжбы также и представители влиятельных родов – Карачи беев и высшие чиновники, находившиеся на государственной службе. Духовные лица, такие как мюддеррисы, монлы (муллы), улема, ваизы, имамы также часто приезжали в Бахчисарай на суд кадиаскера.

В книге присутствует множество таблиц, которые демонстрируют из каких мест были тяжущиеся стороны, какого социального статуса, по каким делам они туда приезжали. Сколько было заключено браков и разводов, при этом какие из этих разводов были инициированы женщинами. Имущественные споры и дела об отпуске рабов на свободу. Открытием стало также утверждение Наталии Кроликовська-Йедлинской, что люди намеренно пускались в хадж, чтобы заслужить себе титул Хаджи, который также имел вес в суде.

В конце книги приложены два интересных документа из кадийских реестров. Первый из них – известный ярлык Джанибек-Гирея, трижды до этого опубликованный [3, с. 165–189; 2; 1, с. 224], с переводом на русский язык. В ярлыке хан сетует на коррупцию и беззаконие, творящиеся в судах Шариата, и обращаясь непосредственно к судьям больших кадылыков, таких как Феррах-Керман, Гёзлев, Карасу и т.д. требует строго взыскивать со своих наибоов, на должность эту сажать людей достойных, а не по протекции, а в отсутствии таковых, самим вести судейские дела и составлять худжеты и прочие записи. В ярлыке присутствует также прејскурант цен на все виды услуг и справок, выдаваемых судами с требованием строго его придерживаться и не нарушать.

Второй документ интересен тем, что там фигурирует коллективная жалоба от шестидесяти мужчин и восемнадцати женщин, которые были возмущены действиями некоего вельможи, купившего себе дом в окрестностях села Неджан и перекрывшего им возможность пользоваться пастбищами, на которые у них было разрешение (мулькнаме). В результате, невзирая на высокий сан вельможи, суд решился в их пользу. Далее в книге приводится еще несколько примеров дел, большей частью касающихся убийств с различными приговорами по ним. На наш взгляд, в рецензируемой книге уместно было бы разместить еще один сиджилъ или, по крайней мере, хотя бы просто перевод ярлыка самого Мурад-Гирея, изданного им по восхождению на престол¹. Ярлык посвящен новому стандарту монет, в которых должно быть не менее и не более семидесяти долей серебра. Вначале идет поименный перечень всех мастеровых этого двора, с указанием их должностей или обязанностей, а затем сам ярлык. Ярлык примечателен тем, что впредь перечисленные мастеровые ханского печатного двора обязывались чеканить новую монету, а если в ней будет какой изъян, по весу ли, или по содержанию серебра, наказанием им будет отсечение руки. Экспрессивная натура Мурад-Гирея находит себя и в этом ярлыке.

В целом исследование Наталии Кроликовська-Йедлинской выполнено на очень высоком профессиональном уровне, с привлечением большого количества документов, что позволяет аргументированно делать выводы о сложившемся в эпоху Мурад-Гирея крымском обществе, законах и обычаях, царивших в нем. Несмотря на трагическую судьбу самого Крымского ханства, это государство дало миру множество талантливых правителей, общественных деятелей, воинов и поэтов. Угрозы с севера и зависимость от Турции не помешали создать совершенно уникальную цивилизацию с запахом степей и модой больших городов. Это был действительно пёстрый, своеобразный мир, сочетавший в себе тюркское и европейское начало. Нам остается лишь сожалеть, что он безвозвратно утерян.

¹ Текст был опубликован мною в 2017 г. [1], но оригинал находится в 22-ом томе Кадиаскерских книг Крымского ханства на третьей странице.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рустемов О.Д.* Кадияскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 280 с.
2. *Рустемов О.Д.* Образцы судебных решений (Хукм) из судебных сборников крымского ханства: особенности структуры и стиля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2015. № 1. С. 55–62.
3. *İnalcık Halil.* Kırım Hanlığı kadı sicilleri bulundu. *Belleten*, LX/227, TTK. Yay., Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1996. P. 165–189.
4. *İnalcık Halil.* Yeni Vesikalara göre Kırım Hanlığı'nın Osmanlı Tabiliğine Girmesi ve Ahidname Meselesi. *Belleten'den ayırbasım*. Vol. 8. Ankara, 1944. P. 185–229.
5. *Królikowska-Jedlinska N.* Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683). Series: The Ottoman Empire and its heritage. Vol. 65. Leiden; Boston: Brill, 2019. 320 p. DOI: 10.1163/9789004384323

Сведения об авторе: Олег Диляверович Рустемов – кандидат филологических наук (Ph.D.), сотрудник гуманитарно-педагогического факультета Национального университета биоресурсов и природопользования (03041, ул. Героев Оборона, 15, Киев, Украина). E-mail: biblos@ukr.net

*Поступила 13.12.2018 Принята к публикации 04.03.2019
Опубликована 29.03.2019*

REFERENCES

1. Rustemov O.D. *Kadiaskerskie knigi Krymskogo hanstva: issledovaniya, teksty i perevody* [Kadiasker books of the Crimean Khanate: studies, texts and translations.]. Simferopol, GAU RK "Mediacentr im. I. Gasprinskogo" Publ., 2017. 280 p. (In Russian)
2. Rustemov O.D. *Obrazcy sudebnyh reshenij (Hukm) iz sudejskih sbornikov krymskogo hanstva: osobennosti struktury i stilja* [Samples of court decisions (Hukm) from judicial collections of the Crimean Khanate: features of structure and style]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies]. Vol. 1, 2015, pp. 55–62. (In Russian)
3. İnalcık, Halil Kırım Hanlığı kadı sicilleri bulundu. *Belleten*, LX/227, TTK. Yay., Ankara, Türk Tarih Kurumu, 1996, pp. 165–189. (In Turkish)
4. İnalcık Halil. Yeni Vesikalara göre Kırım Hanlığı'nın Osmanlı Tabiliğine Girmesi ve Ahidname Meselesi. *Belleten'den ayırbasım*. Vol. 8, Ankara, 1944, pp. 185–229. (In Turkish)
5. Królikowska-Jedlinska N. *Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683)*. Series: The Ottoman Empire and its heritage. Vol. 65. Leiden; Boston, Brill, 2019. 320 p. DOI: 10.1163/9789004384323

About the author: Oleg D. Rustemov – Candidate of Philological Studies (Ph.D.), employee of the Faculty of Humanities and Pedagogy of the National University of Bioresources and Nature Management (15, Geroev Oborony Str., Kyiv 03041, Ukraine). E-mail: biblos@ukr.net

*Received December 13, 2018 Accepted for publication March 4, 2019
Published March 29, 2019*

ХРОНИКА

УДК 93(093)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.193-198

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ТАТАРСКИХ ХАНСТВ В ТРУДАХ УТЕМИША-ХАДЖИ И АБДУЛГАФФАРА КЫРЫМИ» (КАЗАНЬ, 21 ФЕВРАЛЯ 2019 г.)

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusiia@mail.ru*

21 февраля 2019 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялась презентация переводов рукописных списков сочинений Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми по истории Золотой Орды и татарских ханств. Первое издание – сочинение Утемиша-хаджи «Кара таварих» – представляет собой перевод полной рукописи Утемиша-хаджи. Второе издание состоит из двух книг: транскрипция и перевод на русский язык сочинения Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-Ахбар». Все издания опубликованы при поддержке Государственной программы РТ «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 годы)» в серии «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage».

Презентацию продолжил Круглый стол «История Золотой Орды и татарских ханств в трудах Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми».

В состав участников круглого стола были привлечены известные ученые-специалисты по данной проблематике.

Ключевые слова: круглый стол, презентация, рукопись, источник, Утемиш-хаджи, Абдулгаффар Кырыми, научные мероприятия

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Круглый стол «История Золотой Орды и татарских ханств в трудах Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми» (Казань, 21 февраля 2019 г.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 193–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.193-198

THE ROUND TABLE “THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE AND THE TATAR KHANATES IN THE WRITINGS OF ÖTEMISH HAJJI AND ABDULGAFFAR KYRYMI” (KAZAN, FEBRUARY 21, 2019)

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

Abstract: The presentation of translations of handwritten copies of the works of Ötemish Hajji and Abdulgaftar Kyrymi on the history of the Golden Horde and the Tatar khanates was held at the Marjani Institute of History on February 21, 2019. The first publi-

cation – “Qara-tavarikh” by Ötemish Hajji – contains a translation of the complete manuscript of Ötemish Hajji. The second publication consists of two books: a transcription and translation into Russian of “Umdet al-Akhbar” by Abdulgaffar Kyrymi. These books were published with the support of the State Program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)” in the “Textual Heritage” series.

The round table, “The History of the Golden Horde and the Tatar Khanates in the Writings of Ötemish Hajji and Abdulgaffar Kyrymi,” was held after the presentation. Famous experts on this subject took part in the round table.

Keywords: round table, presentation, manuscript, source, Ötemish Hajji, Abdulgaffar Kyrymi, academic events

For citation: Giniyatullina L.S. The Round Table “The History of the Golden Horde and the Tatar Khanates in the Writings of Ötemish Hajji and Abdulgaffar Kyrymi” (Kazan, February 21, 2019). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 193–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.193-198

21 февраля 2019 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялась презентация переводов рукописных списков сочинений Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми по истории Золотой Орды и татарских ханств. Первое издание – сочинение Утемиша-хаджи «Кара таварих» [5] представляет собой перевод полной рукописи Утемиша-хаджи по списку Р. Фахретдина. Второе издание состоит из двух книг: транскрипция и перевод на русский язык сочинения Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-Ахбар» [1; 2]. Все издания опубликованы при поддержке Государственной программы РТ «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 годы)» в серии «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage».

На презентации с приветственным словом выступили доктор исторических наук, заместитель директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салихов; доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан И.Р. Тагиров; доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН В.В. Трепавлов; член-корреспондент АН РТ, директор Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ И.А. Гилязов; кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета Э.Х. Сейдаметов¹. С презентационной речью выступил И.М. Миргалеев.

Презентацию, прошедшую в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ, продолжил Круглый стол «История Золотой Орды и татарских ханств в трудах Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми», целью которого стало обсуждение вопросов по истории Золотой Орды и татарских ханств, освещенных в трудах Утемиша-хаджи [5] и Абдулгаффара Кырыми [1; 2]. Модератором круглого стола выступил руководитель Центра исследований Золо-

¹ Презентация вышеперечисленных изданий была поддержана Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани АН РТ: 14 марта 2019 года в Крымском инженерно-педагогическом университете (г. Симферополь) было презентовано издание Абдулгаффара Кырыми.

той Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ – к.и.н. И.М. Миргалеев.

С докладами выступили: д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН В.В. Трепавлов; к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова И.М. Миргалеев, к.и.н., старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств А.В. Аксанов; к.и.н., старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Э.Г. Сайфетдинова; к.и.н., старший научный сотрудник Крымского научного центра Э.И. Сейдалиев.

В работе круглого стола также приняли участие: к.и.н., старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Т.Р. Галимов; к.и.н., старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств И.Р. Гибадуллин; к.и.н., заведующий Крымским научным центром Э.Х. Сейдаметов; к.и.н., доцент Казанского (Приволжского) федерального университета М.С. Гатин; к.и.н., заведующий сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при КМ РТ И.А. Мустакимов и соискатель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ М.М. Акчурин.

Доклад В.В. Трепавлова «Научное и общественное значение новых публикаций источников по ордынской и постордынской истории» был в основном посвящен анализу оригинальных сведений Утемиша-хаджи о Ногайской Орде. Исследователь пришел к выводу, что данные этого источника позволяют по-новому взглянуть на историю Ногайской Орды и других государств Улуса Джучи.

Вадим Винцерович отметил, что введение в научный оборот перевода на русский язык труда Абдулгаффар Кырыми «Умдет ал-ахбар» позволило открыть множество принципиально новых деталей и неизвестных сведений по истории Золотой Орды и уточнить ранее существовавшие гипотезы. Большую часть своего доклада он посвятил положительным научным результатам от издания перевода «Кара-таварих» Утемиша-хаджи, которое уже принесло существенные плоды в изучении истории Ногайской Орды. Вадим Винцерович выделил целый ряд новых сведений позволивших по новому взглянуть на образы и деяния, казалось бы второстепенных по отношению к ханам, но не менее значимых исторических фигур Золотой Орды: дополнительные известия о жизни и смерти детей темника Идегея, как и о нем самом; новый источниковый материал в отношении бея Иссы, обладавшего собственным вилайетом; сюжеты, раскрывающие причины кровной вражды между крымскими и ногайскими мангытами. Эти и многие другие свидетельства исторических источников, заключенные в трудах Утемиша-хаджи и Абдулгафара Кырыми, по мнению В.В. Трепавлова, обязательно необходимо учитывать в дальнейших исследованиях. В конце своего доклада Вадим Винцерович выразил благодарность центру исследований Золотой Орды и татарских ханств за публикацию новых источников по истории Золотой Орды и надежду, что введенные в научный оборот новые исторические сведения будут особо тщательным образом использованы при подготовке к изданию 20-томной Истории России, которая ведется в Институте Российской истории.

И.М. Миргалеев выступил с докладом «К вопросу об использовании Абдулгаффаром Кырыми сведений Утемиша-хаджи», где привел параллели в

обоих сочинениях, отметил явные сходства и обработку Абдулгаффаром Кырыми данных Дост-султана, высказал свои предположения о тождестве сочинений Дост-султана и Утемиша-хаджи.

А.В. Аксанов представил доклад «Сведения Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми о Казанском ханстве», в котором проанализировал данные этих источников в контексте введенных в научный оборот сообщений. По заключению А.В. Аксанова, основной массив оригинальных сведений Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми относится к начальной истории Казанского ханства и согласуется с данными И. Барбаро, «Казанской истории», письма великого князя литовского Свидригайло Великому Магистру (ноябрь 1536 г.) и других источников.

Доклад Эльмиры Гадельзяновны Сайфетдиновой был посвящен анализу текста рукописи «Кара таварих» (список Р. Фахретдина), в которой она рассказала об особенностях рукописного текста Утемиша-хаджи и процессе подготовки издания рукописи.

М.М. Акчурин открыл свой доклад с пояснения о том, что известно лишь несколько отрывочных сообщений из восточных сочинений, имеющих отношение к среднему Поволжью, точнее к территории современной Мордовии. Так, в рукописи «Кара таварих» говорится, что в первой половине XV века Хаджи-Мухаммед, представитель династии Шибанидов, владел вместе с городом Болгаром и мордовскими землями (Алатырь, Мокши), хотя многие исследователи относятся к этому сообщению с настороженностью. Области Алатырь и Мокши упоминаются также у Абдулгаффара Кырыми в «Умдет ал-ахбар». Первый раз наряду с «Саксином» и «Мокши» («...ve Saksîn ve Alatir ve Mukşi...») при описании поволжских владений Саин-хана. Второй раз «Алатырь» перечисляется среди областей Улуса Джучи, которыми завладел хан Тимур-Кутлук («...ve Kazan ve Başkurd ve Alatar ve Ejder Han ve Rus ve Bulgar vilâyetlerine»). В основе сочинения Абдулгаффара Кырыми лежит труд Утемиша-хаджи (сер. XVI века) или общие источники. Однако в известных списках Утемиша-хаджи при описании данных сюжетов «Алатырь» не упоминается. Поэтому нельзя исключать, что «Алатырь» попал в текст Кырыми как позднее название области Московского государства, но когда-то являвшейся частью Улуса Джучи.

В дискуссии докладчик М.М. Акчурин сделал дополнение к докладу Трепавлова Вадима Венцеровича. «В своем выступлении Трепавлов Вадим Венцерович упомянул мангыта Асбая (Иса-бек, Эсебий, Эсений) – в сочинении «Кара-таварих» он назван дядей Едигея». Акчурин М.М. рассказал как в недавнем разговоре с ним Андрей Васильевич Беляков поделился соображением, что указанный в сочинении Кадырали-бека «Джами ат-Таварих» в числе касимовских карачибек-Саманай-бек из рода Исбай-Мангит, участвовавший в церемонии провозглашения ханом Ураз-Мухаммеда, не должен был относиться к линии Едигея, поскольку потомки Едигея, помещенные в Российском государстве, значительно отличались своими окладами от других татарских мурз и князей. Акчурин М.М. отметил, что созвучие имени и близость в написании позволяют сделать предположение, что родоначальником клана Исбай-Мангит как раз и являлся тот самый Асбай бек.

Одним из выступающих было сказано, что административное устройство Крымского ханства в более ранние периоды остается во многом для исследователей неизвестным. В связи с этим Акчурин М.М. обратил внимание на одно замечание в сочинении Абдул Гаффара Кырыми, где рассказывается, что все ширинские беи носили титул тумен-бей. Это, по мнению Акчурина, свидетельствует о существовании в Крымском ханстве туменов – административных округов. Известно, что ширинский бей Тегине при Улу-Мухаммеде стал наместником Солхата, а Солхат (Кырым, Эски-Кырым), как известно, был административным центром Крымского тумена. Таким образом, Акчурин М.М. предположил, что и далее ширинские беи являлись наместниками Солхатского (Крымского) тумена.

На заседании круглого стола также было отмечено, что важнейшим результатом научных мероприятий является работа по изучению источников. За эти годы Центром исследований истории Золотой Орды и татарских ханств были исследованы и опубликованы значимые памятники письменного наследия, как «Зайл-и джами ат-таварих-и Рашиди» Хафиза Абру [6], «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми, «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми [3], «Кара таварих» Утемиша-хаджи, «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина [4], а также другие арабские, персидские, тюркские, османские и латинские источники.

В настоящее время, работая над выявлением средневековых исторических сочинений и официальных документов, сотрудники Центра активно взаимодействуют с зарубежными специалистами из Западной Европы, Узбекистана, Ирана, Турции, Египта и других стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage».* Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
2. *Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage».* Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
3. *Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.*
4. *Рашид ад-дин. «Шуаб-и панджгана». Факсимиле / Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 460 с.*
5. *Утемиш-хаджи. Кара-таварих. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage».* Вып. 4 / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
6. *Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида»)* / Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова; отв. ред. И.М.Миргалеев. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. 320 с.

Сведения об авторе: Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: lusiia@mail.ru

Поступила 21.02.2019 Принята к публикации 05.03.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar*. Book 1: Transkriptsiya, faksimile. Seriya «Yazma Miras. Pis'mennoe nasledie. Textual Heritage». Is. 1. Transkriptsiya Der'ya Derin Pashaoglu; otv. redaktor I.M. Mirgaleev. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014. 420 p. (In Russian)
2. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar*. Book 2: Perevod. Seriya «Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Is. 5. Per. s osmanskogo Yu.N. Karimovoy, I.M. Mirgaleeva; obshchaya i nauchnaya redaktsiya, predislovie i kommentarii I.M. Mirgaleeva. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 200 p. (In Russian)
3. Abu Bakr Qalandar Rumi. *Kalandar-name: izbrannoe* [Qalandar-name]. Per. s pers. I.R. Gibadullin, M.R. Shamsimukhametova; obsh. i nauch. red., predislovie, kommentarii I.R. Gibadullin. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 1044 p. (In Russian)
4. Rashid al-Din. «*Shuab-i pandzhgana*». *Faksimile* [“Shuab-i pahjganah”. Facsimile]. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 460 p. (In Russian)
5. Ötemish Hajji. *Kara-tavarikh*. Seriya «Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Is. 4. Transkriptsiya I.M. Mirgaleeva, E.G. Say-fetdinovoy, Z.T. Khafizova; perevod na russkiy yazyk I.M. Mirgaleeva, E.G. Sayfetdinovoy; obshchaya i nauchnaya redaktsiya I.M. Mirgaleeva. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 312 p. (In Russian)
6. Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). *Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi* («*Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida*») [“Addition to the Rashid's Compendium of Chronicles”]. Per. s pers., predisl., komment., prim. i ukaz. E.R. Talyshkhanova. Otv. red. I.M. Mirgaleev. Kazan, YaZ, 2011. 320 p. (In Russian)

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: lusiia@mail.ru

Received February 21, 2019 Accepted for publication March 5, 2019

Published March 29, 2019

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Мавзолей Турахана – мавзолей (кэшэнэ) XIV–XV вв.
в Чишминском районе Республики Башкортостан
(<https://geocaching.su/showmemphotos.php?cid=1060>)

On the cover: The Turakhana Mausoleum – the mausoleum (keshene)
of the 14th–15th centuries in Chishminsky district of the Republic of Bashkortostan
(<https://geocaching.su/showmemphotos.php?cid=1060>)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2019. Т. 7, № 1

GOLDEN HORDE REVIEW. 2019, vol. 7, no. 1

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 20.03.2019 г. Дата выхода в свет 29.03.2019 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 12,5 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>